

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1910.

№ 11.

ЮНЬ—книжка первая.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛА БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКАГО:

- Рационалистическія гипотезы о воскресеніи Господа нашего Иисуса Христа. (Продолженіе). **Профес. Прот. Т. И. Буткевича** 575—623
- Чувство любви къ ближнимъ и ея непоколебимыя основы. (Окончаніе). **В. Тихомирова** 624—645
- Наука и апологетика А. Лаппарана. (Продолженіе). **Н. П. Ц.** 646—678

II. ОТДѢЛА ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

I. Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Императорской Академіи Наукъ.—Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота.—Епархіальныя Извѣщенія.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1909—1910 учебный годъ.—Воззваніе о помощи.—Объявленіе.—II. Четыре рѣчи, произнесенныя при обсужденіи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ. Члена Государственнаго Совѣта *Протоіеря Т. И. Буткевича*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія. (Стр. 679—718).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія „Мирный Трудъ“, Дѣвичья ул., № 14.

1910.

ЖУРНАЛЪ

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ даетъ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ помѣщаются изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ заключается отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“. Въ этотъ отдѣлъ входятъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной; статьи и замѣтки руководственно-пастырскаго характера; свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи; перечень текущихъ важнѣйшихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками **ДВА РАЗА** въ мѣсяць, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“, во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“; въ **Москвѣ:** въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ **Петербургѣ:** въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостин. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ отдѣленіяхъ „Новаго Времени“.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полный комплектъ изданія за 1909 г. за **8** руб. съ перес. За другіе годы экземпляры журнала могутъ быть пріобрѣтаемы по особому соглашенію съ Редакціей.

ВЪ РЕДАКЦИИ ПРОДАЕТСЯ:

СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за семь книгъ семь рублей съ пересылкой. Всѣй чистый доходъ поступаетъ согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающихся воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи.

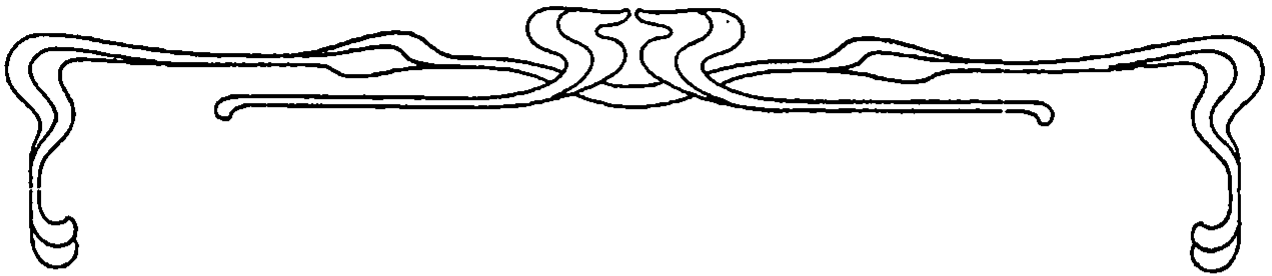
Πίσται νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI.

Харьковъ. Дозволено цензурою, 15 Юня 1910 года.

Цензоръ Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.

Рационалистическія гипотезы о воскресеніи Господа нашего Іисуса Христа *).

Если Христосъ не воскресъ, то и проповѣдь наша тщетна, тщетна и възраваша (1 Кор. XV, 14. 17).

(Продолженіе **).

4. Гипотеза Штрауса.

Какъ всѣ вообще рационалисты, Штраусъ вполне ясно понималъ, какое важное значеніе для христіанства имѣетъ воскресеніе Господа нашего Іисуса Христа изъ мертвыхъ,—это величайшее изъ всѣхъ чудесъ и несомнѣннѣйшее доказательство истины христіанской религіи. „Если бы намъ удалось,—говоритъ онъ съ откровенностію въ одномъ изъ сочиненій (Die Halben und Ganzen, стр. 125),—отвергнуть историческую почву всѣхъ евангельскихъ чудесъ и оставить ее только за однимъ этимъ событіемъ, то мы еще ровно ничего бы не сдѣлали для науки (?!), потому что воскресеніе Іисуса составляетъ центръ центра (Mittelpunkt des Mittelpunkts), истинное сердце теперешняго христіанства, и потому на него прежде всего издавна направляются рѣшительные удары противниковъ“. Такъ поступаетъ, какъ увидимъ, и самъ Штраусъ: онъ направляетъ все свое усиліе къ тому, чтобы отвергнуть историческую достовѣрность евангельскихъ повѣствованій о воскресеніи Спасителя и чрезъ то отнести это величайшее событіе евангельской исторіи къ области

*) Изъ университетскихъ лекцій 1904 года.

**) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 10 за 1910 годъ.

обыкновенныхъ мифовъ. Но такъ какъ Штраусъ считается—да и долженъ считаться—самымъ серьезнымъ критикомъ евангельскихъ повѣствованій, то и мы находимъ нужнымъ съ возможною обстоятельностью изложить и разобрать его сужденія объ этомъ предметѣ.

По всѣмъ евангельскимъ повѣствованіямъ,—говоритъ Штраусъ,—Исусъ, погребенный въ пятницу вечеромъ и пролежавшій субботу во гробѣ, возвратившись къ жизни, вышелъ изъ гроба. Нигдѣ не говорится, чтобы кто-либо и какъ-либо видѣлъ это событіе; по Маттею, даже поставленные у гроба стражи, ослѣпленные блескомъ ангела, сошедшаго съ неба для отваленія камня, пали на землю, какъ бы мертвы, и вслѣдствіе этого не видѣли, какъ ангелъ исполнилъ свою обязанность и какъ Исусъ вышелъ изъ гроба. Вскорѣ послѣ этого, по разсказу всѣхъ евангелистовъ, женщины, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, приходятъ ко гробу, но находятъ уже камень отваленнымъ, а затѣмъ отъ одного изъ многихъ ангеловъ получаютъ извѣстіе о воскресеніи Исуса, что скоро подтверждается различными явленіями Самого Воскресшаго. Такимъ образомъ,—говоритъ Штраусъ,—здѣсь мы стоимъ на томъ пунктѣ, гдѣ, въ виду повѣствованій о чудесномъ оживленіи Исуса, мы должны или объявить неосновательнымъ естественно-историческій взглядъ на жизнь Исуса, слѣдовательно, отказаться отъ всего сказаннаго нами доселѣ (въ книгѣ Штрауса *Das Leben Jesu*) и уничтожить весь свой трудъ, или сдѣлать понятнымъ содержаніе евангельскихъ повѣствованій, т. е. происхожденіе вѣры въ воскресеніе Исуса безъ всякаго чудеснаго событія. Чѣмъ ближе этотъ вопросъ касается самаго жизненнаго нерва теперешняго христіанства, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ нужно относиться къ щекотливости, съ какою принимается каждое слово объ этомъ событіи, и даже къ тѣмъ послѣдствіямъ, какія возможны для высказывающаго его; а съ другой стороны—чѣмъ рѣшительнѣе и важнѣе этотъ вопросъ для всего христіанства, тѣмъ настойчивѣе требованіе къ изслѣдователю—высказаться о немъ *совершенно безпристрастно*, вполне опредѣленно, *безъ всякихъ обиняковъ и заднихъ мыслей*.

Послѣ этого Штраусъ произноситъ свой судъ надъ несогласными съ нимъ учеными. Что для обыкновенныхъ бо-

гослововъ, еще не совсѣмъ завязшихъ въ буквальной вѣрѣ, этотъ эпизодъ евангельской исторіи является полемъ, гдѣ они развиваютъ всю свою способность—говоря много, ничего не сказать или сказать нѣчто совершенно иное, чѣмъ означаютъ слова; что какой-нибудь *Газе* играетъ здѣсь фразами, чтобы скрыть свое признаніе лишь кажущейся смерти Иисуса, или какой-либо *Эвальдъ* напыщенными выраженіями думаетъ обмануть читателя, будто объ этомъ предметѣ онъ не одного мнѣнія съ постоянно порицаемымъ имъ писателемъ критическаго изложенія жизни Иисуса (т. е. съ самымъ же Штраусомъ),—это, говоритъ Штраусъ,—въ порядкѣ вещей. Но его возмущаетъ, что даже *Бауръ* высказалъ мнѣніе, по которому вопросъ о воскресеніи Иисуса не можетъ подлежать историческому изслѣдованію, и такимъ образомъ уклонился отъ его разрѣшенія.

Штраусъ сознается, что происхожденіе вѣры въ воскресеніе Иисуса Христа совершенно было бы понятнымъ, еслибы это событіе, дѣйствительно, произошло такъ, какъ о немъ рассказываютъ евангелпсты. Но онъ не можетъ считать рассказы ихъ достовѣрными. До сихъ поръ, говоритъ онъ,—намъ не доказано (?), чтобы одно какое-либо Евангеліе было написано Апостоломъ или инымъ какимъ-либо свидѣтелемъ—очевидцемъ жизни Иисуса. Единственная книга Новаго Завѣта, которую, быть можетъ, написалъ одинъ изъ двѣнадцати Апостоловъ, это Откровеніе Іоанна; но она не ведетъ читателя дальше простой вѣры, что Иисусъ былъ умерщвленъ, а теперь снова живъ и безсмертенъ (1, 15, 18; 2, 8 и др.).

Послѣ Іоанна древнѣйшимъ писателемъ, повѣствующимъ о томъ, какъ произошла вѣра въ воскресеніе Иисуса среди его учениковъ, Штраусъ, какъ и другіе рационалисты признаетъ Апостола Павла, не бывшаго однако-же очевидцемъ первыхъ явленій, на которыхъ основана эта вѣра, но рассказывающаго о нихъ, какъ онъ и самъ утверждаетъ, только со словъ другихъ. Что Апостолъ Павелъ слышалъ о явленіяхъ воскресшаго Спасителя отъ Петра, Іакова и, быть можетъ, еще и отъ другихъ учениковъ, и что всѣ они а также и пятьсотъ „братій“ были твердо убѣждены въ томъ, что умершаго Иисуса Христа они видѣли живымъ,—въ этомъ Штраусъ не сомнѣвается. Но если мы спросимъ,—говоритъ онъ,—чѣмъ эти люди убѣдились въ томъ, что они не вна-

ли въ обманъ, то нашъ свидѣтель оставитъ насъ безъ отвѣта. Онъ говоритъ только, что ожившій Иисусъ „являлся“ имъ, т. е. они воображали, что видятъ Его и даже чувственно осязаютъ Его; но какъ они пришли къ этой вѣрѣ, какія они имѣли основанія считать его явленіе чѣмъ-то дѣйствительнымъ и при томъ—именно явленіемъ ихъ умерщвленнаго Учителя,—объ этомъ онъ ничего не говоритъ. Можно сомнѣваться даже, спрашивалъ ли онъ ихъ объ этомъ. Послѣ того, какъ онъ самъ удостоился явленія Христа, онъ такъ былъ увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, такъ былъ удовлетворенъ и убѣжденъ, что цѣлыхъ три года не показывался въ Іерусалимъ, чтобы получить болѣе точныя свѣдѣнія какъ объ Иисусѣ вообще, такъ—въ частности—и о Его явленіяхъ по воскресеніи. Впрочемъ, Штраусъ допускаетъ, что объ этихъ явленіяхъ Павелъ слышалъ еще раньше отъ исповѣдниковъ Христа, которыхъ онъ преслѣдовалъ; но онъ былъ не въ такомъ настроеніи, чтобы подвергнуть ихъ изслѣдованію и узнать правду.

Отъ Павла Штраусъ обращается къ евангелистамъ и высказываетъ категорическое, хотя и голословное положеніе, что изъ нихъ не одинъ не слышалъ (?) рассказовъ о жизни Спасителя отъ очевидцевъ; кромѣ того, ихъ повѣствованія находятся будто-бы въ противорѣчьи какъ между собою, такъ и съ рассказомъ Павла. Что Апостоль Павелъ ничего не говоритъ о явленіяхъ Иисуса Христа женщинамъ, которыя у евангелистовъ, кромѣ Луки (?), занимаютъ первое мѣсто, это Штраусъ объясняетъ тѣмъ, что Павелъ хотѣлъ сослаться на показанія мужчинъ. Первымъ, удостоившимся видѣть явленіе Воскресшаго, Лука, какъ и Павелъ, —говоритъ Штраусъ,—называютъ Петра (?). Но о явленіи Петру *ничего не знаютъ* Маттеей, Маркъ и Іоаннъ; они, напротивъ, знаютъ *только* (?) о явленіи Иисуса всѣмъ Апостоламъ, которое Павелъ отличаетъ отъ явленія Петру. Что Павелъ ничего не говоритъ о явленіи Христа двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ, о чемъ повѣствуютъ Лука и Маркъ, это Штраусъ объясняетъ незначительностію (?) самаго событія. О явленіи пятистамъ вѣрующимъ и Іакову *ничего не знаютъ* евангелисты, хотя о немъ упоминается въ „евангеліи отъ евреевъ“. Наконецъ, второго явленія всѣмъ Апостоламъ, которымъ Павелъ заканчиваетъ свой рассказъ,

нѣтъ,—говоритъ Штраусъ,—въ трехъ первыхъ Евангеліяхъ; только у Іоанна, по которому однако-же въ первый разъ присутствовало лишь десять Апостоловъ, Іисусъ является еще разъ, восемь дней спустя, одиннадцати Апостоламъ, и потомъ—въ введеніи къ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, гдѣ для явленій Воскресшаго отведенъ періодъ времени въ сорокъ дней, есть, конечно, мѣсто для всѣхъ возможныхъ явленій, хотя въ противорѣчій (?) раньше составленному Евангелію того же писателя (Луки), по которому и послѣднее явленіе происходитъ въ самый день воскресенія.

На эти мнимыя противорѣчія евангелистовъ между собою и Апостоломъ Павломъ Штраусъ смотритъ еще снисходительно, „такъ какъ ни Павелъ, ни первые три евангелиста не были обязаны упоминать непременно о всѣхъ явленіяхъ Воскресшаго“, но поведеніе четвертаго евангелиста и въ частности писателя его 21-й главы онъ находитъ непростительнымъ, такъ какъ онъ съ точностію утверждаетъ (?), что всѣхъ явленій Воскресшаго было только *три*. Такимъ образомъ,—говоритъ Штраусъ,—явленіе одиннадцати (20, 19), т. е. Павлово второе, у него оказывается первымъ; явленіе всѣмъ Апостоламъ, т. е. пятое у Павла,—вторымъ; явленія Петру и Іакову—первое и четвертое у Павла—опущены, потому что касаются только отдѣльныхъ лицъ; но почему опущено явленіе пятистамъ вѣрующихъ, среди которыхъ, по всей вѣроятности, были также и Апостолы въ числѣ одиннадцати, и говорится о менѣе значительномъ (?) явленіи семи Апостоламъ, которое считается третьимъ и о которомъ *ничего не знаютъ* ни Павелъ, ни другіе евангелисты,—на этотъ вопросъ Штраусъ не умѣетъ отвѣтить. Что это явленіе было послѣднимъ,—этого писатель не говоритъ, равно какъ и приведенная здѣсь бесѣда Спасителя не такова, чтобы ею исключалась возможность послѣдующихъ явленій; напротивъ,—говоритъ Штраусъ,—у трехъ остальныхъ евангелистовъ послѣдняя встрѣча Іисуса съ Его учениками мыслится, очевидно, какъ и послѣднее явленіе, потому что рассказъ о немъ сопровождается послѣдними распоряженіями и наставленіями Іисуса.

Послѣ этого Штраусъ остапавливается на противорѣчій, въ которое будто бы впадаютъ евангелисты относительно *мѣста явленій* Спасителя Своимъ ученикамъ по воскресеніи,

но здѣсь онъ ничего не говоритъ новаго въ сравненіи съ тѣмъ, что мы уже знаемъ и отъ Паулюса, и отъ Газе, и на что обыкновенно указываютъ всѣ раціоналисты. Апостоль Павель,—говоритъ Штраусъ,—не обозначаетъ вообще мѣста упоминаемыхъ имъ явленій. У Матѳея Иисусъ показывается только двумъ Маріямъ въ воскресеніе, утромъ, на пути отъ гроба въ городъ, т. е., близъ Іерусалима, чрезъ нихъ Онъ даетъ повелѣніе ученикамъ идти въ Галилею, гдѣ тотчасъ (?) и является имъ, по мнѣнію евангелиста (?), безъ сомнѣнія (?) въ первый и послѣдній разъ. Въ полномъ противорѣчьи, (!) съ этимъ, по Лукѣ, Иисусъ не только является въ Іерусалимѣ (?) двумъ ученикамъ, шедшимъ въ *Эммаусъ*, Петру и всѣмъ одиннадцати (?) вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими (вѣроятно, съ братьями Иисуса и женщинами), но и даетъ имъ ясное повелѣніе—оставаться въ городѣ, пока не сойдетъ на нихъ сила свыше, что, по свидѣтельству книги Дѣяній Апостольскихъ, случилось только въ праздникъ Пятидесятницы, т. е., семь недѣль спустя. Примирить это такъ, какъ сдѣлалъ Маркъ, т. е. предположить, что сначала ангелъ повелѣваетъ ученикамъ чрезъ женщинъ—идти въ Галилею, какъ мѣсто, гдѣ они должны были видѣть Иисуса, а затѣмъ—неизвѣстно, почему—Иисусъ всетаки явился имъ въ Іерусалимѣ и близъ него,—нельзя, говоритъ Штраусъ. Но если Лука правъ съ своимъ замѣчаніемъ, что въ день воскресенія Иисусъ повелѣлъ ученикамъ оставаться въ Іерусалимѣ, то Онъ не могъ, какъ рассказываетъ Матѳей, въ то же самое утро посылать ихъ въ Галилею; и если они не пошли туда, не смотря на опредѣленное повелѣніе Его, то ясно, что они не могли удостоиться тамъ явленій, о которыхъ говорятъ Матѳей и писатель добавочной главы у Іоанна. Наоборотъ,—говоритъ Штраусъ,—если бы, дѣйствительно, Иисусъ указалъ ученикамъ на Галилею, какъ на мѣсто, гдѣ они должны были Его видѣть, то нельзя представить себѣ, что могло побудить Его являться имъ еще въ тотъ же день въ Іерусалимѣ. Такимъ образомъ, заключаетъ Штраусъ, если правъ Матѳей, то вычеркиваются, какъ не бывшія, всѣ явленія, которыхъ, по другимъ евангелистамъ, удостоились ученики въ Іерусалимѣ и близъ него.

Дальнѣйшія противорѣчія евангельскихъ повѣствованій между собою Штраусъ находитъ въ слѣдующемъ. По

Лукъ, Марія Магдалина, Марія Іаковлева, Іоанна и еще нѣкоторыя другія женщины идутъ ко гробу, видятъ въ немъ двухъ ангеловъ и, по возвращеніи своемъ рассказываютъ Апостоламъ и всѣмъ остальнымъ о видѣнномъ и слышанномъ: по Марку, это путешествіе совершаютъ только три женщины, между которыми вмѣсто (?) Іоанны стоитъ Саломія, видятъ во гробѣ одного ангела и затѣмъ отъ страха никому ничего не говорятъ; по Матѳею, идутъ только двѣ женщины — Маріи, находятъ одного ангела сидящимъ на отваленномъ камнѣ и затѣмъ, на обратномъ пути, встрѣчаютъ уже Самого Іисуса; по Іоанну, напротивъ (?), одна Марія Магдалина отправилась ко гробу и въ первый разъ видѣла только пустой гробъ; затѣмъ во второе путешествіе она видѣла уже двухъ ангеловъ, сидящихъ во гробѣ, и, наконецъ, позади себя — Самого Іисуса. Что Матѳеи и Маркъ — далѣе — ничего не знаютъ о томъ, о чемъ говоритъ Лука, именно — что послѣ извѣстія женщинъ и Петръ пошелъ ко гробу и нашелъ его пустымъ, между тѣмъ, какъ, по Іоанну, вмѣстѣ съ нимъ ходилъ также еще и „другой ученикъ“: этому и нѣкоторымъ другимъ второстепеннымъ уклоненіямъ, — говоритъ Штраусъ, — мы уже и не приписываемъ особеннаго значенія, такъ какъ и безъ нихъ довольно ясно (?), что въ евангельскихъ повѣствованіяхъ о явленіяхъ Воскресшаго мы не имѣемъ такихъ свидѣтельствъ, какими они должны быть (?), чтобы заставить насъ съ большею увѣренностію признать случившимся такой неслыханный фактъ, котораго они касаются, чѣмъ предположить, что повѣствованія эти основываются на какой-то погрѣшности.

Противорѣчивыми представляются Штраусу евангельскія повѣствованія и въ указаніи на характеръ явленій Воскресшаго: естественное въ нихъ стоитъ рядомъ съ сверхъестественнымъ, чего, по его мнѣнію, нельзя допустить. Тѣло, которое можно осязать, т. е., имѣющее силу сопротивленія, — говоритъ Штраусъ, — не можетъ проникать чрезъ запертыя двери, не можетъ терять своей силы сопротивленія, равно какъ и наоборотъ: тѣло, безпрепятственно проникающее чрезъ доски, не можетъ имѣть костей и желудка, чтобы переваривать хлѣбъ и жареную рыбу. Эти признаки не могутъ сосуществовать рядомъ въ одномъ дѣйствительномъ человѣкѣ, — ихъ можетъ соединять вмѣстѣ только одна фан-

тазія: здѣсь будто бы сыграла свою роль догматика, не оставившая мѣста исторіи.

Такимъ образомъ, заключаетъ Штраусъ изъ всего сказаннаго до сихъ поръ, въ воскресеніи Іисуса мы не можемъ видѣть чудеснаго внѣшняго событія потому (?), что евангельскія свидѣтельства въ пользу явленій, на которыхъ съ самаго начала была основана вѣра въ него, далеко не представляютъ той несомнѣнности, какую они должны бы имѣть для того, чтобы сдѣлать вѣроятнымъ такое чудо, такъ какъ они, во-первыхъ, не согласны между собою, во-вторыхъ, не принадлежатъ очевидцамъ и, въ-третьихъ, такъ описываютъ существо и поведеніе Воскресшаго, что противорѣчатъ самимъ себѣ.

Но, не признавая воскресенія Іисуса Христа внѣшнимъ чудеснымъ событіемъ, Штраусъ, какъ мы упомянули уже, не соглашается и съ тѣми рачіоналистами (Паулюсомъ, Газе и др.), которые считаютъ его „естественнымъ тѣлеснымъ оживленіемъ“. Защитники этой гипотезы, говоритъ Штраусъ, въ противоположность церковникамъ, въ явленіяхъ Воскресшаго, о которыхъ повѣствуютъ Евангелія, придерживаются исключительно тѣхъ чертъ, которыя, по-видимому, свидѣлствуютъ о совершенно естественной тѣлесности, каковы: раны, осязаніе, принятіе пищи, которая понимается не какъ простая возможность ѣсть, а какъ потребность питанія; напротивъ, противоположные признаки, указывающіе на нѣчто духовное въ существѣ ожившаго Іисуса, рачіоналисты стараются устранить какимъ-либо уклончивымъ объясненіемъ. Такъ, напр., что ученики, при явленіи Іисуса неоднократно ужасались, объясняется ихъ убѣжденіемъ, что Онъ, дѣйствительно, умеръ, и что, слѣдовательно, что они видятъ, есть только Его тѣнь, вышедшая изъ подземнаго міра; эммаусскіе путники не узнавали Его долго потому, что черты Его лица были искажены страданіями. Марія Магдалина не могла узнать Его потому, что, вышедши изъ гроба нагимъ, Іисусъ долженъ былъ одѣться въ платье сосѣдняго садовника. Что Онъ мгновенно сталъ среди своихъ учениковъ, когда двери комнаты были заперты, уже Шлейермахеръ объяснялъ тѣмъ, что кто-то раньше отворилъ Ему двери. Что тѣло, съ которымъ Іисусъ вышелъ изъ гроба, не было чудесно прославленнымъ, но лишь по-

степенно выздоравливающимъ отъ ранъ и слабости, доказательство этого рационалисты находятъ въ постепенности его укрѣпленія: въ воскресенъе, утромъ, Онъ еще не позволилъ Маріи Магдалинѣ прикасаться къ Себѣ, а восемь дней спустя Самъ предлагаетъ Ѳомѣ сдѣлать это, потому что раны Его уже достаточно зажили: утромъ Онъ еще не могъ отойти отъ гроба, а въ полдень путешествуетъ уже въ Эммаусъ, употребляя на это три часа; чрезъ нѣсколько же дней Онъ былъ въ состояніи отправиться даже въ Галилею. Сверхъестественность событія, продолжаетъ Штраусъ, рационалисты усматриваютъ только въ фантазіи учениковъ и евангелистовъ, а не въ дѣйствительности. Что возбужденныя женщины приняли за ангеловъ бѣлыя пелены въ пустомъ гробѣ или одѣтыхъ въ бѣлое платье какихъ-то мужчинъ, это неудивительно. Для отваленія камня не было надобности ни въ какомъ ангелѣ, такъ какъ случайно или намѣренно это могли сдѣлать и люди. Наконецъ, что Иисусъ, по отваленіи камня, вышелъ изъ гроба живымъ, это рационалисты также находятъ совершенно естественнымъ. Распятіе, по ихъ словамъ, производило только незначительную потерю крови и умерщвляло лишь медленно чрезъ постепенное ослабленіе организма; поэтому, если Иисусъ былъ снятъ со креста по истеченіи только шести часовъ, то вѣроятно всего, что Его смерть была только смертоподобнымъ оцѣпенѣніемъ, отъ котораго Онъ пробудился по снятіи со креста въ прохладномъ гротѣ, покрытый цѣлительными мазями и сильно пахнущими благовоніями. При этомъ рационалисты ссылаются обыкновенно на свидѣтельство Іосифа Флавія, который однажды, возвращаясь съ военной рекогносцировки, увидѣлъ много распятыхъ іудескихъ плѣнниковъ и одного изъ трехъ своихъ знакомыхъ спасъ, окруживъ его тщательнымъ врачебнымъ уходомъ. Этой ссылкой на Іосифа Штраусъ не придаетъ серьезнаго значенія, такъ какъ три іудея, снятые Іосифомъ съ крестовъ, еще обнаруживали, вѣроятно, признаки жизни, и если одинъ изъ нихъ, благодаря тщательному медицинскому уходу, былъ спасенъ, то это не значитъ, что и всякій распятый и уже признанный умершимъ, оставаясь безъ всякой врачебной помощи, долженъ ожить. Возможно, говоритъ Штраусъ, что то, что называютъ возможнымъ, только и остается таковымъ; но

предполагать его дѣйствительно случившимся было бы справедливо лишь тогда, когда бы въ пользу предположенія, что Иисусъ оказался живымъ, были приведены несомнѣнныя доказательства; но такихъ доказательствъ нѣтъ (?). Насколько ясно, согласно и послѣдовательно евангелисты повѣствуютъ о смерти Иисуса, говоритъ Штраусъ, настолько различно, противорѣчиво и сбивчиво (?) рассказываютъ они о впечатлѣнїяхъ, полученныхъ Его послѣдователями отъ Его оживленія. Они знаютъ только отдѣльные случаи. Онъ, по ихъ словамъ, показывается то здѣсь, то тамъ, то такъ, то иначе, но неизвѣстно ни того, откуда Онъ является, ни того, куда Онъ уходитъ и гдѣ Онъ проживаетъ. Получается впечатлѣнїе не объективно возстановленной, связной жизни, а лишь субъективнаго представленія, отдѣльных видѣнїй, которыя вначалѣ, быть можетъ, дѣйствительно, и происходили, но потомъ во всякомъ случаѣ были разукрашены и развиты даже въ различныхъ направленїяхъ. Рационалистическую гипотезу объ оживленїи Иисуса Христа отъ мнимой смерти Штраусъ находитъ неудовлетворительною и по ея приѣмамъ для превращенія сверхъестественнаго въ естественное. Если повѣствователь дважды говоритъ въ однихъ и тѣхъ же выраженїяхъ: „Иисусъ пришелъ и сталъ посреди, когда двери были заперты“, то, само собою, замѣчаетъ Штраусъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя утверждать, что раньше двери были Ему кѣмъ-то открыты. Если тѣлесность Иисуса была естественною, то Онъ не могъ исчезнуть изъ-за стола незамѣтно для двухъ учениковъ въ Эммаусѣ. Мнимая постепенность въ Его выздоровленїи есть плодъ одной фантазїи, такъ какъ несомнѣнному убѣжденїю всѣхъ повѣствователей о состоянїи и тѣлесности Воскресшаго ничто болѣе не можетъ противорѣчить, какъ все то, что указываетъ на страданїе или вообще на человѣческія потребности. Наконецъ, нельзя не отмѣтить того, говоритъ Штраусъ, что этотъ взглядъ на оживленїе Иисуса, помимо затрудненїй, въ которыхъ онъ путается, вовсе не разрѣшаетъ поставленной задачи: объяснить основанїе Церкви чрезъ вѣру въ чудесное оживленїе Мессїи. Вылѣзшій изъ гроба полумертвецъ, вокругъ него ползающій, нуждающійся во врачебной помощи, въ перевязкахъ, въ поддержанїи и уходѣ за нимъ, и, наконецъ, испытывающій еще страданїя, не могъ произвести на

учениковъ впечатлѣнія побѣдителя смерти и гроба, владыки жизни, которое лежитъ въ основѣ ихъ послѣдующаго поведенія; такое оживленіе только ослабило бы и то впечатлѣніе, которое Онъ произвелъ на нихъ Своею жизнію и смертію, по крайней мѣрѣ, заставивъ ихъ элегически воспѣвать Его, но не могло превратить ихъ мечту въ одушевленіе, усилить ихъ почитаніе до благоговѣнія.

Но если воскресеніе Спасителя не есть чудо Божественнаго всемогущества и не есть естественное тѣлесное оживленіе отъ кажущейся смерти, то какимъ же образомъ могла явиться среди христіанъ твердая вѣра въ него? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, Штраусу не пришлось создавать никакой новой гипотезы; онъ обращается къ помощи уже извѣстной намъ нами выше разсмотрѣнной *визіонерной гипотезы*, научная несостоятельность которой была прекрасно показана Паулюсомъ и даже Газе. Ничего лучшаго не нашлось. Приступая къ ея изложенію, Штраусъ, какъ и многіе изъ его рационалистическихъ предшественниковъ—Газе, Гольштенъ, Целлеръ, Гильгенфельдъ и Лянгъ, начинаетъ анализомъ повѣствованія о явленіи Спасителя Апостолу Павлу на пути въ Дамаскъ, при чемъ, собственно говоря, только повторяетъ сказанное уже другими, въ особенности —Гольштеномъ.

Павель, говоритъ Штраусъ, признаетъ бывшее ему явленіе такимъ же точно, какихъ были удостоены, раньше его, старѣйшіе Апостолы.

Что же это было за явленіе?

Какъ извѣстно, говоритъ Штраусъ, въ книгѣ Дѣяній Апостольскихъ мы имѣемъ о немъ обстоятельное, даже дважды повторенное, повѣствованіе, представляющее его внѣшнимъ, чувственно воспринятымъ событіемъ, упоминающее о небесномъ свѣтѣ, который повергъ Павла на землю и ослѣпилъ его на нѣсколько дней, о небесномъ голосѣ, который говорилъ съ нимъ внятными словами и который слышали (?) его спутники. Но такого доказательства внѣшней дѣйствительности этого явленія, какое, по третьему и четвертому Евангеліямъ, далъ Иисусъ старѣйшимъ ученикамъ, когда Онъ дозволилъ имъ осязать Себя и ѣсть пищу, здѣсь нѣтъ. Поэтому, заключаетъ Штраусъ, если не придавать значенія слѣпотѣ Павла и ея уничтоженію Ананіею,

точно такъ же, какъ и впечатлѣнiямъ спутниковъ, то мы можемъ смотрѣть на это событiе только какъ на видѣнiе, которое произошло внутри Павла, хотя онъ самъ и приписываетъ его внѣшней причинѣ.

Чтобы найти опору своему предположенiю, Штраусъ, по обычаю, старается подорвать довѣрiе къ повѣствованiю указаниемъ на его противорѣчiя съ другими рассказами объ этомъ же самомъ событiи, помѣщенными въ той же самой книгѣ Апостольскихъ Дѣянiй. Противорѣчiя эти, намъ уже извѣстныя, по указанию Штрауса, состоятъ въ слѣдующемъ: одинъ разъ говорится, что спутники стояли онѣмѣлыми, другой разъ—что они пали на землю вмѣстѣ съ Павломъ; одинъ разъ—что они слышали голосъ, а никого не видѣли; другой разъ—что они видѣли свѣтъ, а не слышали голоса, который говорилъ съ Павломъ; самая рѣчь Иисуса въ третьемъ повторенiи дополняется указаниемъ на трудность идти противъ рожна. Не смотря на это, Штраусъ не допускаетъ мысли, что помѣщенные въ книгѣ Апостольскихъ Дѣянiй повѣствованiя объ обращенiи Савла заимствованы изъ различныхъ источниковъ; онъ ставитъ писателю въ вину его безпечность, такъ какъ, при внимательности онъ могъ бы самъ сгладить свои собственныя противорѣчiя. Впрочемъ, говоритъ Штраусъ, если бы повѣствователь и внимательно относился къ своему дѣлу, точности отъ него ожидать нельзя, такъ какъ онъ не очевидецъ и даже заимствовалъ свой рассказъ не изъ устъ очевидца (?). Пусть онъ будетъ спутникомъ Павла во время его апостольскихъ путешествiй, онъ всетаки не присутствовалъ съ Павломъ при событiи предъ Дамаскомъ, такъ какъ онъ сталъ сотрудникомъ Павла уже далеко позже, въ Троадѣ, во время его второго миссiонерскаго путешествiя. Впрочемъ, говоритъ Штраусъ, писателемъ книги Апостольскихъ Дѣянiй не могъ быть спутникъ Павла. Въ своемъ трудѣ онъ помѣстилъ не свои личныя воспоминанiя, а лишь постепенно переработалъ записи какого-то временнаго спутника этого Апостола, и мы поэтому не въ правѣ считать его очевидцемъ въ тѣхъ мѣстахъ и отдѣлахъ книги, гдѣ нѣтъ извѣстнаго „мы“. А къ такимъ именно мѣстамъ принадлежитъ отрывокъ, въ которомъ находятся оба рассказа Павла о его обращенiи. Такимъ образомъ, думаетъ Штраусъ, мы не имѣемъ основанiя ви-

дѣтъ въ этихъ разсказахъ собственное повѣствованіе Павла въ передачѣ его спутника.

Собственное свидѣтельство Павла находится въ его посланіяхъ. Къ сожалѣнію, говоритъ Штраусъ, оно весьма кратко. Павелъ говоритъ только, что воскресшій Іисусъ явился ему или былъ видимъ имъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: „не видѣлъ ли я Іисуса Христа, нашего Господа?“—при чемъ, онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ въ виду одно и то же явленіе. Наконецъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ подробно касается происшедшаго съ нимъ переворота (Гал. 1, 13—17), онъ говоритъ лишь, что Богу угодно было открыть въ немъ Своего Сына, чтобы онъ возвѣстилъ Его язычникамъ. Если мы сведемъ вмѣстѣ эти различныя выраженія, то съ одной стороны, мы имѣемъ убѣжденіе Апостола, что онъ видѣлъ Іисуса, а изъ разсказа книги Апостольскихъ Дѣяній мы можемъ вывести заключеніе, что онъ Его также и слышалъ, воспринималъ, по его убѣжденію, Его слова. Слышать такія слова изъ высшаго міра Павелъ считалъ себя удостоеннымъ и въ другомъ мѣстѣ. Быть можетъ, онъ имѣетъ въ виду не разбираемое, а какое-либо позднѣйшее явленіе, когда говоритъ во второмъ своемъ посланіи къ Коринтянамъ (12, 1 и сл.) о человѣкѣ, который назадъ тому четырнадцать лѣтъ былъ восхищенъ въ третье небо, т. е. въ рай, и слышалъ неизреченныя глаголы, которыхъ онъ не можетъ сообщить никому. Но когда онъ прибавляетъ, что онъ не знаетъ, а Богъ только знаетъ, былъ ли онъ въ это время въ тѣлѣ или внѣ тѣла, то мы видимъ, говоритъ Штраусъ, что онъ сознавалъ, какъ трудно въ такихъ явленіяхъ опредѣлить дѣйствительный характеръ. А когда свое обращеніе онъ называетъ откровеніемъ Сына Божія въ немъ, то вѣдь онъ самъ здѣсь приписываетъ главное значеніе внутреннему состоянію; видѣніе и слышаніе Христа мыслить явленіемъ въ его духъ истиннаго познанія Его, какъ Сына Божія. Что при этомъ онъ не отвергалъ внѣшняго и дѣйствительнаго присутствія прославленнаго Христа, въ этомъ Штраусъ нисколько не сомнѣвается; но за то Павелъ, по его мнѣнію, ничего не указываетъ и такого, что препятствовало бы ему быть иного мнѣнія и смотрѣть на явленіе ему Христа какъ на совершенно субъективное событіе, какъ на фактъ его внутренняго настроенія.

Что чрезмѣрно-возбужденныя состоянія у Павла не были рѣдкостью,—говоритъ Штраусъ,—объ этомъ свидѣтельствуемъ самъ онъ. Если бы вообще полезно было хвалиться, пишетъ онъ коринѣскимъ христіанамъ (2 Кор. 12,1), то онъ могъ бы похвалиться чрезмѣрнымъ количествомъ видѣній и откровеній (?!), которыми онъ былъ облагодатствованъ; изъ нихъ онъ потомъ приводитъ въ частности упомянутый случай съ восхищеніемъ въ третье небо. Тѣмъ не менѣе онъ былъ опечаленъ тѣмъ, что не былъ избавленъ отъ стрѣлы, поражавшей его, отъ ударовъ сатанинскаго ангела, которымъ онъ былъ подвергаемъ. Здѣсь можно предполагать судорожные, даже эпилептическіе припадки, и съ этимъ согласно то, что онъ говоритъ въ другихъ мѣстахъ (2 Кор. 10, 10; Гал. 4, 13) о слабости своего тѣла и его немощахъ. Кромѣ того на его перевозность Штраусу указываетъ и его способность говорить языками, въ чемъ, по его словамъ (1 Кор. 14, 18), онъ превосходилъ всѣхъ членовъ коринѣской церкви, ибо это было экстатическое состояніе,—и говорящаго языками безъ толмача никто не могъ понимать. Откровенію Павелъ приписывалъ также и побужденіе къ своему путешествію въ Іерусалимъ для объясненія со старѣйшими Апостолами (Гал. 2, 2). При этомъ мы можемъ прекрасно видѣть,—говоритъ Штраусъ,—какъ происходили въ немъ эти мнимо-сверхъестественныя душевныя настроенія. Кромѣ откровенія онъ указываетъ здѣсь и вполне рациональное побужденіе къ этому путешествію, именно—чтобы не оказался тщетнымъ его апостольскій трудъ. Обстоятельства были затруднительныя. Успѣхи Апостола Павла обратили на себя вниманіе іерусалимской церкви. Тамъ возбуждена была тревога тѣмъ, что центръ языческаго христіанства въ Антиохіи противопоставлялъ (?) себя митрополіи іудейскаго христіанства. Члены іерусалимской общины пришли въ Антиохію, гдѣ дѣйствовалъ Павелъ, и, какъ кажется (?), ссылаясь на Апостоловъ, стоявшихъ во главѣ ихъ общины, предъявили требованіе, чтобы язычники, желавшіе вступить въ общество мессіанскаго спасенія, подчинились сначала Моисееву закону и въ частности—обрѣзанію. Съ такимъ требованіемъ Павелъ, по своему внутреннѣйшему убѣжденію, согласиться не могъ. Грозилъ расколъ, который могъ уничтожить дѣло всей жизни Павла. Можно предста-

вить себѣ,—говорить Штраусъ,—какъ это возмутило его духъ, а отсюда произошло и откровеніе съ повелѣніемъ Христа, во снѣ или наяву,—что, при общемъ душевномъ настроеніи Павла, не должно-де казаться чудомъ.

Послѣ этого Штраусъ обращается къ тому времени, когда Павелъ былъ еще гонителемъ христіанъ, и характеризуетъ его тогдашнее душевное настроеніе. Быстрые успѣхи христіанства,—говоритъ Штраусъ,—привели Павла, какъ ревнителя отечественныхъ іудейскихъ преданій, въ сильное возбужденіе. Но та же ревность враждебно настроила его и по отношенію къ той партіи, къ которой онъ примкнулъ со всею пылкостью своего существа,—къ фарисейству (?). Естественно было бы, конечно, предположить, что изъ такого душевнаго настроенія долженъ былъ произойти скорѣе визионерный Моисей или Ілія, чѣмъ явленіе Христа; но такое предположеніе возможно, если не обращать вниманія на другую сторону дѣла. Что удовлетвореніе, какое Павелъ думалъ найти въ своей ревности къ фарисейской праведности, не было продолжительнымъ, это показалъ результатъ. Но уже и тогда обнаруживалось это—и въ его страстномъ безпокойствѣ (?) и въ его зилотской ненависти къ иномыслящимъ. Онъ находился въ различныхъ соприкосновеніяхъ съ новыми вѣрующими въ Мессію, спорилъ (?) съ ними, какъ опытный діалектикъ, вторгался въ ихъ собранія, тащилъ ихъ въ темницы и предавалъ суду и потому не могъ не испытывать вліянія на себѣ и отъ нихъ. Фактомъ, на который они ссылались и на которомъ они основывали свою вѣру, уклонившуюся уже отъ обыкновеннаго іудейства, было именно воскресеніе Іисуса. Если бы Павелъ былъ саддукеемъ,—ему легко было бы спорить противъ этого главнаго факта, ибо саддукеи вообще не вѣровали въ воскресеніе. Но онъ былъ фарисей и, слѣдовательно, вѣровалъ въ воскресеніе, хотя—только въ воскресеніе при концѣ міра. Впрочемъ,—говоритъ Штраусъ,—съ точки зрѣнія тогдашняго іудейскаго мышленія (?), не представлялось затрудненія въ отдѣльномъ случаѣ, въ видѣ исключенія (?), допустить, что для святаго мужа воскресеніе могло послѣдовать и раньше. Конечно, Павелъ не могъ считать Іисуса святымъ; напротивъ, въ его глазахъ Онъ былъ еретикъ и обманщикъ. Но встрѣчи съ Его исповѣдниками каждый разъ все больше и больше за-

рождали въ немъ сомнѣніе. Христіане не только вѣровали, но и твердо были убѣждены въ воскресеніи Іисуса, какъ въ своей собственной жизни; кромѣ того, они поражали даже своего преслѣдователя своимъ душевнымъ настроеніемъ, тихимъ миромъ, спокойною радостію въ самыхъ страданіяхъ. Но могъ ли быть еретикомъ Тотъ, у Кого были такіе послѣдователи? Могло ли быть ложью то, что сообщало такой миръ и увѣренность? Такъ какъ съ одной стороны, Павелъ видѣлъ, что новая секта все болѣе и болѣе распространяется, несмотря на ея преслѣдованія и даже благодаря имъ, а съ другой—онъ самъ, какъ ея гонитель все меньше и меньше получалъ внутренняго удовлетворенія, котораго напротивъ—не могъ не замѣчать у преслѣдуемыхъ, то намъ не должно казаться чудомъ,—говоритъ Штраусъ,—если въ часы безпокойства и внутренняго томленія онъ иногда ставилъ вопросъ самому себѣ: да, кто же, наконецъ, правъ—ты или распятый Галилеянинъ,—предметъ мечтанія этихъ людей? А зашедши такъ далеко, онъ, при своихъ тѣлесныхъ и душевныхъ особенностяхъ, уже легко могъ впасть въ экстазъ, въ которомъ Христосъ, до сихъ поръ такъ страстно имъ преслѣдуемый, явился ему во всемъ Своемъ величіи, о которомъ рассказывали Его послѣдователи, обратилъ его вниманіе на извращенность и тщетность его стремленія и, наконецъ, призвалъ его къ Себѣ на служеніе.

У остальныхъ Апостоловъ явленія Воскресшаго, по словамъ Штрауса, были такими же внутренними событіями или галлюцинаціями, какъ и у Павла. Аналогичными въ обоихъ случаяхъ были будто-бы и причины, произведшія эти явленія, и условія, при которыхъ они происходили. Возбужденіе, возникшее въ душѣ будущаго Апостола язычниковъ, благодаря успѣхамъ христіанства и его собственной ревности въ преслѣдованіи его приверженцевъ, у старѣйшихъ Апостоловъ было вызвано, наоборотъ, преслѣдованіемъ, воздвигнутымъ со стороны іудеевъ на Христа и Его учениковъ. Съ другой стороны—чѣмъ для Павла было впечатлѣніе отъ первенствующей Христовой Церкви, ея радостнаго настроенія, ея вѣры и страданій,—тѣмъ для болѣе раннихъ учениковъ были—воспоминаніе о самой личности Іисуса и живое убѣжденіе, что Онъ—Мессія.

Какъ ни различно были понимаемы іудейскія мессіан-

скія ожиданія,—говоритъ Штраусъ,—но они состояли въ томъ, что послѣ основанія Своего Царства Мессія будетъ владычествовать надъ Своими послѣдователями дольше естественной человѣческой жизни. По Лукъ 1, 33 (срв. Иоан. 12, 34), Его владычество вовсе не должно имѣть конца, что можно было вычитать въ Пс. 109, 4; Пс. 8, 5; Дан. 7, 14, 27; въ другихъ мѣстахъ—царствованіе Мессіи на землѣ представляется то тысячелѣтнимъ (Апок. 20, 4), то четырехсотлѣтнимъ (3 Ездр. 7, 28), иногда, впрочемъ, и болѣе краткимъ. Если Иисусъ умеръ, то это случилось, какъ и со всякою земною жизнію, только для превращенія въ сверхземное существо; но Онъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ былъ умереть, не окончивъ Своего дѣла, не исполнивъ того, чего ожидалъ отъ Него народъ; ни въ какомъ случаѣ Онъ не долженъ былъ умереть, какъ умираетъ побѣжденный врагомъ или осужденный преступникъ. Правда, то и другое случилось съ Иисусомъ: Его мессіанская дѣятельность была прервана насиліемъ, совершеннымъ надъ Нимъ іудеями, раньше ея дѣйствительнаго начала. Но что она была прервана навсегда, это только казалось. Народъ, къ которому Онъ былъ посланъ, оказался недостойнымъ удержать Его теперь и быть участникомъ благословеній, которыя Онъ хотѣлъ принести ему; поэтому Небо взяло Его на время, пока народъ покается и станетъ достойнымъ, чтобы Богъ опять послалъ Его и чтобы для истиннаго Израиля наступило такимъ образомъ давно назначенное время успокоенія (Дѣян. 3, 20).

Въ Ветхомъ Завѣтѣ,—продолжаетъ Штраусъ,—также можно было усматривать, и многіе, дѣйствительно, усматривали, что путь Мессіи къ новой, лучшей жизни лежитъ чрезъ смерть и гробъ. За себя ли самого Давидъ прославлялъ Бога, говоря, что Онъ не оставитъ его души въ подземномъ мірѣ и не предоставитъ тлѣнію его тѣла? Давидъ, который, какъ и всѣ другіе люди, умеръ и тѣло котораго истлѣло? И не былъ ли то скорѣе его великій потомокъ, Мессія, т. е. Иисусъ, для котораго слова Давида имѣли значеніе обѣтованія? Не предсказывалъ ли, затѣмъ, Исаія о Рабѣ Іеговы, что хотя Онъ будетъ вырванъ изъ страны живыхъ и получитъ Свой гробъ у преступниковъ (?), но когда Его душа принесетъ жертву умилоствленія, Онъ будетъ

жить долго и будетъ имѣть свою часть между сильными? Кромѣ того, ученики могли припоминать и слова Самого Иисуса, въ которыхъ заключалось указаніе, съ одной стороны—на предстоящія Ему страданія и смерть, а съ другой—на неуничтоженную ими побѣду Его дѣла, и которыя, быть можетъ, они ставили въ связь съ подобными же ветхозавѣтными мечтами. По Лукѣ, воскресшій Иисусъ разъяснялъ ученикамъ Писаніе и указывалъ имъ на то, что въ немъ были предвозвѣщены Его страданіе, смерть и воскресеніе; а это можно (?)-понимать въ томъ смыслѣ, что послѣ смерти Иисуса Его ученики занимались изслѣдованіемъ Писанія,—что, конечно, могло оживить въ нихъ вѣру въ Него.

Теперь,—говоритъ Штраусъ,—вотъ то состояніе, въ которомъ непосредственно послѣ смерти Иисуса находились Его послѣдователи и старовѣры—іудеи (?). Послѣдніе говорили: вашъ Иисусъ не могъ быть Мессіею уже потому, что Мессія долженъ пребывать вѣчно или умереть только вмѣстѣ со своею земною жизнію вообще послѣ продолжительнаго мессіанскаго царствованія, а вашъ Иисусъ позорно умеръ раньше времени, не сдѣлавъ ничего мессіанскаго. Въ отвѣтъ на это первые говорили: такъ какъ нашъ Мессія умеръ раньше времени, то, на основаніи пророчествъ, гласящихъ о вѣчномъ существованіи Мессіи, можно думать только, что Его смерть должна быть не пребываніемъ въ подземномъ мірѣ, а переходомъ къ высшей жизни у Бога, изъ которой въ свое время Онъ возвратится на землю, чтобы окончить свое дѣло, прерванное по вашей винѣ. Въ Ветхомъ Завѣтѣ,—говоритъ Штраусъ,—были мужи, удостоенные подобнаго возвышенія къ Богу,—Енохъ и Илія (а по позднѣйшимъ іудейскимъ легендамъ,—также и Моисей) безъ посредства смерти: они унесли съ собою въ небесныя страны и свои тѣла. Между взятіемъ ихъ живыми на небо и воскресеніемъ Иисуса Христа Штраусъ признаетъ только кажущееся различіе. Въ обыкновенномъ своемъ состояніи тѣла Еноха и Иліи не могли будто бы войти въ міръ духовъ: Богъ долженъ былъ сначала преобразовать ихъ. Но что Онъ сдѣлалъ съ живыми тѣлами,—говоритъ Штраусъ,—то у Иисуса Онъ сдѣлалъ съ мертвымъ, предугадавъ въ Немъ вмѣстѣ съ тѣмъ и будущее воскресеніе мертвыхъ вообще. Между взятіемъ на небо Еноха и Иліи и воскресеніемъ Иисуса

нужно видѣть такое же различіе, какое Апостоль Павелъ указываетъ между имѣющими дожить до второго пришествія Христа и умершими раньше: тѣ должны будутъ преобразоваться, эти—воскреснуть, т. е. тѣла первыхъ, безъ наступленія смерти, получаютъ свойство необходимое для новой жизни въ Царствѣ Христовомъ, между тѣмъ какъ у послѣднихъ умершее тѣло будетъ одновременно и воскрешено, и преобразовано. Впрочемъ, что такое двойное чудо, не совершенное надъ Енохомъ и Иліею, было совершено надъ Иисусомъ, этому могъ вѣрить только тотъ, кто считалъ Его пророкомъ большимъ тѣхъ мужей, т. е. кто не смотря на смерть Иисуса, былъ убѣжденъ, что Онъ—Мессія. Такое убѣжденіе, —говоритъ Штраусъ,—приобрѣли ученики въ страшные дни Его казни. Съ этимъ убѣжденіемъ находилось въ связи и то, что Его душа не могла быть удержана въ подземномъ мірѣ, а должна была вознестись къ Богу на небо. Когда же ученики разсуждали о томъ, какъ это вознесеніе могло совершиться, то пришли къ іудейской точкѣ зрѣнія, по которой душа безъ тѣла есть простая тѣнь, т. е. къ мысли объ оживленіи Его тѣла, о воскресеніи.

Вотъ какъ, по мнѣнію Штрауса, явилась у учениковъ мысль, что Мессія могъ являться Своимъ послѣдователямъ въ Своемъ новомъ величіи. Если первоначально представляли Его у Бога только въ положеніи какого-либо ангела, то Онъ и имъ могъ являться, какъ ангелъ. Такому явленію не было нужды быть видимымъ. При явленіи Христа, котораго былъ удостоенъ Павелъ, по изложенію книги Апостольскихъ Дѣяній, то и другое было совмѣстно: свѣтовой блескъ, который имѣлъ значеніе какъ бы оболочки прославленнаго Христа, и слышимый голосъ съ неба. Послѣдній,—говоритъ Штраусъ,—напоминаетъ намъ слышимый оракуль позднѣйшаго іудейства, такъ называемую дочь голоса (*bath kol*), извѣстную по раввинскимъ сочиненіямъ и состоящую какъ видно изъ Іоан. 12, 29, въ томъ, что случайно раздавшійся естественный звукъ, какъ, напр., мгновенный ударъ грома, былъ понимаемъ, какъ *отен*, и ему, смотря по обстоятельствамъ и настроенію, съ которымъ онъ совпадалъ, было приписываемо опредѣленное толкованіе. Если бы самъ Павелъ разсказывалъ намъ о свѣтѣ, мгновенно его осіявшемъ, и о голосѣ, который онъ услышалъ изъ облака, то мы не усомни-

лись бы допустить мысль о молніи и громѣ,—что Апостоломъ, въ виду происходившей въ его душѣ внутренней борьбы, было принято за явленіе преслѣдуемаго имъ Христа; но такъ какъ этотъ рассказъ сообщается намъ только книгою Апостольскихъ Дѣяній, то, въ виду поздняго происхожденія (?) и во многихъ частяхъ неисторическаго (?) характера этой книги, мы не можемъ знать, не принадлежатъ ли эти черты только сагѣ или вымыслу.

Вообще Штраусъ категорически отрицаетъ предположеніе, что явленія Иисуса Христа ученикамъ по воскресеніи могли быть естественными и признаетъ ихъ только визионерными. Онъ могъ бы сослаться на множество примѣровъ такого рода „обмановъ“, но приводитъ лишь одинъ изъ исторіи своего отечества. Герцогъ Ульрихъ Вюртембергскій, —говоритъ Штраусъ,—не былъ умерщвленъ швабскимъ союзомъ, но только былъ изгнанъ изъ своей страны, которая была занята австрійцами и, такимъ образомъ, была гарантирована отъ его возвращенія. Между тѣмъ въ странѣ у него было еще много приверженцевъ, преданныхъ ему и сердцемъ, и душою и думавшихъ о немъ и во снѣ и наяву; запрещеніе даже говорить о немъ—окружило его фантастическою таинственностію. Вслѣдствіе этого воображеніе его приверженцевъ было возбуждено въ высшей степени и отличалось способностію къ созданію субъективныхъ видѣній. О немъ стали говорить камни и животныя. Были люди, которые видѣли своего властелина въ разныхъ мѣстахъ страны или даже принимали его, переодѣтаго, подъ своею кровлею. Хозяйка гостиницы въ Мюнхенѣ приняла за герцога какого-то путешественника, который къ ней заѣхалъ; мальчикъ-незнакомца, которому онъ указалъ дорогу въ лѣсу и т. д. Такъ какъ нельзя допустить, чтобы запуганный, трусливый и беззащитный герцогъ, дѣйствительно, могъ расхаживать среди своихъ враговъ, то эти рассказы о его появленіяхъ въ странѣ, свойственныхъ только привидѣніямъ (?), мы можемъ признать результатомъ возбужденнаго воображенія и затѣмъ—сагою, для которой обстоятельства, подобныя указаннымъ, являются особенно благопріятною почвою.

Такіе самообманы,—продолжаетъ Штраусъ,—могли происходить и въ нашемъ случаѣ, тѣмъ не менѣе первыя явленія Иисуса, которыхъ были будто-бы удостоены отдѣльныя

лица, едва-ли были такого рода. Подобныя явленія могли случиться лишь послѣ того, какъ уже распространилась вѣсть, что Іисуса видѣли живымъ; но первоначально не могла произойти такимъ путемъ вѣра въ воскресеніе, такъ какъ здѣсь рѣчь идетъ не объ изгнанникѣ, а о мертвецѣ. Когда Павелъ говоритъ, что Воскресшій явился сначала Кифѣ, то этимъ, конечно, не исключается предположеніе, что уже раньше нѣкоторыя женщины могли воображать, что видѣли Его. Выраженіе Марка—„Онъ явился сначала Маріи Магдалинѣ, изъ которой изгналъ семь бѣсовъ“—наводитъ на многія размышленія. Что эта женщина раньше другихъ видѣла Іисуса живымъ, въ этомъ согласенъ съ Маркомъ не только Іоаннъ, но также и Матѳей, хотя послѣдній присоединяетъ къ ней еще и другую Марію; а замѣчаніе о семи изгнанныхъ изъ нея бѣсахъ Маркомъ заимствовано отъ Луки (8, 2). У женщины такого тѣлеснаго и душевнаго свойства не могъ быть труднымъ переходъ отъ внутренняго возбужденія къ видѣніямъ; но и у мужчинъ того времени и образованія, какъ показываетъ примѣръ (?) Апостола Павла, такія душевныя состоянія не были чѣмъ-то неслыханнымъ. Что касается въ частности Петра, то доказательствомъ его визионернаго предрасположенія служить извѣстное видѣніе предъ крещеніемъ римскаго сотника Корнилія. Хотя это видѣніе мы записываемъ,—говоритъ Штраусъ,—за счетъ церковной саги или прагматизма писателя книги Апостольскихъ Дѣяній, но думаемъ, что въ дни, послѣ смерти Іисуса, въ тѣсномъ кружкѣ Его приверженцевъ, нужно считать общимъ (?) такое настроеніе или усиленіе душевной и нервной жизни, подавлявшее индивидуальныя расположенія. Въ „евангеліи отъ евреевъ“ приводится преданіе объ Іаковѣ, что Воскресшій явился ему послѣ его продолжительнаго поста; а такой постъ (срв. Дѣян. 10, 10) дѣлаетъ вполне вѣроятными видѣнія или галлюцинаціи. Лука рассказываетъ о путникахъ, шедшихъ въ Эммаусъ,—что, когда Незнакомецъ, по ихъ предложенію, сѣлъ съ ними за столъ, взялъ хлѣбъ, произнесъ молитву, потомъ преломилъ хлѣбъ и далъ имъ, то въ этомъ, т. е., „въ преломленіи хлѣба“ они узнали Его какъ Господа. То же рассказывается и въ добавочной главѣ Евангелія отъ Іоанна. Но если принять во вниманіе, что выраженіемъ „преломленіе хлѣба“ обыкновенно обозначается таинство причащенія,

въ которомъ чувственно воспроизводится послѣдняя вечеря, то мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что на такихъ трапезахъ повышенное настроеніе учениковъ могло усиливать воспоминаніе объ Іисусѣ до мнимаго появленія Его даже предъ многолюдными собраніями.

О времени и мѣстѣ явленій Спасителя ученикамъ по воскресеніи Штраусъ разсуждаетъ такимъ образомъ. Древнѣйшій свидѣтель, Апостоль Павелъ, ничего намъ не говоритъ объ этомъ. Мѣста онъ совершенно не опредѣляетъ, а время отмѣчаетъ только по-видимому. Онъ говоритъ, что, по принятому имъ преданію, Іисусъ умеръ, былъ погребенъ, въ третій день воскресъ по Писанію и явился Кифѣ, потомъ двѣнадцати и т. д. Такимъ образомъ, Павелъ говоритъ только, что Іисусъ воскресъ въ третій день; но что Воскресшій въ тотъ же третій день явился Кифѣ или кому либо другому,—этого Павелъ не говоритъ. Хотя онъ вспоминаетъ объ этомъ явленіи Кифѣ непосредственно послѣ указанія на воскресеніе Іисуса, но такъ какъ потомъ также непосредственно за явленіемъ Іисуса всѣмъ Апостоламъ онъ упоминаетъ и о бывшемъ ему самому явленіи, которое во всякомъ случаѣ имѣло мѣсто только много лѣтъ спустя послѣ смерти и воскресенія Іисуса, то мы вообще не знаемъ, какіе промежутки времени нужно полагать между различными явленіями, какъ и между первымъ изъ нихъ и воскресеніемъ въ третій день. Въ противоположность (?) Павлу, по словамъ повѣствователей *третьяго ранга*, т. е. евангелистовъ,—говоритъ Штраусъ,—всѣ или хотя часть явленій Воскресшаго произошли уже въ самый день воскресенія. Можно спросить: какимъ образомъ древнѣйшіе христіане пришли бы къ мысли установить именно третій день послѣ смерти Іисуса какъ день Его воскресенія, если бы уже въ этотъ день не было первыхъ явленій Воскресшаго? Какъ можно было бы объяснить, что уже при Апостолѣ Павлѣ и во время написанія Откровенія Іоанна день послѣ субботы является днемъ Господнимъ, праздничнымъ днемъ христіанской недѣли, если бы уже въ этотъ день не былъ извѣстенъ ученикамъ величайшій фактъ воскресенія ихъ Мессіи? Въ отвѣтъ на это Штраусъ говоритъ слѣдующее. Воскресеніе Іисуса, *если бы оно было чудомъ*, могло совершиться въ какой угодно день; какъ *естественное оживленіе*, оно могло слу-

читься и на слѣдующій день и могло никогда не случиться; напротивъ, тотъ психическій переворотъ, изъ котораго, по нашему мнѣнію, произошли апостольскія видѣнія Христа, по-видимому, нуждается для своего развитія въ болѣе продолжительномъ времени. Пока ученики пришли въ себя отъ страха, пока они собрались вмѣстѣ изъ своего разсѣянія, кажется, должно бы пройти болѣе одного дня. Изученіе Св. Писанія Ветхаго Завѣта, откуда могла бы быть получена увѣренность, что смерть Мессіи есть только переходъ къ Его славѣ, также требуетъ довольно продолжительнаго времени. Поэтому, если вѣрно,—говоритъ Штраусъ,—что явленія Иисуса имѣли мѣсто уже на третій день послѣ Его смерти, то они не могли быть только субъективными видѣніями учениковъ, и нашъ взглядъ на происхожденіе вѣры въ воскресеніе Иисуса разрушается, по-видимому, отъ невозможности ея образованія уже на третій день.

Къ такому же неблагоприятному результату приводитъ Штрауса и евангельское указаніе мѣста этихъ явленій. Утромъ, послѣ субботы, наканунѣ которой Распятый былъ погребенъ, ученики, по свидѣтельству евангелистовъ, находились еще въ Іерусалимѣ, и здѣсь же имѣли мѣсто первыя явленія Воскресшаго: такимъ образомъ, Иисусъ явился Своимъ ученикамъ въ томъ же мѣстѣ, гдѣ было положено во гробъ Его тѣло. Это обстоятельство, говоритъ Штраусъ, также, по-видимому, только насъ поставляетъ въ затрудненіе, между тѣмъ, какъ оно не противорѣчитъ двумъ другимъ возможнымъ взглядамъ на воскресеніе Иисуса. Ибо возвратился ли Иисусъ къ жизни посредствомъ чуда или пробудился естественно изъ кажущейся смерти: въ обоихъ случаяхъ тѣло не могло болѣе находиться во гробѣ,—простымъ указаніемъ на него можно было опровергнуть утвержденіе учениковъ, что Онъ воскресъ. При нашемъ же взглядѣ, оставляющемъ тѣло во гробѣ навсегда, конечно,—тѣло иное. Если въ томъ же городѣ, предъ воротами котораго въ хорошо всѣмъ извѣстномъ и легко находимомъ гробѣ лежало тѣло Иисусово, до истеченія 48 часовъ послѣ Его погребенія, ученики выступили съ проповѣдію, что Иисусъ воскресъ, т. е., что Онъ живымъ вышелъ изъ гроба: то какъ можно думать, чтобы іудеи ту же минуту не побѣжали ко гробу Его, не вынесли Его тѣла и публично этимъ не наказали

дерзкую ложь? Или—напротивъ—какъ могло явиться у учениковъ такое намѣреніе. когда стоило только заглянуть въ недалеко находившуюся пещеру, чтобы убѣдиться въ неосновательности ихъ утвержденія?

Въ защиту своего взгляда Штраусъ приводитъ слѣдующія соображенія. Во-первыхъ, хотя евангелисты и сообщаютъ, что Іисусъ явился Своимъ ученикамъ уже во второе утро послѣ Своего погребенія, но никто не говоритъ того, что уже тогда ученики выступили противъ невѣрующихъ іудеевъ съ проповѣдію о Его воскресеніи; напротивъ, по всѣмъ евангельскимъ повѣствованіямъ, съ самаго начала они держали себя скрытно и только въ день Пятидесятницы, т. е. семь недѣль спустя послѣ того третьяго дня, Апостолы, по свидѣтельству Луки въ Книгѣ Дѣяній Апостольскихъ, выступаютъ съ проповѣдію о своемъ воскресшемъ Христѣ. Во-вторыхъ, къ сказанному нужно прибавить, что погребеніе Іисуса въ каменномъ гробѣ Іосифа менѣе всего (!) можетъ быть доказано исторически; а если Іисусъ, быть можетъ, былъ зарытъ вмѣстѣ съ другими казненными въ какомъ-либо безчестномъ мѣстѣ, то Его ученики не имѣли даже возможности видѣть Его тѣло, и когда потомъ, уже нѣкоторое время спустя, они выступили съ проповѣдію о Его воскресеніи, то и противникамъ ихъ было труднѣе отыскать тѣло Іисуса для ихъ опроверженія, при чемъ имъ не легко было сдѣлать это и при отвращеніи іудеевъ вообще къ трупамъ.

Что касается краткости времени для развитія въ ученикахъ настроенія, изъ котораго могли произойти субъективныя видѣнія, то и это затрудненіе,—говоритъ Штраусъ,—не неустранимо. Конечно, здѣсь дѣйствовалъ не разсудокъ путемъ логическихъ умозаключеній; но этотъ порывъ произошелъ въ темныхъ глубинахъ духа; это былъ насильственный проломъ, молнія, въ которую разрядился удушливый пылъ подавленнаго духа. Такой проломъ не ждетъ, пока мышленіе окончитъ свою работу; то, что рефлексія уясняетъ впослѣдствіи, онъ устанавливаетъ съ силою предчувствія сердца однимъ взмахомъ. Такимъ образомъ,—говоритъ Штраусъ,—нашъ взглядъ на воскресеніе Іисуса еще далеко не былъ бы разрушенъ даже и тогда, когда было бы

установлено, что уже въ третій день послѣ смерти Іисуса у учениковъ явилась вѣра въ Его воскресеніе.

Кромѣ того, въ самыхъ новозавѣтныхъ писаніяхъ Штраусъ находитъ много такого, что дѣлаетъ сомнительнымъ указаніе на явленія Воскресшаго уже въ третій день послѣ Его смерти. Если ученики въ третій день знали о воскресеніи своего Христа,—говоритъ Штраусъ,—отчего они ждали пятидесятаго, чтобы сообщить о немъ что-либо широкой публикѣ? Отъ того, говоритъ Книга Апостольскихъ Дѣяній,—что они должны были ожидать изліянія на нихъ Духа Святого въ праздникъ Пятидесятницы. Но мы знаемъ (?),—продолжаетъ Штраусъ, что выборъ именно этого дня для изліянія Св. Духа былъ обусловленъ желаніемъ (?) первенствующихъ христіанъ поставить первую проповѣдь Евангелія въ связь съ синайскимъ законодательствомъ, т. е. назначеніе этого дня имѣло только догматическое, но никакъ не историческое основаніе. Но не заключалось ли въ этомъ замедленіи того, что происхожденіе вѣры въ воскресеніе Іисуса требовало болѣе продолжительнаго времени, чѣмъ три дня? Правда, въ томъ, что Воскресшій являлся въ третій день въ Іерусалимѣ или близъ него, согласны всѣ евангелисты,—даже и Матѳей. Но—какъ? У Матѳея, говоритъ Штраусъ, сначала, еще у гроба, ангелъ благовѣстуетъ женщинамъ о воскресеніи Іисуса съ повелѣніемъ—поспѣшно сообщить ученикамъ, что Іисусъ предваряетъ ихъ въ Галилеѣ, гдѣ они Его увидятъ. При этомъ—не только ученики увидятъ Воскресшаго въ Галилеѣ, но даже (?) вы, сказалъ ангелъ, вы, женщины, увидите Его тамъ, въ Галилеѣ. Послѣ этого не можетъ не представляться въ высшей степени страннымъ, что непосредственно за симъ, когда женщины бѣжали отъ гроба въ городъ, чтобы сообщить извѣстіе ученикамъ, имъ является на дорогѣ Самъ Іисусъ. Но если онѣ получили возможность видѣть Іисуса уже здѣсь, то онѣ не видѣли Его въ Галилеѣ, какъ предсказалъ имъ только что ангелъ. И какое побужденіе могъ имѣть Іисусъ, чтобы такъ скоро измѣнить Свой планъ, какъ Онъ возвѣстилъ его чрезъ ангела? Или Іисусъ хотѣлъ сказать женщинамъ еще что-либо, о чемъ забылъ ангелъ? Но въ дѣйствительности Онъ вѣдь только повторяетъ, то же, что уже сказано и ангеломъ. Ясно,—говоритъ Штраусъ,—что

это явленіе Іисуса женщинамъ (у Матѳея—первое) совершенно излишне и необходимо ведетъ къ заключенію, что рассказъ о немъ есть позднѣйшая вставка и что такого явленія вовсе не было. А если мы отвергаемъ его, то повѣствованіе Матѳея окажется вполне согласно съ самимъ собою.

Мѣстомъ явленій Воскресшаго, категорически заявляетъ Штраусъ, должна быть признана только Галилея, а самыя явленія отодвигаются на болѣе позднее время, такъ какъ невозможно допустить, чтобы ученики прибыли изъ Іерусалима въ Галилею въ тотъ же день, въ который женщины объявили имъ повелѣніе ангела. Съ Матѳеемъ въ этомъ случаѣ находятся въ противорѣчій Лука и Іоаннъ, указывающіе только на Іерусалимъ, какъ на мѣсто явленія Воскресшаго; но повѣствованія ихъ позднѣйшаго происхожденія (?), а за Матѳея говоритъ и внутренняя историческая вѣроятность. Если Іисусъ воскресъ чудесно, то для Него было совершенно безразлично—являться ли Своимъ послѣдователямъ въ Іерусалимѣ или въ Галилеѣ; а если Онъ ожилъ естественно, то Его удерживали въ Іерусалимѣ прежде всего раны и слабость. Что же касается учениковъ, съ которыми, говоритъ Штраусъ, съ нашей точки зрѣнія, мы только и имѣемъ дѣло, то послѣ катастрофы, постигшей ихъ Учителя въ главномъ городѣ, они, очевидно, имѣли всѣ причины, какъ можно скорѣе, уйти въ свое галилейское отечество. Они не знали, что предприметъ іерархическая партія, и, покончивъ съ Учителемъ, не станетъ ли она преслѣдовать такъ-же и Его учениковъ. Но такой опасности они могли подвергнуться только въ Іерусалимѣ, гдѣ они были чужими; въ Галилеѣ же они были дома, были защищены своими связями съ родственниками и земляками; первосвященническая партія тамъ не была сильна въ такой степени, какъ въ Іерусалимѣ. Это предположеніе подтверждается, думаетъ Штраусъ, и нѣкоторыми указаніями евангелистовъ. Послѣ бѣгства, въ которое обратились всѣ ученики Іисуса при взятіи Его подъ стражу, на судѣ мы хотя и видимъ еще присутствующимъ Петра (?), но у креста уже не было никого изъ двѣнадцати (?). Если же послѣ казни Іисуса ученики бѣжали на свою родину, то появленіе настроенія, изъ котораго могли произойти видѣнія Воскресшаго, по мнѣнію Штрауса, объяснить не трудно. Находясь

внѣ власти враговъ (?) и убійць Учителя, Апостолы скоро освободились отъ того ужаса и оцѣпенѣнія, которые охватили ихъ души (въ Іерусалимѣ). Затѣмъ, въ Галилеѣ, въ странѣ, по которой они такъ часто путешествовали съ Іисусомъ, среди населенія, вмѣстѣ съ которымъ они такъ часто были воодушевляемы Его рѣчами, имъ на каждомъ шагѣ представлялся поводъ вызывать въ себѣ Его образъ, воспроизводить Его въ различныхъ ситуаціяхъ, въ которыхъ они тамъ Его видѣли. Кромѣ того, нельзя не имѣть въ виду и отдаленность гроба, такъ какъ близость его, по крайней мѣрѣ, въ первое время, могла затруднять появленіе вѣры, что Погребенный вышелъ изъ него. И если перемѣщеніе явленій Воскресшаго въ Галилею освобождаетъ насъ, говоритъ Штраусъ, отъ третьяго дня, какъ времени ихъ наступленія, то болѣе продолжительный срокъ дѣлаетъ понятнымъ и переворотъ въ настроеніи учениковъ.

Какимъ же образомъ въ евангельскихъ повѣствованіяхъ могло находиться указаніе на то, что Іисусъ Христосъ являлся Своимъ ученикамъ по воскресеніи прежде всего въ Іерусалимѣ и что Онъ воскресъ именно въ третій день послѣ Своей смерти? На этотъ вопросъ Штраусъ отвѣчаетъ такъ. Уже само по себѣ для фантазіи свойственно представлять, что Воскресшій долженъ былъ являться тамъ, гдѣ Онъ вышелъ изъ гроба. Но къ этому нужно прибавить еще и слѣдующее. Послѣ того, какъ въ Галилеѣ ученики пришли въ себя и вновь укрѣпились въ вѣрѣ въ Іисуса, какъ Мессію, они вѣдь возвратились опять въ Іерусалимъ и тамъ основали общину, которая, благодаря центральному положенію города, скоро сама стала центромъ всѣхъ общинъ распятаго и воскресшаго Мессіи. Время, когда Апостолы удалялись изъ этого центра, было забыто (?) и дѣло представлялось въ такомъ видѣ, какъ будто бы Іерусалимъ никогда и не былъ безъ этого ядра общины, Апостолы никогда изъ него не уходили и именно въ немъ были возбуждены къ новой вѣрѣ первыми явленіями ихъ воскресшаго Учителя. Такъ рассказывали объ этомъ въ Іерусалимѣ и такъ іудейскія преданія вошли въ евангельскія повѣствованія. Что же касается указанія на то, что Іисусъ Христосъ воскресъ и являлся Апостоламъ уже въ третій день послѣ Своей смерти, то оно, по мнѣнію Штрауса, произошло та-

кимъ образомъ. Надъ распятымъ Мессіею смерть могла имѣть власть только на короткое время (срв. Дѣян. 2, 24); Его побѣда надъ смертію и адомъ должна была быть достигнута, насколько возможно раньше. Но нельзя было допустить того, чтобы моментъ смерти могъ казаться совершенно ничтожнымъ: тѣломъ Іисусъ долженъ былъ умереть; хотя и на короткое время, но Онъ долженъ былъ быть мертвымъ. Такому вѣрованію Апостоловъ весьма благопріятствовало то обстоятельство, что, по согласному повѣствованію всѣхъ евангелистовъ, казнь Іисуса была совершена днемъ, а Его погребеніе—вечеромъ предъ субботою. Въ субботу Богъ почилъ отъ всѣхъ Своихъ дѣлъ (Быт. 2, 2; Евр. 4, 4): какъ было цѣлесообразно, чтобы и Мессія въ этотъ день отдохнулъ отъ трудовъ Своей человѣческой жизни, проведя во гробѣ, хотя бы только субботній покой! Къ этому нужно присоединить, что, по тиическому толкованію числа 3, третій день былъ, по-видимому, приточнымъ срокомъ краткаго времени для безпрепятственнаго окончанія того или другого дѣла. Іегова, говоритъ у Осіи кающійся народъ (6, 2), Іегова оживитъ насъ черезъ два дня, въ третій день возстановитъ насъ, что бы мы жили предъ лицемъ Его. Подобнымъ образомъ у Луки (13, 32) Іисусъ повелѣваетъ сказать лисицѣ Ироду: „вотъ, Я изгоняю бѣсовъ и совершаю исцѣленія сегодня и завтра, и въ третій день кончу“. Определеніе времени въ показаніи лжесвидѣтелей (Мѡ. 26, 61), что Іисусъ обѣщалъ разрушить храмъ Божій и въ три дня вновь построить его, совершенно нѣтъ никакой нужды относить къ исторіи воскресенія (?!); что же касается пребыванія Іоны во чревѣ какого-то морского животнаго, гдѣ онъ совершилъ молитву (2, 1—11), похожую на мессіанскіе псалмы страданій, то, по-видимому (?), только позже (!), уже послѣ того, какъ воскресеніе Іисуса было установлено на утро воскреснаго дня, оно было приводимо, какъ сравненіе, такъ какъ три дня и три ночи этого пребыванія не совпадаетъ съ двумя ночами и однимъ днемъ, которые, по евангельскимъ повѣствованіямъ, Іисусъ провелъ во гробѣ. Такъ, дѣлаетъ заключеніе Штраусъ, могъ быть установленъ третій день для воскресенія Іисуса еще при жизни Апостоловъ, хотя бы для этого и не было никакого историческаго основанія.

Въ второй книгѣ своего сочиненія „Das Leben Iesu“ Штраусъ излагаетъ „миѳическую исторію Іисуса“, гдѣ онъ ставитъ своею цѣлю—показать, какъ духовныя явленія Іисуса Христа постепенно были превращены въ осязательныя, субъективное оказалось объективнымъ. Для этой цѣли, говоритъ онъ, мы снова должны пересмотрѣть тѣ части разсказа, на которыя евангелисты раздѣляютъ исторію воскресенія, причемъ за исходный пунктъ мы должны принять путешествія ко гробу въ воскресенье, хотя этотъ разсказъ (Мѡ. 28, 1—10; Мар. 16, 1—11; Лук. 24, 1—12; Іоан. 20, 1—18) могъ образоваться только послѣ того, какъ уже появились раньше сказанія объ отдѣльныхъ явленіяхъ воскресшаго Іисуса, какъ ихъ начальный пунктъ.

По Матѳею, говоритъ Штраусъ, путешествіе ко гробу совершаютъ двѣ Маріи, Магдалина и другая, которую Маркъ называетъ матерію Іакова (и Іосіи). При этомъ Матѳей описываетъ не только то, что было встрѣчено женщинами у гроба, но и то, что случилось раньше ихъ прибытія, именно—что, въ сопровожденіи сильнаго землетрясенія, съ неба сошелъ ангелъ, отвалилъ отъ гроба камень и привелъ въ ужасъ стражу, которая замертво пала на землю. Пришедши ко гробу, женщины увидѣли ангела уже сидящимъ на отваленномъ камнѣ; онъ возвѣщаетъ имъ о воскресеніи Іисуса, показываетъ пустое мѣсто, гдѣ Онъ былъ положенъ, и повелѣваетъ имъ сообщить объ этомъ ученикамъ, прибавивъ, что они должны идти въ Галилею, гдѣ и увидятъ Его. Встрѣтивъ на обратномъ пути въ городѣ Самого Іисуса и получивъ отъ Него то же самое повелѣніе, женщины исполнили его, и одиннадцать Апостоловъ, еще не уничтоживъ въ себѣ всѣ сомнѣнія, отправились въ Галилею. У Луки Апостолы не посылаются въ Галилею, ибо, по нему, всѣ явленія Воскресшаго происходятъ въ Іерусалимѣ и его окрестностяхъ. Онъ особенно отмѣчаетъ невѣріе учениковъ, которое было уничтожено будто-бы явленіемъ Самого Іисуса и представленными имъ несомнѣнными доказательствами Его дѣйствительнаго воскресенія. Хотя ангелъ и напомнилъ женщинамъ о Галилеѣ, гдѣ Іисусъ предсказывалъ о Своемъ воскресеніи, но Лука чрезъ это не находится въ зависимости отъ Матѳея, и у него вѣсть женщинъ не могла побудить учениковъ идти въ Галилею, такъ какъ такого пове-

лѣнія они не знаютъ. Въмѣсто этого идетъ Петръ—только не въ Галилею, а ко гробу, такъ какъ Лукъ было желательно (?), чтобы пустоту гроба засвидѣтельствовалъ какой либо мужчина. Маркъ, по словамъ Штрауса, съ самаго начала въ существенномъ слѣдуетъ Матѳею; но у него нѣтъ встрѣчи женщинъ съ Иисусомъ, и онѣ не передаютъ ученикамъ повелѣнія ангела—идти въ Галилею, такъ какъ отъ страха (предъ кѣмъ или чѣмъ ясно не видно) онѣ никому не рѣшились сказать о бывшемъ имъ явленіи. Здѣсь Маркъ, очевидно, дѣлаетъ мгновенный поворотъ отъ Матѳея къ Лукъ, хотя и въ явное противорѣчіе самому себѣ. Отрывка Марк. 16, 9—20 нѣтъ въ двухъ наиболѣе важныхъ евангельскихъ рукописяхъ, а по древнимъ извѣстіямъ, его не было и въ очень многихъ, до насъ не дошедшихъ. Отъ стиха 10-го Маркъ частію сокращаетъ Луку, частію распространяетъ его; только 9-й стихъ, гдѣ говорится о явленіи Иисуса Маріи Магдалинѣ, заимствованъ, по-видимому, изъ Іоанна. Все это приводитъ Штрауса къ убѣжденію, что заключительный отдѣлъ Марка есть позднѣйшее неподлинное дополненіе. Свѣдѣніе объ изгнанныхъ изъ Маріи бѣсахъ Маркъ взялъ не изъ Іоанна, а изъ Луки, равно какъ и то, что ученики не повѣрили разсказу Магдалины. Самый же разсказъ о явленіи Иисуса Магдалинѣ Маркъ позаимствовалъ у Матѳея, умолчалъ только о другой Маріи, что онѣ сдѣлалъ, быть можетъ, подъ вліяніемъ какого либо другого источника.

Изъ этихъ повѣствованій четвертый евангелистъ,—говоритъ Штраусъ,—осмотрительно выбралъ и удачно развилъ то, что ему годилось съ его точки зрѣнія. Уже Лука довольно опредѣленно различалъ отдѣльные моменты въ исторіи воскресенія Иисуса; Іоаннъ идетъ въ этомъ направленіи далѣе. У Матѳея женщины, прійдя ко гробу, видятъ ангела еще внѣ его сидящимъ на отваленномъ камнѣ; у Марка онѣ находятъ его, уже вошедши въ открытый гробъ; Лука заставляетъ ихъ, войдя въ гробъ, сначала не находить тѣла Иисусова, и тотчасъ ставитъ среди нихъ двухъ ангеловъ, дающихъ объясненіе. Эти два момента Іоаннъ раздѣляетъ опредѣленнѣе. Магдалина, которую онѣ здѣсь, какъ Маркъ въ заключительномъ отдѣлѣ своего повѣствованія, заставляетъ явиться одной, должна сначала ограничиться нѣкоторое время лишь отрицательнымъ результатомъ, именно—

указаніемъ, что тѣла Іисусова нѣтъ, и съ этимъ извѣстіемъ идти въ городъ къ Петру (?). Іоаннъ не позволяетъ, какъ Лука, идти ко гробу только одному Петру, какъ раньше онъ не позволилъ ему одному идти во дворецъ первосвященника. Оба раза онъ даетъ ему въ спутники „другого ученика“, и этотъ „другой ученикъ“—никто иной, какъ будто онъ самъ. Эти идущіе вмѣстѣ ученики заимствованы четвертымъ евангелистомъ у третьяго (?). Непосредственно (?) послѣ хожденія Петра ко гробу Лука рассказываетъ о путешествіи двухъ учениковъ, къ которымъ присоединился неузнанный ими сначала Іисусъ. То обстоятельство, что Іисусъ не былъ узнанъ, Маркъ объясняетъ измѣненіемъ вида Іисуса (16, 12). Какъ эту черту, такъ и то, что Іисусъ порицалъ ихъ за незнаніе указаній Моисея и пророковъ на страждущаго Мессію, четвертый евангелистъ, какъ обѣщаетъ доказать Штраусъ, использовалъ по своему.

И такъ,—продолжаетъ Штраусъ,—Петръ и другой ученикъ вмѣстѣ идутъ ко гробу, но преимущество имѣетъ другой ученикъ,—что служитъ очевиднѣйшимъ доказательствомъ того, съ какимъ искусственнымъ расчетомъ онъ составлялъ свое Евангеліе. Оба ученика бѣгутъ вмѣстѣ; слѣдовательно, они равны (?). Но другой ученикъ бѣжитъ затѣмъ скорѣе и приходитъ ко гробу раньше Петра; ясно, онъ уже имѣетъ преимущество предъ нимъ. Правда, какъ у Луки (?) Петръ, другой ученикъ здѣсь только наклоняется ко гробу извнѣ и, не входя внутрь его, видитъ лежащія тамъ пелены; послѣднее дѣлаетъ и тотчасъ пришедшій Петръ, не поступающій такъ у Луки, и даже внимательнѣе осматриваетъ, видя, что на одномъ мѣстѣ лежатъ пелены, а платокъ, которымъ была покрыта голова Іисусова, старательно сложенный, находится на другомъ мѣстѣ. Здѣсь, слѣдовательно, Петръ получаетъ преимущество предъ другимъ ученикомъ. Затѣмъ входитъ во гробъ и другой ученикъ. Но какая же польза Петру отъ того, что во гробъ онъ вошелъ раньше? Что значать все его чувственыя воспріятія, когда они не помогли ему въ томъ, чего достигъ теперь пришедшій ко гробу раньше, но вошедшій въ него позже—другой ученикъ, именно—видѣть и *вървать*? Здѣсь опять отмѣчается преимущество Іоанна предъ Петромъ, т. е. духовнаго іоанновскаго христіанства предъ плотскимъ—петровскимъ.

Послѣ этого, говоритъ Штраусъ, Іоаннъ заставляеть Магдалину вторично идти ко гробу и принести оттуда уже нѣчто положительное. Какъ у Луки Петръ и у Іоанна сначала другой ученикъ, она хотя только наклонилась во гробъ, не входя въ него, подобно женщинамъ у Луки, но, какъ и послѣднія, она также видитъ теперь не одного, а двухъ ангеловъ, въ головахъ и у ногъ того мѣста, гдѣ лежало тѣло Іисуса. Вызванная вопросомъ рѣчь ангела къ женщинамъ у Луки четвертымъ евангелистомъ представляется въ видѣ вопроса ангеловъ и отвѣта Магдалины. Здѣсь Іоаннъ, говоритъ Штраусъ, примыкаетъ къ Матеею и Марку, дабы Магдалина послѣ явленія ангеловъ могла удостоиться также и явленія Христа. Какъ два путника у Луки и Марка, она сначала не узнаеть Господа, принявъ Его за садовника, такъ какъ гробъ находился въ саду, но потомъ она узнаеть Его духовнѣе, чѣмъ тѣ путники, не по внѣшнимъ приемамъ преломленія хлѣба, какъ они, а по обращенію къ ней: „Марія!“ т. е., по Его слову. Увѣщаніе Іисуса—„не прикасайся ко Мнѣ!“—опять указываетъ на зависимость Іоанна отъ Матеея, такъ какъ его нельзя понять, не вспомнивъ напередъ того, что рассказываетъ Матеей о женщинахъ, когда Іисусъ встрѣтился съ ними и онѣ, упавъ предъ Нимъ ницъ, схватили Его ноги. Онъ запрещаетъ еще Маріи, какъ ангелъ въ Апокалипсисѣ (22, 8), выражать Ему божеское почитаніе паденіемъ на колѣни, такъ какъ Онъ не восходилъ еще къ Своему Отцу, къ Которому однако-же взойдетъ впоследствии.

Передавъ рассказъ Матеея о явленіи воскресшаго Спасителя Апостоламъ въ Галилеѣ и отмѣтивъ въ особенности сомнѣніе нѣкоторыхъ, „подавленное неизвѣстно какъ и чѣмъ“, Штраусъ переходитъ къ Лукѣ и также останавливается главнымъ образомъ на невѣріи учениковъ. Это невѣріе Апостоловъ и женщинъ, какъ оно представлено у трехъ первыхъ евангелистовъ, Іоаннъ, по словамъ Штрауса, воплощаетъ въ лицѣ Θомы. Впрочемъ, не только въ главныхъ пунктахъ, но и въ частностяхъ повѣствованіе Іоанна, говоритъ Штраусъ, составлено, по рассказамъ Луки, хотя и съ усиленіемъ нѣкоторыхъ чертъ. Такъ, Лука говоритъ только, что Іисусъ сталъ посреди учениковъ, а Іоаннъ прибавляетъ, что въ это время двери комнаты, гдѣ Онъ сталъ посреди учениковъ, были заперты. По Лукѣ явленіе Іисуса

произвело страхъ и радость въ сердцахъ учениковъ: Іоаннъ, раздѣляетъ эти два момента, относя страхъ къ боязни іудеевъ, а радость—къ Апостоламъ. Лука говоритъ, что Іисусъ показывалъ руки и ноги ученикамъ; по Іоанну—руки и ребра, чего Лука не могъ сказать уже потому, что онъ *ничего не знаетъ* о прободеніи ребра. У Луки Іисусъ предлагаетъ только осязать Себя; Іоаннъ допускаетъ болѣе убѣдительный опытъ, ради чего приводитъ особый рассказъ о явленіи Воскресшаго Тѣмъ. Но самое главное въ этомъ рассказѣ замѣчаніе Іисуса Тѣмъ: „Ты вѣруешь только потому, что увидѣлъ Меня; блаженны не видѣвшіе и увѣровавшіе!“ Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, спрашиваетъ Штраусъ, въ этомъ Евангеліи болѣе, чѣмъ въ другихъ, приписывается значеніе такимъ чувственно-воспринимаемымъ доказательствамъ? Отчего именно въ немъ представляются въ усиленной степени опыты воскресенія, какъ раньше—рассказы о чудесахъ? Если они не имѣютъ цѣны, зачѣмъ же о нихъ рассказывать? А если они имѣютъ цѣну только для невѣрующихъ, зачѣмъ о нихъ рассказывается глубоко вѣрующимъ евангелистомъ съ увлеченіемъ, доказывающимъ, что они имѣли цѣну еще и для него? Конечно, отвѣчаетъ Штраусъ, писатель четвертаго евангелія, жившій въ позднѣйшее время (?), такъ же какъ и Тѣма, не присутствовалъ (?) при томъ, когда, вечеромъ, въ день Своего воскресенія, Іисусъ явился къ собраннымъ ученикамъ, и онъ такъ же, какъ и его Тѣма, могъ имѣть сомнѣнія и, вотъ, чтобы и увѣровать, какъ Тѣма, онъ желалъ имѣть чувственно-воспринимаемая доказательства. Правда, въ послѣдствіи онъ отказался отъ невозможнаго и увѣровалъ, не видя; но теперь онъ долженъ былъ предполагать, что кромѣ него есть и другіе, подобные ему, и что жившіе съ Іисусомъ ученики имѣли точныя доказательства: какой-нибудь Іоаннъ видѣлъ кровь и воду, истекшія изъ прободеннаго ребра Іисусова, какой-нибудь Тѣма вложилъ свой палецъ въ гвоздичныя раны, свою руку—въ прободенный бокъ Іисуса. Ясно, говоритъ Штраусъ, что, по пониманію четвертаго евангелиста, чисто духовная вѣра должна имѣть своимъ предположеніемъ вѣру, опирающуюся на чувственныя доказательства и что для него было нераздѣльнымъ актомъ—вѣровать безъ видѣнныхъ лично знаменій и основывать вѣру на томъ, что видѣли другіе. Едва ли нужно доказывать, что

только съ этой точки зрѣнія можетъ быть объяснено и самое происхожденіе четвертаго Евангелія.

Разсказъ о явленіи воскресшаго Спасителя на Тиверіадскомъ озерѣ, написанный, по мнѣнію Штрауса, даже не составителемъ всего четвертаго Евангелія, а его позднѣйшимъ дополнителемъ, есть будто бы компиляція, „клубокъ“, въ которомъ Штраусъ усматриваетъ слѣды евангельскихъ разсказовъ о чудесной ловлѣ рыбъ, насыщеніи народа, хожденіи по водамъ и троекратнаго отреченія Петра, обычаевъ вечери и преломленія хлѣба въ Эммаусѣ, равно какъ и „бѣганія изъ-за вѣры въ запуски“ Апостоловъ Петра и Іоанна—ко гробу Іисуса. Но преимущественною цѣлію этого разсказа,—говоритъ Штраусъ,—было дальнѣйшее урегулированіе отношеній между Апостоломъ Петромъ и Іоанномъ. По возстановленіи Петра въ апостольскомъ служеніи, Іисусъ Христосъ будто бы полагаетъ его преимущество въ томъ, что ему даровано—прославить Бога мученическою кончиною, а относительно Іоанна Господь сказалъ, что если захочетъ, чтобы онъ пребывалъ до Его второго пришествія,—какое дѣло до этого другимъ? Возможно, что, въ виду престарѣлаго возраста, котораго достигъ всѣми чтимый зритель Откровенія, въ Малой Азіи сложилась сага, что онъ будетъ жить до второго пришествія Христа. Но когда онъ умеръ, предсказаніе въ этомъ смыслѣ оказалось невѣрнымъ. И вотъ нашъ писатель старается возстановить его первоначальный текстъ, но въ какомъ смыслѣ,—неизвѣстно, придавалъ ли онъ значеніе слову „если“ (т. е. только предположенному случаю), или подъ „пришествіемъ“ разумѣлъ нѣчто иное, чѣмъ видимое второе пришествіе на облакахъ, или, наконецъ, подъ „пребываніемъ“—нѣчто иное, чѣмъ продолженіе тѣлесной жизни (быть можетъ, восхищеніе въ рай, чтобы тамъ сохраняться до второго пришествія Христа); въ общемъ же цѣль писателя ясна—затемнить это обстоятельство священной таинственностію. Но такъ какъ непосредственно за этимъ изложеніемъ слѣдуетъ объясненіе, что рѣчь идетъ объ ученикѣ, который свидѣтельствуетъ объ этомъ событіи и написалъ это Евангеліе, то, быть можетъ,—говоритъ Штраусъ,—подъ его пребываніемъ до пришествія Христа можно разумѣть и продолженіе существованія его писанія, непреходящее значеніе изложеннаго въ немъ евангельскаго духа.

Этимъ Штраусъ и заканчиваетъ въ своей книгѣ „Жизнь Иисуса“ изложеніе своего взгляда на воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа и на евангельскія повѣствованія о немъ. Впослѣдствіи, въ другой своей книгѣ „Старая и новая вѣра“ онъ далъ слѣдующій краткій отвѣтъ на вопросъ: „Какъ произошла вѣра въ воскресеніе Иисуса, если смотрѣть на него съ исторической точки зрѣнія?“

Съ того момента, когда Иисусъ кончилъ Свою жизнь на крестѣ, какъ преступникъ, развязка, которая для учениковъ Его во всякомъ случаѣ, была неожиданностію,—говоритъ Штраусъ,—все зависѣло отъ того, какъ отнесутся они къ этому факту. Если бы насильственная смерть Его разочаровала ихъ въ вѣрѣ въ Его мессіанское призваніе, дѣло Его было бы проиграно; быть можетъ, въ Іудеѣ жила бы еще нѣкоторое время память о Немъ и тѣхъ или иныхъ поучительныхъ словахъ Его, но рано или поздно впечатлѣніе ихъ разсѣялось бы, какъ исчезаютъ круги на водѣ, въ которую бросили камень. Если же они не смотря на Его несчастную смерть, сохранили вѣру въ Него, какъ Мессію, то имъ предстояло разрѣшить противорѣчіе: Мессія и смерть! Имъ нужно было примирить Его насильственно прерванное земное существованіе съ неземною ролью Сына Человѣческаго, сходящаго въ облакахъ на землю, ибо Онъ неоднократно предсказывалъ, что послѣ Своей смерти явится въ такомъ видѣ къ людямъ. По общему жребію всѣхъ смертныхъ, Онъ долженъ былъ послѣ смерти снизойти въ царство тѣней; а если бы Онъ сошелъ уже туда, то роль Его была бы закончена, и всѣ надежды на Него должны были бы исчезнуть. Нужно было найти другой исходъ: Христосъ не могъ умереть; но такъ какъ Онъ умеръ предъ глазами народа и отрицать этого было нельзя, то нельзя Ему во всякомъ случаѣ оставаться мертвымъ навсегда. Ученики Иисуса ухватились за изученіе Св. Писанія,—и этимъ было сдѣлано многое. При тогдашнемъ способѣ изъясненія Св. Писанія, въ немъ легко было найти все, что нужно. Авторъ 15-го псалма,—Давидъ ли или кто другой,—и не думалъ говорить отъ лица Мессіи, но высказалъ свое собственное упованіе на Бога, что Онъ не оставитъ души его во адѣ, не допустить, чтобы благочестивый рабъ Его увидѣлъ тлѣніе, разумѣя подъ этимъ то, что, при помощи Божіей, Онъ вый-

детъ невредимымъ изъ всякой опасности. Но ученики Христа разсуждали иначе: Давидъ умеръ и тѣло его истлѣло; слѣдовательно, здѣсь онъ не могъ разумѣть самого себя; какъ пророкъ, онъ провидѣлъ славу своего великаго потомка—Мессіи, а такимъ Мессіей былъ Іисусъ; ясно, что тѣло Его не могло оставаться во гробѣ и Онъ не вошелъ въ царство тѣней. Такое толкованіе предложилъ уже Апостоль Петръ послѣ воскресенія Христа, въ извѣстный праздникъ Пятидесятницы. И здѣсь мы видимъ одинъ изъ тѣхъ аргументовъ, которые дали возможность ученикамъ Христа создать мнѣ о воскресеніи своего умерщвленнаго Учителя. Такое же значеніе имѣли слова Исаи объ овцѣ, ведомой на закланіе, на которыя въ послѣдствіи Апостоль Филиппъ ссылался эіопскому царедворцу, какъ на пророчество о Христѣ. Прощаясь со Своими учениками, воскресшій Іисусъ объясняетъ имъ всѣ мѣста Св. Писанія, въ которыхъ говорится о Немъ, о Его смерти и воскресеніи. Историческій смыслъ этой легенды можетъ заключаться лишь въ томъ, что въ тѣ тяжелые дни ученики Іисуса искали утѣшенія главнымъ образомъ въ изученіи Св. Писанія. Послѣ казни Учителя охватившій ихъ ужасъ заставилъ ихъ бѣжать изъ опасной страны главнаго города въ родную Галилею: тамъ на своихъ собраніяхъ они постоянно вспоминали о Немъ, укрѣпляли себя въ вѣрѣ въ Него, перечитали всѣ книги Ветхаго Завѣта, ища объясненія и разгадки угнетавшей ихъ тайны. Это душевное томленіе легко переходило въ экстазъ и галлюцинаціи, благодаря ихъ восточному темпераменту и одностороннему религіозно-суевѣрному воспитанію. Особенно это нужно сказать о женщинахъ. Нужно было только убѣдиться, что Мессія не могъ остаться во гробѣ,—и тотчасъ должны были раздаться радостныя извѣстія: я, такой-то, или мы, такіе-то, видѣли Іисуса воскресшимъ изъ мертвыхъ; мы встрѣтили Его и бесѣдовали съ Нимъ; мы сначала не узнавали Его, но потомъ, когда Онъ исчезъ, у насъ какъ-бы чешуя спала съ глазъ, и мы поняли, что это былъ именно Онъ, и т. д. Переходя изъ устъ въ уста подобные рассказы принимали все болѣе и болѣе конкретную форму: Іисусъ уже обѣдалъ со своими учениками, показывалъ имъ Свои руки и ноги, позволялъ вкладывать пальцы въ Свои раны и т. п. Такимъ образомъ, создавши идею о воскресеніи Хри-

ста, ученики спасли дѣло своего Учителя: впрочемъ, они твердо и искренно были убѣждены въ томъ, что видѣли Возставшаго изъ гроба и говорили съ Нимъ. Это не былъ благочестивый обманъ, а только—*самообманъ*. На такой почвъ обыкновенно возникаютъ разныя разукрашиванія и цѣлыя легенды, и виновники ихъ продолжаютъ обыкновенно вѣрить въ дѣйствительность своихъ фантазій. Какъ конкретный историческій фактъ, воскресеніе Христа,—говоритъ Штраусъ,—не имѣетъ подъ собой никакой почвы. Въ пользу невѣроятнаго факта никогда еще не было приводимо такъ мало доказательствъ, никогда еще плохо доказываемый фактъ самъ по себѣ не былъ столь невѣроятнымъ. Въ историческомъ отношеніи, если имѣть въ виду то огромное значеніе, которое принадлежитъ вѣрѣ въ воскресеніе Христа, и ея полнѣйшую безосновательность, эту легенду нужно признать только всемірно-историческимъ шантажемъ. Для насъ, по словамъ Штрауса, это унинительно (?!), но, къ сожалѣнію, вѣрно. Все то доброе и истинное, чему училъ Иисусъ, даже всѣ односторонности и крайности, которыя производили, какъ всегда, на толпу самое сильное впечатлѣніе, разлетѣлись бы какъ бумажные листья по вѣтру, если бы не эта абсурдная (?) вѣра въ Его воскресеніе, которая подхватила эти листья, связала ихъ въ прочный кожаный переплетъ и такимъ образомъ сохранила ихъ въ исторіи.

Книга Штрауса „Das Leben Iesu“ („Жизнь Иисуса“) и въ особенности изложенный въ ней взглядъ Штрауса на воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа изъ мертвыхъ произвели тяжелое, гнетущее и удручающее впечатлѣніе на современниковъ. Уже вскорѣ, по отпечатаніи книги Штрауса, даже либеральное тогдашнее прусское министерство (15 ноября 1835 года) предложило свободолюбивому берлинскому профессору Неандеру, другу Штрауса, вопросъ: „не будетъ ли справедливымъ и полезнымъ—воспретить распространеніе сочиненія Штрауса?“ Неандеръ отвѣтилъ министерству такъ: „Въ книгѣ Штрауса царитъ остроуміе, отыскивающее повсюду противорѣчія; но глубокомыслія, способнаго проникнуть въ высшее единство, въ ней нѣтъ; есть односторонній разсудочный анализъ, но нѣтъ одушевленія

религіознымъ элементомъ. Книга вредна. Противорѣчія, указываемыя въ ней съ тою цѣлію, чтобы въ евангельскихъ повѣствованіяхъ все историческое превратить въ миѣическое, потрясутъ для многихъ реальность несомнѣннѣйшихъ фактовъ изъ всѣхъ исторій. Если такіе взгляды на историческаго Христа, какъ изложенные въ этой книгѣ, распространятся въ народѣ, то вездѣ, гдѣ они будутъ усвоены, они значительно расшатываютъ вѣру въ устои церкви. Тѣмъ не менѣе запрещеніе книги принесетъ истиннѣ скорѣе вредъ, чѣмъ пользу. Запрещать нужно только популярныя книги. Ученую же книгу, какъ эта, слѣдуетъ опровергнуть оружіемъ науки. Ея погрѣшности должны послужить къ тому, чтобы истину освѣтить съ новыхъ сторонъ, тверже обосновать ее, открыть недостатки въ теперешнемъ способѣ ея защиты и избѣгать ихъ въ будущемъ“.

Къ чести нѣмецкихъ ученыхъ того времени нужно сказать, что очень многіе изъ нихъ отнеслись къ книгѣ Штрауса самымъ серьезнымъ и внимательнымъ образомъ. Всѣ болѣе или менѣе научныя періодическія изданія, не только духовныя, но и свѣтскія, были переполнены критическими разборами ея содержанія, метода, приѣмовъ изслѣдованія и научнаго отношенія къ разсматриваемому предмету. Въ годъ-два въ Германіи образовалась цѣлая противуштраусовская литература“ для изученія которой уже требуется немало времени. Общій результатъ, достигнутый критикою появившейся книги Штрауса, былъ прекрасно выраженъ въ берлинскомъ журналѣ „Evangelische Kirchenzeitung“ (въ январьской тетради, въ „предисловіи къ 1839“). „Сочиненіе Штрауса,—говоритъ авторъ этой статьи, пользуется популярностью не потому, что въ немъ предлагается что-либо *абсолютно новое*, а потому, что оно есть послѣдовательное изложеніе и обобщеніе тѣхъ элементовъ, которые существовали уже во всѣ времена. Въ этомъ отношеніи оно является какъ бы выразителемъ духа своего времени“. До сихъ поръ,—писали критики Штрауса,—религіозность была признаваема необходимою для богослова, и кто не имѣлъ ея, тотъ долженъ былъ, по крайней мѣрѣ, лицемерить. Штраусъ, претендуя на кафедру богословія въ университетѣ, выступаетъ съ своимъ безбожіемъ открыто и дерзко. Грязными руками своими онъ прикасается „Помазанника Божія“ и возвѣщаетъ

на весь міръ, что вѣру въ воскресеніе Спасителя онъ считаетъ „абсурдною“, „унизительною“ для человѣчества, даже „всемирно-историческимъ шантажемъ“, такъ какъ она дарована міру и исторіи кучкою душевно-больныхъ галилейскихъ рыбаковъ. Онъ какъ-бы жалѣетъ, что эта вѣра не дала возможности „всему тому доброму и истинному, чему училъ Иисусъ, разлетѣться по вѣтру, подобно бумажнымъ листьямъ“, но „подхватила и связала ихъ въ прочный кожаный переплетъ и такимъ образомъ сохранила ихъ для исторіи“. Штраусъ заговорилъ языкомъ циника; но, какъ свидѣтельствуемъ исторія, и цинизмъ можетъ имѣть многочисленныхъ послѣдователей.

Изъ представленнаго нами изложенія взгляда Штрауса на воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа изъ мертвыхъ читатель самъ можетъ видѣть, что Штраусъ, дѣйствительно, не даетъ намъ ничего не только „абсолютно новаго“, но даже и такого, что уже не было бы высказано его многочисленными предшественниками по искаженію истиннаго смысла и значенія евангельской исторіи. Въ самомъ дѣлѣ,—что мы можемъ найти въ книгѣ новаго, оригинальнаго и самостоятельнаго? Онъ отвергаетъ подлинность и достовѣрность евангельскихъ повѣствованій, называетъ „позднѣйшею вставкой“ конецъ Евангелія отъ Марка (16, 9—20) и послѣднюю (21-ю) главу Евангелія отъ Іоанна; но мы знаемъ, что очень многіе изъ предшествовавшихъ ему раціоналистовъ, начиная съ Реймаруса и до Газе, высказывали такой же взглядъ на евангельскія повѣствованія, какъ Штраусъ. Штраусъ указываетъ противорѣчія въ разказахъ евангелистовъ о воскресеніи Спасителя; и это не новость: то же дѣлали раньше его и другіе. Штраусъ признаетъ явленія Иисуса Христа ученикамъ по воскресеніи результатомъ нервознаго состоянія послѣднихъ, событіями внутренними, духовными, субъективными; но мы знаемъ, что не онъ былъ виновникомъ визионерной гипотезы: основные элементы для нея были указаны еще языческимъ врагомъ христіанства—Цельсомъ—во 2-мъ вѣкѣ по Р. Х. Штраусъ начинаетъ свой анализъ новозавѣтныхъ разказовъ о явленіяхъ воскресшаго Иисуса Христа критикою повѣствованій о явленіи Ёго Апостолу Павлу на пути въ Дамаскъ; то же дѣлали, какъ мы видѣли, уже Газе, Гольштенъ и многіе другіе раціоналисты, особен-

но изъ принадлежавшихъ къ новотюбингенской школѣ: Штраусъ даже какъ бы только повторяетъ сказанное ими и въ частности—Гольштенемъ. Штраусъ примѣняетъ къ евангельской исторіи теорію мифа. И это не новость: мифическое объясненіе библейскихъ событій встрѣчается и до него; Землеръ называлъ мифами библейскія повѣствованія о Самсонѣ и Эсфири; Габлеръ, Шеллингъ, Гейне, Вольфъ и Нибуръ объяснили мифомъ чуть ли не всю древнѣйшую исторію.

Что же новаго можно указать у Штрауса?

Особенность Штрауса, „давшая ему, по словамъ одного критика, преимущество предъ всеми рационалистическими извратителями евангельской исторіи, превосходящими его своею ученостію“, состоитъ исключительно въ критическихъ приемахъ, методѣ, тактикѣ и той своеобразной критической отвагѣ, которая, какъ, оглушительный ударъ, поражаетъ всякаго довѣрчиваго читателя, а особенно, если онъ не привыкъ критически относиться къ тому, что онъ читаетъ. Штраусъ не дѣлится съ читателемъ основными посылками своихъ умозаключеній, а прямо атакуетъ его, деспотически требуетъ отъ него вѣры и притомъ—вѣры не въ свои работы, а въ себя самого; ему нуженъ не обмѣнъ мыслей, а автоматическое преклоненіе другихъ предъ его авторитетомъ. Такъ же произвольно и безотчетно поступаетъ онъ и съ находящимся въ его распоряженіи матеріаломъ. Онъ не хочетъ знать, какъ онъ выражается, „какого нибудь Газе“ „какого нибудь Эвальда“, „какого нибудь Шлейермахера“ или „какого-нибудь Баура“, хотя всѣ они его учителя въ собственномъ смыслѣ этого слова и хотя онъ именно у нихъ позаимствовалъ многое, что для него оказалось пригоднымъ. Онъ только себя одного выдаетъ за полнаго и безконтрольнаго хозяина въ избранной имъ области изслѣдованія. Онъ не даетъ никому никакого отчета. Онъ говоритъ: четвертый евангелистъ вкладываетъ въ уста Іисусу свои слова; онъ не почерпнулъ ихъ изъ какого-либо историческаго источника, а просто на-просто сочинилъ ихъ *сто лѣтъ* спустя по своей собственной философской схемѣ“. Это утвержденіе высказано въ такой категорической формѣ, которая не допускаетъ никакихъ возраженій; а между тѣмъ оно чисто субъективно и совершенно ни на какомъ „историческомъ

документъ“ не основано. Въ самомъ дѣлѣ, на какомъ основаніи Штраусъ утверждаетъ, что писатель четвертаго Евангелія свои слова вложилъ въ уста Іисусу Христу? Какой древній писатель говоритъ объ этомъ? Въ какомъ сочиненіи изложена „философская схема“ писателя четвертаго Евангелія? Далѣе. Откуда Штраусъ знаетъ, что четвертое Евангеліе было написано *сто лѣтъ* спустя послѣ смерти Іисуса Христа? Почему именно онъ указываетъ на 100 лѣтъ, а не на 95 или 110 или 86? На эти вопросы Штраусъ и не хочетъ, и не можетъ отвѣчать за неимѣніемъ никакихъ фактическихъ основаній. Онъ прямо требуетъ, чтобы читатель вѣрилъ ему на слово, потому что это онъ сказалъ. И пораженный такимъ „ученымъ нахальствомъ“ легкомысленный читатель вѣритъ, оправдывая себя предположеніемъ, что если Штраусъ говоритъ такъ самоувѣренно, то, должно быть, у него есть для того основанія.

Но допустимъ на время, что Штраусъ правъ, т. е. допустимъ, что Евангеліе отъ Іоанна неподлинно, тенденціозно и потому недостоувѣрно. Казалось бы,—на этомъ нужно и покончить. Недостоувѣрное слѣдовало бы разъ навсегда отбросить отъ себя и не пользоваться имъ. Но—нѣтъ! Штраусъ поступаетъ иначе. Онъ объявляетъ Евангеліе отъ Іоанна неподлиннымъ и недостоувѣрнымъ, когда оно высказываетъ нѣчто непримиримое съ его школьно-философскимъ міровоззрѣніемъ; но разъ онъ встрѣчаетъ въ немъ что-либо пригодное для своего взгляда, онъ широко пользуется имъ и упорно молчитъ о его мнимой неподлинности и недостоувѣрности.

Другой примѣръ. Къ тремъ первымъ (синоптическимъ) Евангеліямъ Штраусъ относится благосклоннѣе и довѣрчивѣе, чѣмъ къ Евангелію отъ Іоанна. „Если вообще можно найти свѣдѣнія о дѣйствительномъ Іисусѣ, — говоритъ онъ, —то только въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ. Здѣсь личность Его не втиснута въ рамки александрійской философы; здѣсь предъ нами замѣтки и воспоминанія о Немъ, собранныя на мѣстѣ Его дѣятельности, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій“. Послѣ этого Штраусу, по-видимому, оставалось бы только пользоваться этими достовѣрными „записями и воспоминаніями“ и писать дѣйствительную исторію „дѣйствительнаго Іисуса“. Но нѣтъ! И здѣсь Штраусъ по-

ступаетъ по-своему. Онъ захотѣлъ дѣйствительную исторію превратить въ миѳическую. Для этого онъ долженъ былъ объявить (и, дѣйствительно, объявилъ) неподлинными и недостоверными въ трехъ первыхъ евангеліяхъ непріятные ему рассказы о чудесахъ и о сверхъестественныхъ событіяхъ, не указывая въ свое оправданіе совершенно никакихъ „историческихъ документовъ“ и фактическихъ основаній. И послѣ этого онъ еще категорически и безапелляціонно заявляетъ читателю: „добрая часть того, что рассказываютъ намъ евангелисты о мнимыхъ (?) дѣяніяхъ и приключеніяхъ (?) Христа, пропадаетъ вмѣстѣ съ этимъ вертоградомъ месіанскихъ чудесъ, которыя критика (?) выбрасываетъ за бортъ; но это не все, даже не половина; серьезныя сомнѣнія возникаютъ также относительно рѣчей Іисуса въ синоптическихъ Евангеліяхъ“ и т. д. Но если бы читатель внимательно прослѣдилъ книгу Штрауса, то онъ увидѣлъ бы, что Штраусъ „выбросилъ за бортъ“ изъ трехъ первыхъ „достоверныхъ“ Евангелій не только „добрую часть“ рассказовъ, но и всѣ „воспоминанія“ объ Іисусѣ Христѣ, „собранныя на мѣстѣ Его дѣятельности, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событій“.

Какъ безосновательно и фантастично судить Штраусъ о характерѣ и составѣ нашихъ евангельскихъ повѣствованій и отдѣльныхъ рассказовъ о не нравящихся ему событіяхъ, можно видѣть отчасти и изъ представленнаго нами изложенія его взгляда на воскресеніе Іисуса Христа. Такъ, онъ развязно и самоувѣренно утверждаетъ, ничуть не сомнѣваясь въ рабскомъ довѣрїи своего читателя къ своимъ словамъ,—что четвертое Евангеліе есть тенденціозная компиляція, составленная съ цѣлію показать преимущество Апостола Іоанна предъ Апостоломъ Петромъ. Въ чемъ же состоитъ, по Штраусу, это преимущество Іоанна предъ Петромъ?—„Въ бѣгахъ въ запуски ко гробу“,—отвѣчаетъ Штраусъ. Іоаннъ, какъ юноша, побѣжалъ ко гробу Іисуса Христа скорѣе Петра; Петръ не могъ такъ быстро идти, какъ Іоаннъ, *но во гробъ однако-же вошелъ раньше Іоанна*. Въ чемъ же здѣсь показано преимущество и чье? Когда рѣчь идетъ только о „бѣгахъ въ запуски“, то здѣсь можно видѣть преимущество лишь ногъ, а не чего либо болѣе серьезнаго и притомъ—преимущество физической природы юноши предъ мужемъ

пожилыхъ лѣтъ. На первомъ мѣстѣ въ разсказѣ ставится всегда Петръ, за которымъ слѣдуетъ Іоаннъ. Писатель, по Штраусу, составилъ свое Евангеліе будто бы съ цѣлію показать преимущество Іоанна; но не называетъ даже его собственнымъ именемъ, а обозначаетъ выраженіемъ „другой ученикъ“, такъ что читателю приходится лишь догадываться, о комъ идетъ рѣчь!.. По увѣренію Штрауса, изъ трехъ первыхъ Евангелій четвертый евангелистъ осмотрительно выбралъ и удачно развилъ съ своей точки зрѣнія (?) все, что было для него пригодно: разсказъ о путешествіи Маріи Магдалины ко гробу Спасителя онъ заимствовалъ у Марка и Луки, но почему-то раздѣлилъ на два момента; разсказъ о путешествіи Петра и Іоанна ко гробу онъ передѣлалъ изъ разсказа третьяго евангелиста о путешествіи двухъ Апостоловъ въ Эммаусъ, хотя между этими разсказами, кромѣ числа *два*, совершенно нѣтъ ничего общаго; разсказъ о явленіи Спасителя одиннадцати ученикамъ онъ заимствовалъ у Луки же, но опять раздѣлилъ его на два момента, при чемъ съ указаніемъ своего руководителя на радость и ужасъ учениковъ („смутившись и испугавшись“) онъ поступилъ такимъ образомъ: радость оставилъ всетаки за учениками („ученики обрадовались“), а ужасъ отнесъ къ іудеямъ („двери были заперты, изъ опасенія отъ Іудеевъ“). Какая поразительная догадливость у остраго критическаго ума! Ему извѣстны всѣ тонкости закулисной работы компиляторовъ! Но особенно странно разсужденіе Штрауса о томъ, изъ какихъ частей четвертый евангелистъ составилъ свой небольшой разсказъ о явленіи воскреснаго Іисуса Христа семи ученикамъ на берегу Тиверіадскаго озера. Оказывается, что здѣсь евангелистъ потрудился не мало: для этого онъ пересмотрѣлъ и позаимствовалъ у трехъ первыхъ евангелистовъ ихъ разсказы: 1) о чудесномъ ловѣ рыбъ, 2) о чудесномъ насыщеніи народа, 3) о хожденіи Спасителя по водамъ, 4) о троекратномъ отреченіи Петра, 5) объ обычаяхъ Спасителя на вечерахъ, 6) о преломленіи хлѣба въ Эммаусѣ; наконецъ 7) онъ не забылъ и самого себя: у себя онъ взялъ разсказъ „о бѣганіи Петра и Іоанна въ запуски изъ-за вѣры“. Въ виду этого Штраусъ нашелъ справедливымъ назвать этотъ разсказъ прямо „клубкомъ“. Не знаемъ, какъ легковѣрные читатели Штрауса могутъ признавать правдо-

подобнымъ этотъ способъ составленія отдѣльныхъ евангельскихъ повѣствованій; но намъ онъ представляется болѣе, чѣмъ анахронизмомъ, потому что едва ли такимъ способомъ пользуются даже и нѣмецкіе писатели нашего времени!..

Методъ изслѣдованія, которымъ пользуется Штраусъ, принято называть діалектическимъ или антитетическимъ. Въ широкихъ размѣрахъ въ области философскаго знанія его примѣнялъ учитель Штрауса—Гегель. Онъ состоитъ въ разложеніи понятій на ихъ составныя части и приведеніи ихъ къ единству чрезъ устраненіе противорѣчивыхъ признаковъ. Этотъ методъ былъ извѣстенъ еще Сократу; при помощи его, ученики Сократа успѣшно вели свои споры съ послѣдователями другихъ философскихъ школъ и—въ особенности съ софистами. Но имъ пользовались и христіанскіе богословы, хотя весьма осторожно и даже нерѣшительно. Онъ удобенъ для критика, отыскивающего недостатки въ рассматриваемомъ сочиненіи; къ сожалѣнію, результатъ, къ которому онъ приводитъ, почти всегда отрицательный. Исходя изъ общаго понятія съ тѣмъ, чтобы къ нему только и возвратиться, діалектической методъ непригоденъ для положительныхъ работъ. Пользующіеся имъ отрицательные евангельскіе критики приступаютъ къ разсмотрѣнію евангельскихъ повѣствованій уже съ усвоенными напередъ школьно-философскими воззрѣніями и своею задачею ставятъ лишь оправданіе этихъ воззрѣній евангельскими повѣствованіями. Ничего новаго чрезъ это почти никогда не достигается, и діалектической методъ легко превращается въ софистическій, тенденціозный, не допускающій выбора въ средствахъ для достиженія поставленной цѣли. Такимъ именно онъ и оказывается у Штрауса.

Каждый писатель, какъ и каждый человекъ, имѣетъ свои особенности—природныя, а также пріобрѣтенныя воспитаніемъ и опытами жизни, вслѣдствіе чего у людей всегда возможны разности и несогласія во взглядахъ на вещи, въ ихъ изслѣдованіяхъ и изложеніи своего пониманія. Причинъ такого интеллектуальнаго различія среди людей очень много и фактическаго существованія ихъ отрицать нельзя. Каждый человекъ можетъ понимать и оцѣнивать то или другое явленіе по—своему, даже при одинаковости наличныхъ условій. У одного и того же учителя, по одному и

тому же предмету, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ ученики оказываютъ неодинаковые успѣхи. У Гегеля было много учениковъ; слушали они одно и то же ученіе и однако же распались на двѣ различныхъ, даже враждебныхъ между собою школы—правую и лѣвую. Историки расходятся не только въ оцѣнкѣ, но и въ описаніи однихъ и тѣхъ же историческихъ событій; евангельскіе отрицательные критики уличаютъ другъ друга въ неправильности пониманія евангельскихъ повѣствованій. У писателей, кромѣ ихъ личныхъ особенностей, разности въ описаніяхъ одного и того же предмета могутъ зависѣть и отъ того, что они описываютъ предметъ, осмотрѣнный ими въ различные моменты его существованія. Само собою понятно, что такого рода различія *должны* встрѣчаться и въ евангельскихъ повѣствованіяхъ, написанныхъ различными лицами. На эти естественныя разности евангельскихъ повѣствованій обращали вниманіе и рационалисты, жившіе гораздо раньше Штрауса, но особеннаго значенія имъ не приписывали. Нѣкоторые же, даже свободолобивые критики евангельскихъ повѣствованій (напр. Газе), цѣнили встрѣчающіяся въ нихъ разности, какъ доказательства подлинности и самостоятельности евангельскихъ рассказовъ. Совершенно иначе поступаетъ Штраусъ: онъ не признаетъ никакого существеннаго различія между уклоненіями и противорѣчіями и встрѣчающіяся въ нашихъ евангельскихъ повѣствованіяхъ разности въ описаніи событій разукрашиваетъ такими, болѣею частію, измышленными имъ самимъ чертами, что почти всегда онъ оказываются у него „непримиримыми“ и „другъ друга взаимно исключаящими противорѣчіями“. При этомъ часто и, конечно, умышленно умалчиваетъ о томъ, что евангелисты говорятъ о различныхъ моментахъ описываемаго событія. Когда въ евангельскихъ повѣствованіяхъ нѣтъ разностей на лицо, Штраусъ, если это нужно для оправданія его предвзятаго школьно-философскаго воззрѣнія, самъ измышляетъ ихъ, превращая въ „непримиримое противорѣчіе“ даже и *молчаніе* евангелиста. Въ этомъ случаѣ онъ пользуется логикою такого рода: если евангелистъ молчитъ, т. е. почему-либо не описываетъ того или другого событія, то, слѣдовательно, онъ *ничего не знаетъ* о немъ; а если онъ его не знаетъ, то, очевидно, его не было, и другой евангелистъ, рассказывающій объ этомъ событіи,

измышляетъ никогда не бывшее событіе. Пояснимъ этотъ пріемъ Штраусовой критики примѣромъ. Въ настоящемъ разсужденіи мы ничего не говоримъ объ Александрѣ Македонскомъ; слѣдовательно (по логикѣ Штрауса), мы ничего о немъ не знаемъ и, такимъ образомъ, впадаемъ въ „непримиримое противорѣчіе“ со всѣми историческими разсказами объ этомъ знаменитомъ полководцѣ. При помощи такого метода Штраусу не только легко подорвать у своего легкомысленнаго читателя довѣріе къ евангельскимъ повѣствованіямъ, но и возможно было „выбросить за бортъ“ всѣ разсказы о евангельскихъ чудесахъ и различныхъ сверхъестественныхъ событіяхъ: не всѣ евангелисты съ букввальнымъ согласіемъ говорятъ объ извѣстномъ событіи, а одинъ даже умалчиваетъ о немъ: значить, его не было; оно просто—выдуманно.

Съ неменьшею же широтою и произвольностію (чтобы не выразиться точнѣе, но—рѣзче) Штраусъ примѣняетъ къ евангельскимъ повѣствованіямъ и теорію миѳа. Какъ мы видѣли, теорія эта была хорошо извѣстна раціоналистамъ и раньше Штрауса. Къ ней обращались и англійскіе деисты, и французскіе энциклопедисты, и нѣмецкіе раціоналисты. Но они пользовались ею въ примѣненіи къ евангельской исторіи не вполнѣ и не во всемъ ея объемѣ. Они не все „выбрасывали за бортъ“ изъ евангельскихъ повѣствованій, а только—то, что не подходило подъ масштабъ естественнаго или раціоналистическаго ихъ объясненія. Другіе „богословы“, по преимуществу, ученики Шлейермахера, примѣняли эту теорію какъ-то боязливо и нерѣшительно. Сначала они пользовались ею лишь для объясненія ветхозавѣтныхъ повѣствованій о тѣхъ или другихъ чудесныхъ событіяхъ и только мало-по-малу стали примѣнять ее къ евангельскимъ повѣствованіямъ, но и то—не ко всей евангельской исторіи, и даже не къ существенной части ея, а лишь къ событіямъ второстепеннымъ и побочнымъ. Штраусъ первый началъ пользоваться миѳическою теоріею смѣло и во всемъ ея объемѣ. Штраусу, который рѣшился разомъ отвергнуть историческую достовѣрность евангельскихъ повѣствованій, было мало раціоналистическихъ разрушеній и ограниченій. И онъ съ неустрашимостію и самоувѣренностію, всегда магнетически дѣйствовавшими на его читателей, объявилъ миѳомъ

всю евангельскую исторію! Онъ въ этомъ случаѣ оказался вѣрнымъ послѣдователемъ своего учителя Шеллинга, которымъ онъ, отставъ отъ Гегеля, увлекался всегда—и въ тюбингенскомъ университетѣ, гдѣ онъ обучался, и въ Людвигсбургѣ, гдѣ онъ былъ викаріемъ проповѣдникомъ, и въ монастырской школѣ въ Маульброннѣ, гдѣ онъ профессорствовалъ. Къ языческой мнѳологіи своего учителя Штраусъ, подражая ему и пользуясь его методомъ, прибавилъ „миѳологію христіанскую“.

Подробнѣе мы будемъ говорить о критическихъ приемахъ и методѣ Штрауса еще въ свое время. А теперь замѣтимъ только, что, слѣдуя приемамъ Штрауса, легко обратитъ въ миѳъ какой угодно, самый несомнѣнный и достовѣрный историческій фактъ. И остроумными соотечественниками Штрауса были представлены вниманію мыслящаго общества интересныя опыты такого рода. Вскорѣ послѣ появленія въ свѣтъ Штраусовой „Жизни Иисуса“ были опубликованы три пародіи, которыя самъ Штраусъ назвалъ „весьма остроумными“: 1. *Des Doctor Strauss „das Leben Jesu“, eine Sage des 19-ten Jahrhunderts von Dr. v. Keyserlingk. 1836* („Жизнь Иисуса“ доктора Штрауса—сага 19-го столѣтія, д-ра фонъ-Кейзерлингка. 1836), 2. *Auszüge aus der Schrift: Das Leben Luthers, kritisch bearbeitet von Dr. Casuar. Mexiko 2836. Herausg. von Julius Friedrich Wurm. Tübingen. L. F. Fues 1836.* (Извлеченія изъ сочиненія: Жизнь Лютера, критически обработанная д-ромъ Казуаромъ. Мексика. 2836. Изд. Юлія Фридриха Вурма. 1836) и 3. *Das Leben Napoleons, kritisch geprüft. Aus dem Englischen. Nebst einigen Nutzaufwendungen auf „das Leben Jesu“ von Strauss. Leipzig. Brockhaus. 1836* (Жизнь Наполеона, критически изслѣдованная. Изъ англійскаго. Съ нѣкоторыми полезными примѣненіями къ „Жизни Иисуса“ Штрауса. Лейпцигъ. Брокгаузъ. 1836). Составители этихъ пародій съ удивительною точностію воспользовались методомъ, приемами, тактикою и даже языкомъ Штрауса, чтобы, при помощи ихъ, доказать, что Штрауса и его „Жизни Иисуса“ никогда не было, что все извѣстія о нихъ какъ газетныя, такъ и устныя суть чистый миѳъ, и что самъ Штраусъ есть только фантастическій конкретный образъ идей и стремленій предшествовавшаго раціонализма; что источники для жизнеописанія Лютера неподлинны, не-

достоверны и наполнены непримиримыми противорѣчіями, что Лютеръ, можетъ быть, и жилъ когда-либо, но всѣ литературныя воспоминанія о немъ, мемуары и его обширныя біографіи легендарны и извращены миѳическими чертами подъ вліяніемъ протестантскихъ идей и протестантскихъ чаяній, наконецъ что и Наполеонъ есть личность миѳическая, въ которой фантастическими чертами изображено солнце, утрачивающее свою благотворную теплоту на холодномъ сѣверѣ (въ Россіи). Правда, въ этихъ пародіяхъ осмѣяны въ шутливомъ тонѣ приемы Штраусовой критики и ея методъ; но тѣмъ нагляднѣе обнаружены ихъ недостатки. Что Штраусъ, Лютеръ и Наполеонъ суть не дѣйствительныя историческія лица, а только фантастически разукрашенные миѳы, здѣсь доказано во всякомъ случаѣ съ неменьшею „научною“ основательностію, чѣмъ сдѣлалъ это и Штраусъ относительно евангельской исторіи.

Но спрашивается: неужели Штраусъ, обѣщавшійся, какъ мы видѣли, изложить свой взглядъ даже на воскресеніе Іисуса Христа „совершенно безпристрастно, вполне опредѣленно и безъ всякихъ обвиняковъ и задней мысли“, самъ не замѣчалъ ненаучности приемовъ своей критики и явной лживости своихъ выводовъ? Пусть, вмѣсто насъ, отвѣтитъ на этотъ вопросъ личный другъ, почитатель и біографъ Штрауса—Э. Целлеръ. „Новое, появившееся въ 1838 году (третье) изданіе „Жизни Іисуса“ показало, говоритъ Целлеръ, что возраженія, какія встрѣтилъ Штраусъ, произвели на него глубокое впечатлѣніе своею единогласностію. Онъ не только согласился съ тѣмъ, что нѣкоторые изъ фактовъ основаны на недостаточной аналогіи, но и не съ прежней рѣшительностію настаивалъ на невѣроятности и неподлинности Евангелія Іоанна. Одновременно и въ связи съ этимъ онъ старался въ своихъ „Selbstsprache“ („о преходящемъ и вѣчномъ въ христіанствѣ“) придать больше историческаго значенія личности Христа, чѣмъ въ заключеніи „Жизни Іисуса“. Хотя предположеніе Шлейермахера о полной безгрѣшности и первообразности Спасителя онъ считалъ выходящимъ за предѣлы человѣческой натуры, однако допускалъ, что Іисусъ былъ тѣмъ великимъ религіознымъ гениемъ, котораго чело-вѣчество никогда не сможетъ превзойти въ этой области

духовной жизни. Впослѣдствіи Штраусъ взялъ обратно эти уступки обычному (?) пониманію христіанства: въ четвертомъ и послѣднемъ изданіи „Жизни Іисуса“ (1840) онъ возстановилъ въ самомъ существенномъ все прежнее, а „Selbstspräche“ объяснилъ своимъ *болѣзненнымъ состояніемъ*.

Трудно рѣшить вопросъ, какія изъ своихъ сочиненій Штраусъ писалъ въ здоровомъ, а какія—въ болѣзненномъ состояніи. Но что предпочелъ крайній отрицательный взглядъ на евангельскую исторію, высказанный имъ въ четвертомъ изданіи своей книги, болѣе благоразумному и сравнительно умѣренному въ третьемъ изданіи, на то были у него другія причины, небезупречныя въ нравственномъ отношеніи. Онъ счелъ за лучшее поторговать своими убѣжденіями и голосъ научной совѣсти заглушить чисто коммерческими расчетами. Третье изданіе его книги „Жизнь Іисуса“ (1838), какъ извѣстно, не нашло для себя читателей, и это ударило Штрауса по карману настолько, что Онъ, какъ говорятъ, терпѣлъ даже большую нужду въ деньгахъ. Ради денегъ и по зависти къ Реиану Штраусъ даже выпустилъ въ свѣтъ сочиненіе свое въ популярномъ изложеніи („для народа“). Мало того, онъ обращался съ просьбою о матеріальной помощи къ тогдашнему атеистическому правительству въ Цюрихѣ. Но получить профессорскую кафедру въ богословскомъ факультетѣ, при всемъ содѣйствіи правительства, ему однако-же не удалось. „Это назначеніе, говоритъ біографъ Штрауса, Э. Целлеръ, взволновало все населеніе кантона, которое повело отчаянную борьбу всѣми годными и негодными средствами; эта борьба усилилась, когда ее взяли въ свои руки политическіе противники правительства. Правительство вынуждено было отказаться отъ своего рѣшенія; но оно взяло его обратно въ такой формѣ, что вновь назначенный профессоръ (Штраусъ), хотя и *не вступалъ въ свою должность, но получилъ пенсію (!)*; это избавило правительство полгода спустя отъ вооруженнаго нападенія крестьянъ, не обошедшагося безъ кровопролитія“. Такими средствами правительства содѣйствуютъ иногда распространенію безбожія среди вѣрующаго и мирнаго населенія!...

Профес. Прот. Т. И. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Чувство любви къ ближнимъ и ея непоколебимыя основы ¹⁾.

(Окончаніе *).

Существованіе связи между людьми особенно выясняется неразвитому человѣку во время войны. Какъ иногда говорятъ (правда, не вполне основательно),—стоитъ двумъ царямъ, или дипломатамъ, или даже чужестранцамъ поссориться,—и вспыхиваетъ война между народами. Она бьетъ по карману уже всѣхъ (увеличеніе налоговъ и вздорожаніе жизни), по сердцу многихъ (родственниковъ солдатъ) и убиваетъ въ буквальномъ смыслѣ цѣлыя тысячи людей. Кто имѣлъ несчастье пережить одну изъ такихъ войнъ, и кто болѣе или менѣе сознательно относился къ ея причинамъ и поводамъ, ея спутникамъ и результатамъ, тотъ не будетъ больше говорить: „моя хата съ краю, ничего не знаю“, если только память у него не коротка. Не считая лицъ, въ рукахъ которыхъ находится судьба государствъ и которыя учитываютъ каждое выдающееся явленіе въ міровой жизни, лучше всего чувствуютъ солидарность человѣчества ученые, художники, промышленники и торговцы, ибо ученые и художники большею частію посредственно, а промышленники и торговцы и непосредственно находятся въ общеніи со всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Одинъ ученый и художникъ помогаютъ (или точнѣе: могутъ помочь) всѣмъ другимъ ученымъ и художникамъ; неурожай или обильный урожай на большомъ пространствѣ мѣстности колеблетъ

¹⁾ Научно-богословское чтеніе, произнесенное въ залѣ Харьковской городской думы 14 марта 1910 года.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 10 за 1910 годъ.

цѣны на міровомъ рынкѣ; болѣзнь и смерть иногда одного человѣка заставляють понижаться или повышаться въ цѣнѣ акціи и облигаціи разныхъ государствъ и обществъ. Дипломатія и биржа—суть самыя непререкаемыя и чувствительныя показатели солидарности всѣхъ людей, живущихъ въ данное время, вмѣстѣ съ нами, на земномъ шарѣ. Сознаніе этой солидарности въ интересахъ нашей выгоды побуждаетъ насъ къ взаимопомощи другъ другу во всемъ и всегда. Пояснимъ примѣромъ. Не помогъ я сосѣдней семьѣ въ тушеніи пожара, въ борьбѣ съ холерой, и вотъ мой домъ загорѣлся, въ мою семью забралась азіатская гостья. Не помогъ я въ безвыходномъ положеніи кому—нибудь изъ односельцевъ, и вотъ онъ чрезъ мѣсяць—два воруетъ у меня, нападаетъ на улицѣ и можетъ даже убить меня. Не предостерегъ я своимъ совѣтомъ чужого школьника разъ, два, когда къ тому представлялась возможность; не сдѣлали этого и другіе, и вотъ изъ него выходитъ хулиганъ, терроризирующій цѣлый околотокъ или село. Часто въ слѣдствіе мелкихъ опущеній въ этой товарищеской взаимопомощи (совѣтомъ, сердечнымъ участіемъ, дѣломъ) возникаютъ событія, служація поводами къ величайшимъ бѣдствіямъ. Отъ того или иного состоянія и поведенія каждаго человѣка можетъ зависѣть наше матеріальное и нравственное благосостояніе. Последнему угрожаетъ дурное вліяніе, соблазнъ, искушеніе, и помогаютъ—хорошее вліяніе, добрый примѣръ. Особенно много доказательствъ такого вліянія одной личности на другую представляетъ школа, гдѣ вращаются молодые люди, не имѣющіе еще устойчиваго характера и потому легко поддающіеся всякому вліянію. Тамъ часто „одна овца все стадо портитъ“, какъ говоритъ народная мудрость.

Но наше матеріальное и нравственное благосостояніе есть не только результатъ наслѣдства отъ предковъ и помощи современниковъ, но и нашего труда—въ дѣлѣ борьбы съ внѣшней природой, другими людьми и собственной личностью,—съ искушеніями, похотью и страстями послѣдней. И мы трудимся, желая увеличить переданный намъ по наслѣдству и займу капиталъ; чрезъ это мы стремимся улучшить судьбу грядущихъ поколѣній, какъ минувшія поколѣнія работали для улучшения нашего. Но каждый изъ насъ очень скоро замѣчаетъ, что при отдѣльномъ трудѣ

онъ не можетъ далеко идти ни въ смыслѣ количества, ни въ смыслѣ качества результатовъ труда. Тогда возникаетъ раздѣленіе труда между людьми, обеспечивающее большую быстроту и совершенство работы; тогда же возникаютъ и трудовыя общества разнаго рода: религіозно-нравственныя (церковь), научныя, художественныя, промышленныя, торговыя и т. д. Всѣ они, создавая общественныя учрежденія для достиженія своихъ цѣлей (школы, фабрики, торговыя компаніи и т. д.), входятъ въ составъ государства, какъ его части. Отдѣльныя государства, въ свою очередь, заключаютъ союзы и разрѣшаютъ своимъ гражданамъ входить въ составъ международныхъ обществъ, преслѣдующихъ религіозно-нравственныя и культурныя задачи. Такъ возникли и существуютъ франко-русскій и тройственный союзы, всемірный почтовый союзъ, Вселенская Церковь, международное общество „Краснаго креста“, международное общество мира и т. п. Какъ государства составляютъ конференціи, такъ международныя общества составляютъ соборы (вселенскіе соборы), конгрессы и т. д. Такія коопераціи образуются съ цѣлю увеличить силы человѣка, слабого въ отдѣльности, силою другихъ людей, силою общества. Вѣдь въ отдѣльности всякое существо, въ томъ числѣ и человѣкъ, слабо и бессильно, но въ соединеніи съ другими, себѣ подобными, онъ можетъ представить внушительную силу. Какъ полчища саранчи, этого малаго насѣкомаго, останавливаютъ поѣзда, истребляютъ громадныя площади посѣвовъ, строятъ изъ своихъ труповъ мосты для переправы своихъ товарищей чрезъ большія рѣки и т. п.; какъ микроскопическіе полипы множествомъ своихъ скелетовъ составляютъ коралловые рифы и острова; такъ и люди, слабосильные въ отдѣльности, способны были создать и способны теперь поддерживать и достраивать необъятно-величественное и прекрасное зданіе, которое называется цивилизаціей. Словомъ,—на всѣхъ поприщахъ дѣятельности человѣкъ, предоставленный только самому себѣ, есть ничтожество, червь, а въ соединеніи съ другими—внушительная сила, царь природы. Сознаніе этого побуждаетъ къ совмѣстной дѣятельности, какъ наиболее выгодной и плодотворной.

Быть солидарнымъ съ другими не только благородно и выгодно, но и пріятно. Всякій по себѣ знаетъ, что совмѣ-

стная жизнь и дѣятельность пріятнѣе, чѣмъ одинокая жизнедѣятельность. „На людяхъ даже и смерть красна!“ Пріятность совмѣстной, солидарной жизнедѣятельности свойственна всего болѣе, конечно, великимъ міра сего—первымъ синцамъ въ міровой колесницѣ, но она же можетъ быть присуща и самымъ послѣднимъ. Многіе люди, изъ самыхъ послѣднихъ бѣдняковъ, чувствуютъ нѣчто вродѣ утонченнаго восторга отъ мысли, что пусть они слабы, некрасивы, не любимы и всѣми позабыты, а все таки и они являются нераздѣльной частичкой этого чуднаго міра, владѣютъ товарищескимъ паемъ въ радостяхъ молодежи, въ мудрости мыслителей, въ славѣ всѣхъ знаменитостей, и не совсѣмъ непричастны къ богатству милліонеровъ и могуществу своихъ великихъ государей. Развѣ нѣтъ высокой поэзіи въ сознаніи и чувствѣ, что во всякомъ нашемъ поступкѣ вмѣстѣ съ нами дѣйствуетъ не только все человѣчество, но и вся вселенная? Развѣ нѣтъ неизъяснимой прелести въ глубокомъ убѣжденіи, что всѣ предки наши—и знаменитые и незнаменитые—находятся въ общеніи съ нами и помогаютъ намъ такъ же, какъ намъ содѣйствуютъ всѣ современники? что во всѣхъ предметахъ, которыми мы пользуемся, скрывается какъ бы соединеніе энергіи всѣхъ? что въ самыхъ замѣчательныхъ открытіяхъ содержится также и частичка нашего ума? Когда, съ такимъ чувствомъ и сознаніемъ товарища и соработника, пристаешь ко всему человѣчеству въ его неустанной великой работѣ, впрягаешься въ міровую колесницу, то и самъ становишься гораздо больше, вырастаешь въ своихъ собственныхъ глазахъ, и жизнь получаетъ неимоверно высокую цѣну. Въ малой степени это испытываетъ каждый человѣкъ, когда расширяется сфера его общенія и дѣятельности: тогда чувствуешь себя и сильнѣе и радостнѣе. Стоитъ только припомнить, какъ радуется школьникъ, впервые надѣвшій гимназическій или студенческій мундиръ, пріобщающій его къ болѣе обширному цѣлому, чѣмъ семья и начальная школа. Стоитъ только припомнить, какъ радуется и возрастаетъ въ своихъ силахъ взрослый человѣкъ, когда расширяется его служебное поприще: и какъ печалится, опускается, теряетъ иногда всякій смыслъ въ жизни пенсионеръ, выходящій въ отставку. Онъ тогда изъ дѣятельной, подвижной единицы великаго цѣлага пре-

вращается въ обособленное, остановившееся въ своемъ развитіи существо, представляющее—физически 3—4 пуда всякой смѣси и психически—складъ воспоминаній о былыхъ годахъ. Мысль о возвышающемъ вліяніи солидарности хорошо выражена Карлейлемъ: „Тысячелѣтія должны были пройти, чтобы ты могъ родиться на свѣтъ, и теперь предъ тобой другія тысячелѣтія въ молчаливомъ ожиданіи, что ты съ этою твоею жизнію предпримешь, когда она, наконецъ, наступила“.

„Отнимите у человѣка эту міровую или общественную стоимость, лишите его сознанія, что онъ сотрудничаетъ со всѣмъ человѣчествомъ въ его широкой плодотворной работѣ,—и онъ сразу почувствуетъ свое собственное ничтожество, и жизнь его сдѣлается блѣдной, безцвѣтной и безвкусной“. Богъ превратится въ червя, микрокосмъ—въ улитку, которая, когда замкнется въ своей раковинѣ, даже не представляется живымъ существомъ.

„Только участіе въ общечеловѣческой работѣ заставляетъ человѣка позабыть о своей маленькой личности,—онъ чувствуетъ, что онъ представитель цѣлаго, что онъ—громкая сила. Что же удивительнаго въ томъ, что нѣкоторые люди за годъ, даже за какой-нибудь часъ такой жизни готовы принести въ жертву всю свою сѣрую безцвѣтную однообразную жизнь съ ея мелкими заботами о своей крошечной личности?“¹⁾ Отсюда выходитъ, что быть солидарнымъ съ людьми благородно, выгодно и даже восхитительно.

Самымъ лучшимъ символомъ солидарности человѣчества служить понятіе организма. Человѣчество есть организмъ, но только высшій, болѣе сложный и болѣе тонкій. Какъ организмъ состоитъ изъ отдѣльныхъ органовъ, каждый изъ которыхъ въ послѣднемъ счетѣ слагается изъ маленькихъ живыхъ клѣточекъ, такъ и человѣчество состоитъ изъ отдѣльныхъ государствъ и народностей, слагающихся въ концѣ концовъ изъ отдѣльныхъ индивидуумовъ. Какъ въ организмѣ, такъ и въ человѣчествѣ существуетъ раздѣленіе труда, взаимодѣйствіе отправленій и отсюда взаимная зависимость и связь между частями въ отношеніи другъ къ другу и въ отношеніи ихъ къ цѣлому. Какъ въ орга-

¹⁾ Вентцель. Мораль жизни и свободнаго идеала. Вопросы философіи и психологіи, кн. 9.

низмъ общее состояніе его отражается на состояніи и дѣятельности каждой клѣточки, а жизнедѣятельность каждой клѣточки влечетъ измѣненіе въ жизнедѣятельности всего организма, хотя и самое малое, такъ и каждый человекъ содѣйствуетъ своими поступками счастью или несчастью всѣхъ, какъ всѣ содѣйствуютъ счастью или несчастью каждаго человека. „Мы связаны другъ съ другомъ, какъ тѣ путешественники, которые поднимаются на снѣговую вершину горы, цѣпляясь другъ за друга, и ни одинъ изъ насъ не можетъ поскользнуться безъ того, чтобы его паденіе не распространилось и на другихъ, не уронило сразу на землю всей цѣпи людей“. (Гюйо).

Но не только все, происходящее въ человѣчествѣ, отражается на отдѣльномъ человекѣ, но и всякій нуждается, не можетъ жить безъ связи съ человѣчествомъ, безъ одолженія у него. Никто не можетъ похвалиться, что онъ сумѣетъ обойтись безъ людей. Какъ сказалъ еще Аристотель, если какой-либо человекъ не нуждается въ обществѣ людей, то онъ или скотъ или Богъ. При извѣстной чуткости можно считать себя отвѣтственнымъ въ той или другой степени за то великое и прекрасное, съ одной стороны, и низменное и безобразное,—съ другой, что происходитъ въ человѣчествѣ. Иногда дурной поступокъ, совершенный постороннимъ человекомъ, но въ нашемъ присутствіи, производитъ въ насъ внутреннія угрызенія, тоску, подобную раскаянію, даже и тогда, когда мы не могли помѣшать ему. Намъ кажется, что часть отвѣтственности за этотъ поступокъ падаетъ и на насъ и потому мы чувствуемъ себя приниженными въ собственныхъ глазахъ. Самыми сильными мотивами по человѣчеству служатъ аргументы, заимствованные изъ солидарности. Когда мы хотимъ себя оправдать въ извѣстномъ поступкѣ или расположить къ совершенію какого-нибудь поступка другого человека, то обычно говоримъ: „всѣ такъ дѣлаютъ, всѣ такъ чувствуютъ, всѣ такъ думаютъ“. Когда же мы хотимъ утѣшить себя или другого въ какомъ-либо несчастіи, то обычно говоримъ: „со всякимъ это случается, со всѣми такъ бываетъ“; „кто Богу не грѣшенъ, кто царю не виноватъ?“ Лучшимъ выраженіемъ идеи солидарности людей будетъ изреченіе: „*всѣ люди товарищи*“.

Идея общечеловѣческой солидарности впервые выска-

зана была тѣми же стойками, которые первыми провозгласили идею цѣнности человѣка и равенства людей. „Я—гражданинъ цѣлаго міра!“ говорилъ Цицеронъ. Маркъ Аврелій выразилъ эту мысль еще лучше: „О міръ! восклицалъ онъ: я люблю то, что любишь ты. Дай мнѣ, что хочешь; возьми у меня то, что тебѣ нужно. Все, что тебѣ годится, годится и мнѣ. Все исходитъ отъ тебя, все въ тебѣ заключается, все къ тебѣ возвращается“¹⁾).

Богооткровенная религія могла бы подписаться подъ этими словами язычника-императора, если бы слово міръ замѣнить словомъ—Богъ. Идея солидарности людей и общенія ихъ съ Богомъ, въ Богѣ и чрезъ Бога составляетъ зерно ея. Какъ кровь Адама передалась нашему тѣлу; какъ вмѣстѣ съ нею передался намъ и грѣхъ его, грѣхъ первородный,—такъ и любовь Новаго Адама—Христа сообщается сердцу христіанина; такъ и оправданіе Его вмѣняется послѣднему. Христосъ соединилъ небо съ землею, Божество и человѣчество, превративъ послѣднее въ семью, гдѣ Богъ-отецъ, люди—Его дѣти и братья Христу и другъ другу во Христѣ. Онъ основалъ на землѣ общество спасаемыхъ—Церковь святую, единую, соборную и вселенскую. Она есть тѣло Его, Онъ—глава, а вѣрующіе-члены тѣла. Въ церкви вѣрующіе объединяются въ вѣрѣ, молитвѣ и любви не только съ земными единовѣрцами, но и небожителями: Богомъ, въ Троицѣ славимымъ, ангелами, святыми и всѣми умершими. Молитва каждаго, доходя до Бога, дѣйствуетъ на живыхъ и умершихъ. Въ ней, а особенно въ таинствахъ, изъ которыхъ выше всего евхаристія, соединяющая насъ со Христомъ, мы получаемъ благодать Духа Святаго и съ нею всѣ силы, которыя намъ нужны для любовнаго служенія людямъ. Когда мы всѣ соединимся въ дѣятельной любви другъ съ другомъ, при помощи Божіей, тогда прейдутъ небо и земля, мы тѣснѣйшимъ образомъ соединимся съ Богомъ въ Его вѣчномъ царствѣ, и Богъ будетъ всяческая во всѣхъ. Какъ видно, чувство солидарности людей получаетъ въ христіанской религіи и высшее освѣщеніе и благодатную, неоскудѣвающую пищу для своего проявленія въ дѣятельности человѣка.

На основаніи сказаннаго о солидарности мы приходимъ къ такому опредѣленію чувства любви къ ближнимъ: *любовь*

¹⁾ Фуллье. Исторія философіи. Спб. 1901 стр. 112.

къ ближнимъ есть чувство солидарности съ людьми, выражающееся въ сознаниі неразрывной и многообразной связи съ ними, проявляющееся въ общеніи и сотрудничествѣ съ людьми, во взаимопомощи и благотворительности иль и доходящее иногда до порыва самопожертвованія.

Припоминая все сказанное о любви, рассматриваемой съ точки зрѣнія ея основаній, начала, сущности и высшаго проявленія, мы приходимъ къ такой схемѣ:

Любовь къ ближнимъ есть

I) въ своей основѣ чувство=а) цѣнности	b) равенства	с) солидарности людей.
II) по своему началу=вниманіе (или общему условію)	пониманіе	общеніе.
III) по своей сущности=восхищеніе, уваженіе и жалость, (на почвѣ симпатіи, т. е. объединеніе въ чувствахъ).	соединеніе въ мысляхъ (или единомысліе)	сотрудничество, взаимопомощь и благотворительность (объединеніе въ дѣятельности).
IV) по своему высшему проявленію порывъ=самозабвенія,	самоотреченія,	самопожертвованія.

Начинается любовь съ общенія, оно ведетъ къ пониманію и вниманію, вниманіе и пониманіе—къ единомыслію и симпатіи, единомысліе и симпатія—къ уваженію, восхищенію и жалости, а эти чувства ведутъ къ сотрудничеству, взаимопомощи, пожертвованіямъ и благотворительности, и завершается любовь самозабвеніемъ, самоотреченіемъ и самопожертвованіемъ. „Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя“ (Іоан. XV, 13).

IV.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ объ относительномъ значеніи вышеуказанныхъ трехъ основаній любви къ ближнимъ, о вытекающихъ изъ нихъ побужденіяхъ къ любви и характеристическихъ свойствахъ самой любви, покоящейся на томъ или иномъ основаніи.

Чувство цѣнности человѣческой личности есть высшее, самое чистое, но и всего болѣе затемняемое и помрачаемое основаніе нашей любви къ ближнимъ. Въ немъ беретъ свое начало и самое возвышенное побужденіе къ любви къ ближ-

нимъ: это—желаніе сохранять и умножать человѣческое совершенство въ мірѣ, распространять на землѣ царство Божіе, святить имя Божіе. Лучшее свое выраженіе это побужденіе находитъ въ словахъ Спасителя: *Будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ* (Мѡ. V, 48). Возникающая на такомъ основаніи и по такому побужденію любовь къ ближнимъ есть любовь *божественная*—возвышенное и безкорыстное чувство восхищенія и жалости къ человѣку, доходящее до самозабвенія, самоотреченія и самопожертвованія.

Чувство (или идея) равенства, или братства всѣхъ людей есть самое ясное и устойчивое, но въ то же время и менѣе другихъ дѣйственное (импульсивное) основаніе любви къ ближнимъ. Въ немъ беретъ свое начало очень слабое побужденіе къ любви: это—желаніе уравнивать людей въ условіяхъ ихъ жизнедѣятельности (не столько область нравственности, сколько права). Возникающая на такомъ основаніи и по такому побужденію любовь къ ближнимъ проявляется въ элементарной добродѣтели—справедливости, представляющей, по опредѣленію Аристотеля, правильную середину между прибылью и убыткомъ, между корыстью и безкорыстіемъ, Она побуждаетъ воздавать всѣмъ должное (*suum cuique*).

Чувство солидарности есть менѣе очевидное и устойчивое, чѣмъ идея равенства, по довольно сильное и смѣшанное по своему составу основаніе нашей любви къ ближнимъ. Въ немъ берутъ свое начало всего больше побужденій къ любви—и благородство (или чувство долга), и польза (утилитаризмъ), и пріятность (эвдемонизмъ). Возникающая на такомъ основаніи и по такимъ побужденіямъ любовь къ ближнимъ есть довольно сильное, но *человѣческое* чувство, въ которомъ, смотря по побужденіямъ и человѣку, смѣшано пріятное, полезное и должное, корыстное и безкорыстное—въ неодинаковыхъ пропорціяхъ. Такая любовь всего чаще встрѣчается среди людей, проявляясь въ сожительствѣ, сотрудничествѣ, взаимопомощи и благотворительности.

Не трудно видѣть, что въ любви по первому основанію (чувству цѣнности) преобладаетъ элементъ чувства, по второму (идеѣ равенства)—ума и по третьему (чувству солидарности)—элементъ воли. Восхищаться и жалѣть—это прежде всего чувствовать, волноваться, любить сердцемъ. Быть справедливымъ—это значитъ освѣтить и охладить чувство

умомъ; по существу своему справедливость есть любовь, соединенная съ мудростью (опредѣленіе Лейбница) и охлажденная ею. Сожительство, сотрудничество, взаимопомощь и благотворительность есть, прежде всего, дѣятельность, проявленіе воли.

Отсюда любовь должна измѣняться въ зависимости отъ характера любящаго человѣка: у человѣка съ интеллектуальнымъ характеромъ она приметъ главнымъ образомъ видъ справедливости: у человѣка съ эмоціональнымъ характеромъ—она прежде всего выльется въ восхищеніи и жалости: у человѣка же съ активнымъ характеромъ—она выразится болѣе всего въ сотрудничествѣ, взаимопомощи и благотворительности. Но идеальнымъ характеромъ признается гармоническій характеръ, при которомъ душевныя способности развиты болѣе или менѣе одинаково и равномерно. Вотъ почему и идеальная, полная, цѣлостная и законченная любовь должна быть восхищеніемъ, уваженіемъ и жалостію и проявляться въ мудрой справедливости и взаимопомощи и благотворительности. Любовь, состоящая изъ одного восхищенія и жалости, безъ мудрой справедливости и благотворительности, называется сантиментальною любовію; мудрая справедливость—безъ восхищенія и жалости будетъ холодна, а безъ благотворительности—безплодна: благотворительность безъ восхищенія и жалости—будетъ оскорбительна, обидна, а безъ справедливости—малополезна. Какъ въ каждомъ психическомъ актѣ дѣйствуютъ совмѣстно и одновременно всѣ способности человѣческаго духа, такъ и въ каждомъ актѣ любви къ ближнимъ должны быть на лицо всѣ стороны этого сложнаго чувства. Нужно не только всѣхъ и каждого уважать, ко всѣмъ и каждому быть справедливымъ, всѣмъ и каждому благотворить, но даже всѣмъ и каждымъ восхищаться (или по крайней мѣрѣ—цѣнить), всѣхъ и каждого жалѣть. Одно восхищеніе человѣкомъ, безъ чувства жалости къ нему и безъ жертвы въ пользу его, будетъ эгоистическимъ обожаніемъ, очень непрочнымъ и вреднымъ для обожателя и обожяемаго: послѣдняго оно можетъ замучить постоянно возрастающими требованіями и преувеличенными ожиданіями. Одна жалость къ человѣку, безъ чувства цѣнности его, хотя бы и съ пожертвованіемъ въ пользу его, будетъ обидной, оскорбительной подачкой, при-

личествующей въ отношеніи къ животному, но не умѣстной въ отношеніи къ человѣку. Во всѣхъ проявленіяхъ любви къ ближнему непременно въ основѣ должно лежать чувство цѣнности человеческой личности. Это самый важный элементъ чувства любви. *Любовь къ близкимъ есть чувство цѣнности человеческой личности, переносимое человекомъ съ самого себя на другихъ людей на основаніи сходства и связи его съ ними* (начала сходства и смежности ¹⁾). Чувство цѣн-

¹⁾ Многие мыслители видятъ сущность любви въ симпатіи. „Любовь есть, говорятъ они, чувство симпатическое, любовь есть симпатія“. Мы не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Слово „симпатія“ употребляется въ нѣсколькихъ смыслахъ. Въ самомъ обычномъ подѣ симпатіей разумѣютъ влеченіе, расположеніе одного человѣка къ другому, возникающее по большей части невольно и безсознательно, съ перваго, какъ говорится, взгляда. Симпатіи тогда противоплагается антипатія. Такой именно смыслъ вкладываютъ въ слово „симпатія“, когда говорятъ: „онъ—человѣкъ симпатичный“, т. е. располагающій къ любви къ себѣ; „такой-то чувствуетъ симпатію (т. е. любовь) къ такому-то“. Въ этихъ фразахъ слово „симпатія“ служитъ другимъ обозначеніемъ того явленія, которое иначе называется любовью. Опредѣлять любовь, какъ симпатію, слѣд., нельзя, потому что въ такомъ опредѣленіи заключается логическая ошибка → кругъ въ опредѣленіи: любовь есть симпатія, а симпатія есть любовь.

Въ другомъ, болѣе точномъ смыслѣ подѣ симпатіей разумѣется сочувствіе, проявляемое однимъ человѣкомъ къ другому въ видѣ сорадованія и состраданія. На такой именно позиціи основываются слѣдующія опредѣленія любви: любовь есть удовольствіе отъ счастья другихъ (Лейбницъ); любовь есть состраданіе (Шопенгауэръ); любовь есть укоренившаяся, ставшая постоянной жалость, или состраданіе (В. Соловьевъ); любить другихъ значитъ радоваться съ радующимися и страдать съ страдающими (болѣе полное, чѣмъ предыдущія, опредѣленіе). Въ этихъ опредѣленіяхъ не будетъ логическаго круга, но за то есть другія погрѣшности: опредѣленія Лейбница, Шопенгауэра и Соловьева не обнимаютъ всѣхъ видовъ любви (напр., любви къ Богу, Которому нельзя сострадать) и всѣхъ случаевъ любви къ ближнимъ, а, во 2-хъ, всѣ приведенныя опредѣленія неправильно понимаютъ слово „симпатія“. Въ нихъ подѣ симпатіей разумѣется сочувствіе радости и страданію другихъ людей, но психологія учитъ, что сочувствіе не ограничивается чувствами радости и страданія. Оно имѣетъ отношеніе ко всѣмъ чувствамъ; всякое чувство одного можетъ по симпатіи передаваться другому. Симпатія, въ научномъ смыслѣ этого слова, есть передача (переживаніе, зараженіе) чувствованій отъ одного человѣка къ другому. Отожествлять чувство любви къ ближнимъ съ симпатіей въ этомъ смыслѣ слова

ности, смотря по субъекту и объекту, принимаетъ то видъ восхищенія, то жалости: послѣднія чувства смѣняются другъ друга, смотря по тому, на что мы обратимъ вниманіе въ любимомъ человѣкѣ: созерцаніе великаго, возвышеннаго, крупныхъ достоинствъ данной личности вызываетъ чувство восхищенія, а усмотрѣніе, при этомъ или за этимъ, слабостей человѣческой природы вызываетъ чувство жалости. Такъ какъ въ каждомъ человѣкѣ было, есть и будетъ что-нибудь цѣнное, хорошее или въ прошедшемъ, или въ настоящемъ, или въ будущемъ, такъ какъ, съ другой стороны, на ряду съ достоинствами, нельзя не видѣть слабостей и

нельзя, потому что нельзя поставить знака равенства между понятіями—любить и симпатизировать (сочувствовать). Правда, всего чаще и легче вызываются и повторяются въ насъ, по закону симпатіи, чувства любимыхъ нами людей, но нельзя сказать, чтобы любовь и симпатія были взаимно замѣнимыми понятіями. Нельзя любить и не сострадать любимому человѣку, отчего бы ни происходили его страданія, но можно и должно не сорадоваться любимому лицу при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ. Истинно и разумно любящая мать не будетъ раздѣлять радости своего сына, если эта радость будетъ достигнута и вызвана его недостойнымъ поведеніемъ: она не позволитъ себѣ и не будетъ раздѣлять сладостнаго для него чувства мести, преступной любви, гнѣва, злорадства и всякой другой грѣховной и преступной радости. Недостойная радость сына заставитъ не радоваться, а страдать истинно любящую мать. Если не всегда любовь соединяется съ сорадованіемъ, то еще чаще симпатія бываетъ безъ любви. Почти всѣ сочувствуютъ тяжкимъ страданіямъ другихъ людей, но весьма немногіе любятъ всѣхъ тяжело страдающихъ. Большинство людей при видѣ страданій спѣшатъ удалиться, чтобы избавить себя отъ страданій, вызываемыхъ по симпатіи. Въ этихъ случаяхъ симпатія не только не вызываетъ любви, а исключаетъ ее. Бываютъ случаи, когда симпатія имѣетъ мѣсто въ отношеніи къ ненавистному лицу, и слѣд., уживается съ ненавистью. Присутствуя при страданіяхъ врага, мы симпатически переживаемъ его мучительныя чувства. Можно заражаться чувствомъ жертвы, которую самъ же мучаешь; можно, при гладіаторскихъ бояхъ, попеременно заражаться чувствомъ обоихъ противниковъ, нападающихъ другъ на друга. Направленіе симпатіи часто здѣсь зависитъ отъ силы впечатлѣнія, отъ минутнаго настроенія и другихъ случайныхъ обстоятельствъ. Симпатія, слѣд., сама по себѣ не только не есть любовь, но и не можетъ породить любви. Она есть законъ чувствованій, равнодушный къ содержанію ихъ; средство общенія между людьми, которымъ можетъ пользоваться и себялюбецъ и любящій ближнихъ своихъ.

недостатковъ, то собственно нельзя ни восхищаться только человекомъ, ни жалѣть его, а нужно и естественно всегда уважать, однимъ восхищаться въ немъ, за другое—жалѣть его. Чистое, безпримѣсное восхищеніе приличествуетъ единому Богу, ибо только Онъ есть всесовершенное существо.

Соединеніе восхищенія и жалости въ одномъ чувствѣ составляетъ волненіе нѣжности ¹⁾. Оно довольно трудно поддается анализу, но всякому извѣстно, ибо каждый человекъ не разъ переживаетъ его. По опредѣленію психолога Снегирева, „волненіе нѣжности есть особаго рода удовольствіе, связанное съ пониженіемъ духовной и физической жизнедѣятельности, не ниже, однако, средняго уровня“... Такое пониженіе благоприятствуетъ всего болѣе ровному и гармоническому теченію внутренней жизни, при которомъ ослабляется сознаніе собственной личности и интересовъ и сосредоточивается вниманіе только на самомъ волненіи и его предметѣ. Волненіе отъ этого увеличивается, усиливая тѣмъ явленіе самозабвенія. „Требую для своего возникновенія и поддержанія очень малой траты силъ, оно отличается необыкновенной тонкостію и подвижностью. Какъ таковое, оно способно возникать и развиваться подъ вліяніемъ самыхъ неуловимыхъ и слабыхъ возбужденій, по самымъ ничтожнымъ поводамъ и потому сочетается (ассоціируется) со множествомъ предметовъ и представленій, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ предмету нѣжности. Нѣжное волненіе дѣлаетъ въ высокой степени цѣннымъ предметъ свой и легко вызываетъ дѣятельности, направленныя къ его сохраненію и улучшенію. Въ то же время оно дѣлаетъ человека въ высшей степени чувствительнымъ ко всякимъ измѣненіямъ въ его объектѣ, вызывая симпатическія волненія, заставляя пренебрегать своими собственными интересами, чему способствуетъ ослабленіе сознанія личности. Вызываясь легко и возникая часто, оно дѣлается постоянно присутствующимъ въ сознаніи, растетъ и крѣпнетъ, производя то радостно-блаженное состояніе, которое испытываютъ любящіе ²⁾).

Нѣжное чувство, свойственное въ самомъ чистомъ видѣ матери, въ не менѣе сильной степени—всякому влюблен-

¹⁾ Въ нѣжности видятъ сущность любви Бэнъ, Рибо, Снегиревъ и др.

²⁾ Снегиревъ. Психологія. Харьковъ. 1893, стр. 475—480.

ному, хорошо выражено въ словахъ Макара Ивановича, одного изъ героевъ Достоевскаго. „Красота вездѣ неизреченная. Травка растеть,—расти, травка Божія: птичка поеть,—пой, птичка Божія; ребеночекъ у женщины на рукахъ пискнулъ,—Господь съ тобой, маленькій человекъ, расти на счастье, младенчикъ!.. Хорошо на свѣтъ, милый“.

Волненіе нѣжности и есть самая существенная и основная черта любви. Есть нѣжность въ сердцѣ къ человеку—будеть и единомысліе, и сочувствіе, и содѣйствіе ему; будетъ и симпатія и жертва; возможно и самозабвеніе, и самоотреченіе, и самопожертвованіе. Нѣтъ нѣжности, не будетъ и любви, хотя бы было на лицо и единомысліе, и симпатія, и содѣйствіе, отреченіе отъ собственности и даже самосожженіе. Прекрасно выразилъ это Ап. Павелъ. *„Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая, или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества, и знаю все тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, —то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ никакой пользы“* (1 Кор. 13, 1—3). Какъ видно изъ этихъ словъ, а также и изъ дальнѣйшей характеристики любви, Апостоль языкъ разумѣлъ подъ любовію именно чувство нѣжности.

Отсюда мы получаемъ такое опредѣленіе чувства любви къ ближнимъ: она есть нѣжное волненіе къ человеку, сопровождающееся сочувствіемъ (или симпатіей) и содѣйствіемъ ему въ достиженіи имъ его назначенія и доходящее до самоубвенія, самоотреченія и самопожертвованія.

Если кратко обобщить все сказанное объ основахъ любви къ ближнимъ, то ихъ можно обозначить слѣдующимъ образомъ: мы должны любить всехъ людей, потому что все люди—люди, все—товарищи, все—братья наши, все—дѣти Божіи. Признаніе людей дѣтьми Божіими есть самое высшее и прочное основаніе любви нашей къ ближнимъ, но оно не уничтожаетъ, а только возвышаетъ и усиливаетъ другія основанія—идею братства, товарищества и человечности—подобно тому, какъ высшій видъ любви не уничтожаетъ низшаго, но предполагаетъ его, какъ необходимую опору для себя. Кто любитъ жизнь, тотъ можетъ все полю-

бить; кто же не любить жизни, тотъ ничего и никого любить не станетъ. Кто любить Бога, тотъ не только любить все и всѣхъ, но и любить совершеннѣйшимъ образомъ: больше ему некого и нечего любить, и сильнѣе, лучше любить нельзя. Истинная, отъ всего сердца и всею душою любовь къ Богу, есть предѣльная точка въ развитіи любви— и въ смыслѣ широты, и въ смыслѣ силы, и въ смыслѣ глубины, и въ смыслѣ высоты ея.

Любовь ко всему и всѣмъ можетъ быть эгоистической, альтруистической и религіозной. Эгоистъ любить не только жизнь и себя, но и можетъ любить и любить и другихъ людей, и Бога, но онъ все и всѣхъ любить эгоистически, т. е. для себя лично, какъ средства и условія своего исключительно счастья. Онъ, поставляя себя въ центрѣ того круга, который чертитъ около личности умъ человѣка, все остальное—и людей и Бога помѣщаетъ на окружности. Эгоистъ обоготворяетъ себя. „Я самъ существую и дѣйствую для себя, а все остальное существуетъ для меня: все существуетъ, чтобы вращаться около моей личности, наполнять ее содержаніемъ и давать условія счастья. Все мое и для меня, я же самъ ни для кого, а для себя“. Довольно типичнымъ эгоистомъ въ жизни былъ блистательный Людовикъ XV, который сказалъ: „Государство—это я!“. Его преемники тотчасъ же сдѣлали и выводъ отсюда: „Послѣ насъ хоть потопъ!“ Самымъ же послѣдовательнымъ эгоистомъ въ теоріи хотѣлъ быть Максъ Штирнеръ, который придалъ своему сочиненію типичное для эгоизма заглавіе: „Единственный и его собственность“, одинъ я и все мое!

Альтруистъ любить (или точнѣе: хотѣлъ бы любить) другихъ людей и себя для нихъ. Онъ въ центрѣ круга своего сознанія поставляетъ уже не себя и не какого-либо отдѣльнаго человѣка, а все человѣчество, идеалъ человѣка. Альтруисты называютъ человѣчество „коллективнымъ существомъ“, „великимъ существомъ“ (выраженія Конта), самимъ богомъ, божествомъ. Какъ эгоистъ обоготворяетъ себя, такъ альтруистъ обоготворяетъ человѣчество. Вмѣсто богооткровенной религіи съ поклоненіемъ и высшею любовію къ Истинному Богу, они создаютъ свою человѣческую религію, съ поклоненіемъ генію человѣческому и съ заповѣдью о любви только къ человѣку. Вмѣсто прежняго: „человѣкъ

для человѣка есть нѣчто священное“, „человѣкъ есть образъ, подобіе и сынъ Бога“, они провозглашаютъ: „человѣкъ человѣку богъ“ (выраженіе Фейербаха). Въмѣсто святыхъ, коимъ христіане посвящаютъ дни недѣли и числа мѣсяцевъ, они размѣщаютъ, также по числамъ и мѣсяцамъ, имена Колумба, Галилея, Уатта, Лейбница, Юма, Людовика XI, Ришелье, Кромвеля, Лавуазье и т. д. (Контъ). На мѣсто таинствъ и обрядовъ христіанской религіи, они пытались создать новыя обрядности, рассчитывая найти нѣчто равносильное даже священнѣйшему символу нашего спасенія—Кресту Христову (Контъ). Но отъ грандіозныхъ замысловъ получились ничтожные результаты: гора родила мышь. Христіанская божественная литургія служится въ храмахъ по прежнему. Не привилась человѣческая религія, вышедшая изъ холоднаго и ограниченнаго ума человѣка; не осуществилась и не осуществляется и заповѣдь о любви одного бога къ другому богу. Восхищаться и даже уважать всегда такого бога нельзя, потому что онъ далеко не всегда имѣетъ что-либо, достойное восхищенія и уваженія; жалѣть же и благотворить богу какъ-то неестественно: какой же онъ богъ послѣ этого?! Да и разумъ мой можетъ признать мысль о томъ, что всякій, даже глубокопадшій человѣкъ есть образъ Божій, сынъ Бога, но онъ не можетъ принять той мысли, что человѣкъ есть всесовершенное существо, или Богъ, хотя бы онъ и былъ гениемъ среди гениевъ.

Альтруистическая любовь не выпесла и не можетъ вынести самаго важнаго испытанія—испытанія жизнию. Пока дѣйствительные люди подходятъ подъ идею человѣкобога, т. е. имѣютъ и обнаруживаютъ крупныя достоинства человѣческой природы, до тѣхъ поръ альтруистъ и любитъ ихъ; если же они не воплощаютъ, а извращаютъ идею человѣкобога, то онъ не находитъ силъ служить имъ, не находитъ возможности жалѣть ихъ. Идея человѣкобога, какъ бы ни была ярка и возвышенна и какъ бы часто и полно ни воплощалась въ великихъ людяхъ прошлаго и настоящаго времени, не можетъ дать силъ для любовнаго служенія каждому человѣку, каковъ бы онъ ни былъ. Вѣдь идея сама питается дѣйствительностію, которая не только малокультурнымъ, но и высокообразованнымъ людямъ не такъ

же-ли часто показываетъ слабость и грѣховность человѣка, какъ и величіе и добродѣтельность его?

Доказательства безсильности одной идеи человѣка— мудреца для поддержанія чувства любви къ ближнимъ мы находимъ прежде всего въ ученіи и поведеніи стоиковъ. Они, какъ нами было указано, постигли идею цѣнности, братства и солидарности людей, но настоящей, сердечной, животельной любви къ человѣку они не имѣли. Они даже не понимали ея, видя въ ней проявленіе слабости человѣческаго духа, который долженъ бы быть, по ихъ понятію, невозмутимъ и твердъ всегда и вездѣ. Ихъ отношеніе къ человѣку было спокойно-равнодушнымъ покровительствомъ, безъ примѣси любви восторженной, жалостливой и самоотверженной, но съ большой дозой гордости. То же нужно сказать и о новѣйшихъ альтруистахъ: Контѣ, Шопенгауэрѣ, Гартманѣ и нашемъ соотечественникѣ Л. Н. Толстомъ. У нихъ не было и нѣтъ сердечной, теплой и животельной любви, а если и есть, то какая-то головная, разсудочная, холодная и горделивая. Ихъ любовь къ людямъ не любовь брата или товарища, какъ равнаго къ равному, тѣмъ болѣе не восторженная и нѣжная любовь матери, а скорѣе покровительственно-холодноватое чувство очень авторитетнаго отца къ слабому сыну, высшаго къ низшему. Не даромъ альтруистъ Шопенгауэръ сводилъ всю нравственность, всю любовь къ одному состраданію. Думая о людяхъ—этихъ морально и интеллектуально жалкихъ „двуногихъ“ существахъ, онъ не могъ ни на одну минуту позабыть о невѣроятной мелочности ихъ образа мышленія, чрезвычайной тупости ихъ разсудка, безграничномъ эгоизмѣ ихъ душевнокъ и происходящихъ отсюда несправедливости, злобѣ и жестокости. Уже на 30 году своей жизни онъ не считалъ другихъ людей равными себѣ существами. Высокой чести—равенства съ собою, онъ удостоивалъ только троихъ своихъ современниковъ—Гете, Фернова и Фр. Вольфа. Съ ними и можно и нужно вести себя по человѣчески, а со всѣми другими нужно держать себя такъ, какъ браминъ держитъ себя среди судръ и парій ¹⁾. Л. Н. Толстой не дошелъ до этого, но и у него звучитъ нотка горделиваго отношенія къ

¹⁾ Мартенсенъ. Христіанское ученіе о нравственности. Т. 2. Спб. 1890, стр. 207—208.

людямъ. Не даромъ онъ съ такимъ мастерствомъ и даже не безъ отгѣнка злорадства находить вездѣ и во всемъ слѣды людской пошлости и испорченности, видитъ прежде всего злоупотребленія во всемъ человѣческомъ: и въ Церкви, и въ государствѣ, и научныхъ обществахъ, и въ семьѣ, и въ любомъ человѣческомъ учрежденіи и обществѣ. Нахожденіе злоупотребленій не питаетъ-ли его гордости и не оправдываетъ-ли холодности его сердца? Не подкапывается-ли онъ своей беспощадной критикой существующаго подъ первое основаніе любви къ ближнему—идею цѣнности человѣка? Можно-ли, въ самомъ дѣлѣ, признать цѣннымъ человѣка вообще, когда онъ въ большинствѣ своихъ представителей создалъ и поддерживаетъ такія возмутительно цѣлѣныя и страшно безнравственныя, по мнѣнію гр. Толстого, учрежденія?! Не подкапывается-ли онъ и подъ второе по силѣ основаніе любви къ ближнимъ—идею солидарности? Онъ достаточно богатъ, чтобы не жалѣть своего для другихъ, но и очень гордъ, чтобы брать что-либо отъ трудовъ своихъ меньшихъ собратій и товарищей. Такъ, онъ хотѣлъ бы и пробовалъ самъ пахать, и воду возить, и дрова рубить, и сапоги шить,—онъ хотѣлъ бы обойтись безъ одолженія и помощи отъ братьевъ и товарищей своихъ. Но тотъ, кто не хочетъ принять подарка отъ брата и услуги и одолженія отъ товарища, когда они предлагаются сердечно и радушно (а любящему всегда такъ предлагаютъ), не нарушаетъ-ли закона любви, какъ и тотъ, кто не хочетъ дарить, служить и одождать? Конечно, трудно великому человѣку любить сѣренькихъ и маленькихъ людей, какъ трудно богатому войти въ царство небесное. Какъ богатому для того, чтобы оказаться въ царствѣ небесномъ, нужно раздавать и раздать все имѣніе свое, такъ первому, чтобы полюбить меньшихъ братій своихъ, не достаточно раздавать имъ свое духовное богатство, но нужно еще признать, что оно есть даръ Божій, не въ фигуральномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова, т. е. нужно смириться предъ Господомъ. Конечно, и въ альтруистической любви есть элементъ блага, но ей всегда грозитъ опасность или разбиться, при столкновеніи съ не божественною сущностію человѣка, или выродиться въ горделиво-покровительственное и пренебрежительное отношеніе къ людямъ. Въ каждый моментъ она находится на границѣ

добра и зла и ежеминутно можетъ упасть и пропасть, ибо покоится не на реальной почвѣ, а на воздухѣ ¹⁾).

Не такова христіанская религіозная любовь. Она, поставляя въ центрѣ Бога-Отца всѣхъ людей и окружая себя братьями по вѣрѣ (въ Церкви) и товарищами по жизни, въ этомъ общеніи съ Богомъ—Отцомъ и матерію—Церковію находитъ, какъ мы видѣли, въ каждый данный моментъ и высшія основанія для любви къ ближнимъ, и непрестанное

¹⁾ Альтруистическими тенденціями проникнуты и сочиненія современныхъ намъ поэтовъ. Возьмемъ одинъ изъ самыхъ типичныхъ въ этомъ отношеніи отрывковъ изъ „Поединка“ Куприца и разберемъ его.—„Посмотрите, нѣтъ, посмотрите только, какъ прекрасна, какъ обольстительна жизнь! О радость, о божественная красота жизни! Смотрите: голубое небо, вечернее солнце, тихая вода—вѣдь прожишь отъ восторга, когда на нихъ смотришь—вонъ тамъ, далеко, вѣтряныя мельницы машутъ крыльями, зеленая, кроткая травка, вода у берега—розовая—розовая отъ заката. Ахъ, какъ все чудесно, какъ все нѣжно и счастливо! Нѣтъ, если я попаду подъ поѣздъ и мнѣ перерѣжутъ животъ и мои внутренности смѣшаются съ пескомъ и наматываются на колеса, и если въ этотъ послѣдній мигъ меня спросятъ: „Ну что, и теперь жизнь прекрасна?“ Я скажу съ благодарнымъ восторгомъ: „Ахъ, какъ она прекрасна!“ Далѣе онъ пишетъ: „До этой поры старые вороны и галки вбивали въ насъ съ самой школьной скамьи: люби ближняго, какъ самого себя, и знай, что кротость, послушаніе и трепетъ есть первая достоинства человѣка. Болѣе честные, болѣе сильные, болѣе хищные говорили намъ: возьмемся объ руку, пойдемъ и погибнемъ, но будущимъ поколѣніямъ приготовимъ свѣтлую и легкую жизнь. Но я никогда не понималъ этого. Кто мнѣ докажетъ съ ясной убѣдительностію,—чѣмъ я связанъ съ этимъ—чортъ бы его побралъ!—моимъ ближнимъ, съ подлымъ рабомъ, съ готтентотомъ, съ татаринномъ, съ зараженнымъ, съ идиотомъ? О, изъ всѣхъ легендъ я больше всего ненавижу—легенду о Юліанѣ Милостивомъ... Ухъ, ненавижу! ненавижу прокаженныхъ и не терплю ближнихъ!“

„И вотъ говорю я, любовь къ человѣчеству выгорѣла и вычидилась изъ человѣческихъ сердець. На смѣну ей идетъ новая, божественная вѣра, которая пребудетъ безсмертной до конца міра. Это любовь къ себѣ, къ своему прекрасному тѣлу, къ своему всеильному уму, къ безконечному богатству своихъ чувствъ. Кто вамъ дороже и ближе себя? Никто. Вы—царь міра, его гордость и украшеніе. Вы—богъ всего живущаго“...—„Настанетъ время—и великая вѣра въ свое я осѣнитъ, какъ огненные языки Св. Духа, головы всѣхъ людей, о, тогда уже не будетъ ни господъ, ни рабовъ, ни калѣкъ, ни жалости, ни пороковъ, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станутъ богами. И подумайте, какъ осмѣлюсь я тогда оскорбить, толкнуть; обмануть человѣка, въ которомъ я чувствую равнаго себѣ, свѣтлаго бога?“

возбужденіе къ ея зарожденію въ сердцѣ, и величайшіе примѣры для подражанія, и нѣжную духовно-любовную атмосферу (Церковь), и необходимыя силы (благодать Духа Св. и помощь собратій и сотоварищей) для дѣятельной любви, и могучее побужденіе къ ней—въ тѣснѣйшемъ церковномъ общеніи и блаженномъ соединеніи съ Богомъ въ Его вѣчномъ царствіи.

Мы привели эти выдержки, чтобы показать, какой сумбуръ царитъ въ головѣ и сердцѣ современнаго язычника. Онъ и жизнь прекрасной находитъ, и громогласно возглашаетъ о ненависти къ ближнимъ, и провозглашаетъ культъ тѣла прекраснаго и своего собственнаго я, и выражаетъ надежду, что всѣ люди станутъ богами, и увѣренность свою, что онъ такихъ боговъ не осмѣлится ни оскорбить, ни толкнуть, ни обмануть. Заканчивается все любовію одного бога къ другимъ богамъ, т. е. любовію альтруистической. Но сколько здѣсь противорѣчій и несообразностей! Какъ я могу съ благодарнымъ восторгомъ находить земную жизнь саму по себѣ прекрасной, когда она толкнула меня подъ поѣздъ, перерѣзавшій мнѣ животъ и намотавшій мои внутренности на колеса вагоновъ?! Какъ я могу любить и восхищаться этою жизнію, землею и въ то же время ненавидѣть и не переносить человѣка, ближняго, котораго вездѣ, на каждомъ шагу встрѣчаешь и котораго ни въ коемъ случаѣ не сбросишь съ земного шара?! Какъ совмѣстить,—мое непониманіе связи моей съ готтентотомъ, рабомъ, татаринномъ, зараженнымъ—съ моей твердой вѣрой въ то, что я и всѣ другіе люди сдѣлаемся свѣтлыми богами?! Гдѣ основанія той вѣры, что человѣческое тѣло, скверное у прокаженныхъ и зараженныхъ, будетъ и пребудетъ прекраснымъ у меня? что человѣческій умъ, отсутствующій у идіота, останется навсегда всесильнымъ у меня? что рабы, калѣки, порочные, злые, завистливые люди, которыхъ я терпѣть не могу, станутъ свѣтлыми богами? На чемъ основана моя увѣренность въ томъ, что я, ставши свѣтлымъ богомъ, полюблю другихъ, равныхъ мнѣ, свѣтлыхъ боговъ, когда я, человѣкъ, не могу понять и любить теперь такихъ же людей, какъ и я? Какъ совмѣстить эгоизмъ бога съ любовію неэгоистическою къ другимъ богамъ?!

Словомъ, въ приведенныхъ отрывкахъ изъ „Поединка“ Куприна масса противорѣчій, психологическихъ несообразностей, нѣтъ ни логики, ни разума, но много наиграннаго чувства и весьма много ненаиграннаго эгоизма—чудовишнаго эгоизма червяка, возмнившего себя свѣтлымъ богомъ. Чего можно ожидать отъ альтруизма такихъ свѣтлыхъ боговъ? Не похожа-ли ихъ любовь въ будущемъ на обѣщаніе лѣниваго школьника—сегодня погулять, а „завтра“ потрудиться; на обѣты эгоистическаго сердца упрекающей совѣсти—сегодня, въ послѣдній разъ поненавидѣть людей, а съ завтрашняго дня полюбить ихъ? Не лежитъ-ли въ основѣ ихъ разсужденій такое

Въ заключеніе скажемъ, что любовь есть не только законъ Бога и человѣческаго сердца, но и законъ всей живой и даже мертвой природы, законъ всего сушаго. Мы не будемъ указывать на проявленія любви у животныхъ. Они каждому извѣстны. Укажемъ только на то, что одно изъ животныхъ—собака привязывается, любить человѣка больше, чѣмъ подобныхъ себѣ. Она жертвуетъ жизнью за него, защищая его не только отъ волковъ и другихъ хищныхъ животныхъ, но и отъ другихъ собакъ. Не даромъ ее считаютъ однимъ изъ самыхъ умныхъ животныхъ и называютъ „другомъ человѣка“.

Самымъ общимъ закономъ міровой жизни является законъ всемірнаго тяготѣнія. Наука говоритъ намъ, что каждая частица матеріи притягивается всякой другой прямо пропорціонально массѣ и обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія. Такое притяженіе существуетъ во всѣхъ тѣлахъ, во всѣхъ ихъ положеніяхъ, передается чрезъ всякое вещество и сказывается на всякомъ разстояніи. Когда оно проявляется между свѣтилами небесными, его называютъ всемірнымъ тяготѣніемъ; когда же оно появляется на поверхности земнаго шара, его называютъ тяжестью ¹⁾. И этотъ всеобщій законъ не представляетъ-ли собою высшаго подобія съ закономъ человѣческой любви, которая, какъ мы видѣли, всего естественнѣе возникаетъ и развивается прямо пропорціонально совершенству любимаго существа и обратно пропорціонально различію и разстоянію между любящимъ и любимымъ? Съ этой самой общей точки зрѣнія любовь можно назвать *тяготѣніемъ* одного существа къ другому.

Какъ въ солнечной системѣ все тяготѣетъ къ солнцу, такъ и во вселенной все и особенно человѣкъ тяготѣетъ къ

умозаключеніе: пока я человѣкъ и другіе люди—только люди, я не хочу любить ихъ; но когда, въ будущемъ, я и они станемъ свѣтлыми богами, тогда я не буду имѣть возможности и смѣлости не любить ихъ; но такъ какъ человѣкъ никогда не сдѣлается богомъ, то, значить, мпѣ и не по силамъ и не за что любить другихъ,—буду жить на прекрасной землѣ, въ своемъ прекрасномъ тѣлѣ, для своего прекраснаго, неизреченнаго, всеильнаго и безконечнаго „я“. Не ясно-ли, какъ иногда изъ свѣтлыхъ порывовъ альтруизма выглядываетъ чудовищно-мрачный эгоизмъ?

¹⁾ Дьяченко. Уроки и примѣры христ. любви. М. 1894, стр. 47.

Солнцу правды—Христу и Богу. Богъ есть любовь, религія собственно есть любовь Бога къ человѣку и человѣка къ Богу, т. е. взаимная любовь между Богомъ и человѣкомъ съ цѣлію превратить человѣка—образъ Божій—въ подобіе Божіе, т. е. въ любовь. Такъ любовь была первымъ словомъ Бога, она же будетъ и послѣднимъ словомъ богопросвѣщеннаго человѣка—совершенно такъ же, какъ слово „мама“ бываетъ часто первымъ и послѣднимъ словомъ естественнаго человѣка. И это не случайное подобіе: мать первая открываетъ человѣку тайнство любви человѣка къ человѣку, она же чаще всего и научаетъ его любить и Непостижимаго Бога.

В. Тихомировъ.

Наука и Апологетика

А. Лаппарана.

Переводъ Н. П. Цвѣтковой съ предисловіемъ и подъ редакціею
проф. С. С. Глаголева.

(Продолженіе *).

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Эволюція научныхъ доктринъ.

§ 1.—Общій взглядъ.—Точныя науки.

На предыдущихъ страницахъ мы старались освѣтить великія идеи, естественно вытекающія изъ научнаго изслѣдованія, если не запрещается итти далѣе практическаго значенія полученныхъ результатовъ. Но противъ этихъ широкихъ идей, что слишкомъ хорошо извѣстно, часто поднимаются мятежные умы, которые считаютъ подобныя построенія пустыми и видятъ въ нихъ только вліяніе атавистическихъ предразсудковъ, поддерживаемыхъ дурнымъ умственнымъ воспитаніемъ:

Если это систематическое непризнаваніе всего того, что неосязуемо непосредственно, будетъ прилагаться ко всѣмъ предметамъ, способнымъ заинтересовать человѣческой умъ, намъ остается лишь искренно пожалѣть тѣхъ, которые находятъ лучшимъ загасить всякій свѣточъ, способный освѣтить имъ дорогу.

Но рядомъ съ этими агностиками, всегда старающимися расширить кругъ непознаваемаго, есть и такіе, которые для того, чтобы подорвать кредитъ нашихъ вѣрованій,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 8 за 1910 г.

претендуютъ опираться на науку, представляя ее единственной областью, въ которой дозволено утверженіе. Мы въ правѣ требовать у этихъ послѣднихъ оправданія этого довѣрія фактами, которые доказали бы, что наука, по истинѣ, является областью достовѣрнаго, что она въ состояніи дать ключъ ко всѣмъ тайнамъ, что она можетъ проникнуть въ самую сущность вещей, и что так. об. на ней можно отдохнуть отъ заботы удовлетворить всѣ стремленія нашей природы.

Чтобы отрѣшиться отъ этой иллюзіи, достаточно обозрѣть прогрессивную эволюцію и оцѣнить настоящее состояніе различныхъ вѣтвей научнаго знанія. Навѣрно, въ концѣ этого изысканія не будетъ недостатка въ поводахъ къ удивленію. Должно проникнуться уваженіемъ при видѣ столькихъ потраченныхъ усилій, столькихъ проявленій генія, благодаря каковымъ отъ времени до времени открывались новыя пути, на которыхъ съ пользою работали трудолюбивые изслѣдователи, наконецъ, столькихъ драгоцѣнныхъ результатовъ, окончательно пріобрѣтенныхъ для продолженія плодотворнаго изслѣдованія предметовъ, важныхъ для матеріальной цивилизаціи.

Но наряду съ этимъ какая смѣна теорій! Какая терпимость часто необъяснимая, къ недостаткамъ и даже къ противорѣчіямъ, которыя должны были бы сразу отталкивать! Какое безсиліе дать окончательныя формулы или обнять дѣйствительность, которая какъ бы ускользаетъ, усложняясь по мѣрѣ того, какъ ее считаютъ уже схваченной; въ какія ошибки впадаютъ льстящіе себя мыслию, что они построили научныя зданія со всѣми доказательствами! Никогда немощь философіи не проявлялась болѣе, чѣмъ въ наши дни. Никогда безпристрастное испытаніе состоянія наукъ не давало болѣе блестящаго урока—скептицизма для однихъ, осторожности, или лучше скромности, для другихъ.

* * *

Одинъ изъ наиболѣе ясныхъ признаковъ этого состоянія вещей представляетъ кризисъ, испытываемый математическими науками, о которомъ мы уже имѣли случаи говорить. Можно сказать, что съ нѣкотораго времени началось возстаніе на старыя доктрины, какъ будто бы человѣческой умъ хочетъ вознаградить себя за то, что такъ долго

склонялся безъ разсужденія передъ зданіемъ, выдаваемымъ за неприкосновенное.

Теперь не только не боятся возставать противъ аксіомъ, принимавшихся ранѣе всѣми, но и устанавливаютъ, что въ современныхъ доктринахъ было скрыто множество незамѣченныхъ постулатовъ. Съ разныхъ сторонъ старались сдѣлать изъ нихъ точку отправленія и вели споры относительно необходимости или зависимости этихъ постулатовъ, относительно ихъ интуитивной, экспериментальной или чисто условной цѣнности,—споры, въ которыхъ понятія, по видимому, самыя ясныя, одни за другими были найдены спорными и безжалостно анатомированы.

Возникли всевозможныя геометріи, которымъ нельзя отказать въ логичности, и въ то время, какъ одни, сбитые съ толку этими новыми взглядами, охотно заявляли объ химеричности, другіе утверждали съ неменьшею увѣренностью, что у насъ нѣтъ рѣшительнаго основанія сказать, что какая нибудь изъ этихъ концепцій болѣе, чѣмъ другая, соответствуетъ дѣйствительности, которой въ концѣ концовъ довольно свободно пренебрегали.

Теперь можно сказать, что понятія величины, количества, числа, направленія, разстоянія подверглись столькимъ переменамъ, что лишь нѣкоторые выдающіеся умы могутъ составить о нихъ ясное представленіе. Всѣхъ другихъ эти разсужденія, въ которыхъ споры о словахъ могутъ возникать каждый моментъ, и въ которыхъ относительное и абсолютное безпрестанно сталкиваются—эти разсужденія навѣрное могутъ доводить до головокруженія, если только они, рѣшивъ не касаться этихъ областей, столь опасныхъ, окончательно не отдадутся ежедневнымъ примѣненіямъ. Здѣсь, и въ этомъ заключается контрастъ, увѣрены, что видятъ возрастающее могущество инструментовъ, не перестающихъ совершенствоваться, въ то время, какъ самый принципъ можетъ казаться все болѣе спорнымъ. И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи нельзя отрицать постояннаго прогресса, и каждый день даетъ новое оружіе въ руки геометровъ и аналитиковъ. Но едва ли можно претендовать на то, чтобы въ нихъ непосредственно открывалась дѣйствительность, и много надежнѣе научиться владѣть этими символами, чѣмъ

желать опредѣлить тѣ реальности, которымъ они соответствують.

Мы уже указали, что подобный даже болѣе сильный кризисъ произошелъ въ механикѣ. Отважились даже указывать въ ней несвязности, отмѣчать рудиментарность, иногда даже неточность ея въ некоторыхъ основныхъ концепціяхъ. Это зданіе нуждается въ полной перестройкѣ, а между тѣмъ едва замѣтны лишь первые ряды того, что должно замѣнить древнюю постройку, чтобы удовлетворить потребность въ строгости, испытываемую теперь съ такою силою, что она рискуетъ скоро превзойти мѣру.

§ 2. Астрономія и физика.

Если, такъ называемыя, точныя науки дошли до такого кризиса, если сомнѣніе проникло въ тѣ области, изъ которыхъ, повидимому, оно должно быть исключено самымъ опредѣленіемъ, то неудивительно, что аналогичныя трудности возникли въ области экспериментальныхъ наукъ.

Менѣе всего была затронута астрономія, всегда покровительствуемая величиною массъ и неизмѣримостью разстояній, ею разсматриваемыхъ. Впрочемъ, какъ мы видѣли, ей пришлось отказаться отъ догмата неопредѣленной устойчивости солнечной системы. Кромѣ того недавняго завоеванія, сдѣланнаго ею въ этой области, нѣсколько измѣнили взглядъ на Вселенную, давая преобладаніе идеѣ измѣчивости тамъ, гдѣ прежде, казалось, царил неизмѣнность.

Дѣйствительно, наука о небесныхъ пространствахъ претерпѣла въ наши дни одно изъ интереснѣйшихъ превращеній. Долго думали, что единственнымъ объектомъ ея должно быть введеніе большей точности въ опредѣленіе положенія свѣтилъ, и что этого она могла бы достигнуть двоякимъ образомъ: прежде всего улучшая математическіе методы небесной Механики, затѣмъ прибѣгая для наблюденія къ зрительнымъ стекламъ, все болѣе и болѣе сильнымъ. Но въ то время, какъ особенно вторымъ путемъ дошли до сомнѣнія въ неподвижности элементовъ, служившихъ до тѣхъ поръ точкой отпавленія для всѣхъ измѣреній и потеряли вѣру въ устойчивость вертикали, какъ и въ устойчивость полюса, введеніе новыхъ экспериментальныхъ методовъ открыло наукѣ поле, котораго совершенно не подо-

зрѣвали. Такой результатъ получился отъ вмѣшательства фотографіи; позволившей распознавать много вѣрнѣе, чѣмъ при помощи стеколъ, измѣнчивость небесной карты. Но главное измѣненіе было произведено спектроскопомъ.

Въ этомъ инструментѣ видѣли сначала лишь чудесное орудіе анализа на разстояніи, способное обнаружить составъ свѣтилъ по линіямъ, сіяющимъ въ ихъ спектрѣ. Благодаря замѣчательному объясненію, по методу Допплеръ-Физо, періодическихъ перемѣщеній, которымъ были, повидимому, подвержены нѣкоторыя линіи, спектроскопъ сдѣлался средствомъ опредѣлять двойственность числа звѣздъ. Несмотря на то, что онѣ кажутся простыми въ самые сильные телескопы, удостовѣрились, что на самомъ дѣлѣ онѣ состоятъ изъ двухъ свѣтилъ, вращающихся одно вокругъ другого. Это не какое нибудь исключеніе; теперь доказано, что двѣ трети звѣздъ соединены по двѣ, и что простыя солнца, подобныя нашему, болѣе рѣдки, чѣмъ солнца, соединенныя въ группы.

Кометы, связанныя въ настоящее время съ нашей солнечной системой, отъ которой ихъ долгое время считали независимыми, обнаружили свою непосредственную связь съ падающими звѣздами, происходящими отъ захвата кометъ планетами. Наконецъ неоправдывавшіеся расчеты при ожиданіи потоковъ падающихъ звѣздъ, показали, какъ ненадежно состояніе этихъ кометъ, попавшихъ въ рабство и принужденныхъ терять все болѣе и болѣе свои элементы на вытянутой орбитѣ, по которой онѣ должны слѣдовать.

Однимъ словомъ, за ясной неподвижностью прежняго звѣзднаго міра, такъ сказать, застывшаго въ неизмѣнной рамкѣ, послѣдовала измѣнчивость, полная движенія, жизни и неожиданностей. Физическая астрономія можетъ обѣщать обильную жатву открытій, но при условіи отказа отъ мечты, лелѣянной современниками Лапласа и Пуассона, мечты—на-всегда установить схемы картины, которая бы не измѣнялась больше.

Какимъ страннымъ покажется, при свѣтѣ этихъ новыхъ взглядовъ, замѣчаніе, приписываемое великому математику Лагранжу! „Ньютонъ счастливъ,—сказалъ онъ,—найдя для объясненія міръ. Къ несчастію, существуетъ только одно небо!“

Безъ сомнѣнія, небо только одно, но, какъ справедливо

сказано ¹⁾, „оно достаточно обширно, чтобы удовлетворить всѣ честолюбія. Усилія, употребленныя до сихъ поръ для изслѣдованія его глубинъ, привели только къ расширенію границъ. Нечего бояться, что эти бездны когда нибудь перестанутъ выставлять для рѣшенія проблемы астрономамъ, геометрамъ и физикамъ будущаго“. Это—цѣлая совокупность міровъ, „молодыхъ и старыхъ, умирающихъ и готовыхъ родиться“. Вопреки громадному разстоянію, раздѣляющему насъ, удалось опредѣлить вѣсь большого количества этихъ міровъ и убѣдиться, что каждый изъ нихъ, какъ своими размѣрами, такъ и массой, выкроецъ по мѣркѣ нашей солнечной системы, какъ будто бы она представляетъ основную единицу, которую можно было бы назвать *звѣздной молекулой*. Но какъ много неожиданностей еще ожидаетъ насъ, и какъ мы еще далеки отъ того момента, когда астрономія можетъ считать свое дѣло законченнымъ!

* * *

Колебанія доктринъ физики были тоже многочисленны въ наши дни. Наиболѣе замѣчательный примѣръ данъ намъ теоріей свѣта.

Извѣстно, что, по Ньютону, свѣтящіяся тѣла испускаютъ частички,—настоящіе метательные снаряды, пущенные съ чрезвычайной силой, которые, разсѣвая пространство по всѣмъ направленіямъ, испытываютъ въ зависимости отъ среды измѣненія въ скорости и въ направленіи, выразившіяся въ явленіяхъ отраженія и преломленія.

Ученіе объ истеченіи не было новымъ. Философы древности, именно Эпикуръ и Лукреціи, допускали его въ принципѣ. Но Ньютону было дано создать настоящую теорію его, формулированную въ 1704 году. Правда, на пятнадцать лѣтъ ранѣ Гюйгенсъ пришелъ къ предположенію, что свѣтотворныя явленія составляютъ результатъ *волнъ*, производимыхъ съ громадной скоростью въ эластичной міровой средѣ, невѣсомой или имѣющей ничтожную плотность. Но Ньютонъ высказался за теорію истеченія изъ-за невозможности объяснить по системѣ Гюйгенса хорошо извѣстное явленіе *цветныхъ колець*.

¹⁾ Тиріонъ, *Revue des questions scientifiques*, 4-e serie, VII, p. 410 (1905).

Только въ 1802 году трудность, остановившая великаго англійскаго философа, была побѣждена сразу, когда Юнгъ (Young) открылъ *интерференцію*, вслѣдствіе которой два свѣтовые луча при самой неожиданной встрѣчѣ могутъ перекрещиваться такимъ образомъ, что въ результатѣ получается темнота. Вскорѣ явился Френель, установившій въ 1815—1827 годахъ рядомъ достопамятныхъ опытовъ превосходство теоріи волненій. Въ каждый моментъ его геній умѣлъ вывести изъ гипотезы непредвидѣнныя слѣдствія, часто, повидимому, невѣроятныя, или даже парадоксальныя, но которыя были блестяще подтверждены опытомъ. Тогда приверженцы древней теоріи постарались провѣрить новые факты рядомъ постоянно увеличивающихся дополнительныхъ гипотезъ, изъ которыхъ каждая усложняла тѣ построенія, которыя желала спасти. Бывшіе свидѣтелями этихъ усилій независимые умы скоро единогласно склонились передъ простой и величественной концепціей, не только объяснявшей, но и предвидѣвшей все такъ, что не было нужды искажать ея смыслъ.

Еще важнѣе было то, что черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ смерти Френеля, Фуко, осуществляя мысль Араго, реализировалъ опытъ, считавшійся тогда за *experimentum crucis*, тогда какъ опъ на самомъ дѣлѣ не былъ таковымъ. Теорія Ньютона требовала, чтобы свѣтъ распространялся быстрѣе въ водѣ, чѣмъ въ воздухѣ. Вычислить существующую разницу, когда дѣло идетъ о скорости, доходящей до 300.000 километровъ въ секунду, казалось чѣмъ то неисполнимымъ. Остроумный Фуко произвелъ это вычисленіе, и результатъ опровергъ теорію истеченій.

Съ этого дня въ продолженіе полвѣка никто не сомнѣвался болѣе, что теорія колебаній ээира должна разсматриваться какъ точное представленіе дѣйствительности. Пуассонъ, а затѣмъ Біо неоднократно подверглись насмѣшкамъ за то упорство, съ которымъ они шагъ за шагомъ защищали доктрину истеченій. Настаивать на ней послѣ опыта 1850 г. казалось верхомъ заблужденія или предвзятаго мнѣнія.

Но вотъ великій англійскій физикъ Максвеллъ, интуитивистъ по преимуществу и кромѣ того выдающійся математикъ, открываетъ тождественность свѣта съ электромагне-

тизмомъ. И тамъ и здѣсь одинаковые законы, одинаковая скорость распространенія, одинаковый способъ передачи.

Свѣтовая волна есть лишь рядъ чередующихся (электрическихъ) токовъ, мѣняющихъ направленіе безчисленное количество разъ въ секунду. Нѣкоторое время эта концепція остается теоріей, но въ 1888 г. Герцъ реализируетъ на опытѣ возникновеніе этого рода волнъ, сохраняющихъ его имя, въ своемъ названіи *герцевскихъ волнъ*.

На самомъ дѣлѣ волны, которыя ему удалось произвести и даже усовершенствованныя его продолжателями, не достигаютъ еще скорости свѣтовыхъ колебаній. Судите о нихъ! Онѣ соотвѣтствуютъ лишь *пятидесяти миллиардамъ колебаній въ секунду*, а ихъ нужно въ *десять тысячъ разъ болѣе*, чтобы воздѣйствовать на нашу сѣтчатую оболочку такъ-же, какъ оранжевый цвѣтъ спектра! Но кромѣ того, что эта опытная реализація даетъ драгоцѣнное подтвержденіе этимъ чрезвычайнымъ числамъ, которыя можно было бы принять за прихотливыя изобрѣтенія ума, особенно замѣчательно то, что эти волны, произведенныя искусственно, контролируются опытомъ, указывающимъ, что онѣ могутъ отражаться, преломляться, быть разложенными, интерферировать, наконецъ поляризоваться такъ-же, какъ и свѣтвыя колебанія. Тождественность въ происхожденіи двухъ порядковъ явленій слѣдовательно такова, какою ее предугадалъ гениі великаго физика Кембриджа.

Новая концепція заключаетъ еще понятіе движенія невѣсомаго ээира, но ассимиляція свѣта съ электричествомъ заставляеть насъ сдѣлать шагъ впередъ.

Этотъ шагъ и былъ сдѣланъ, когда Лоренцъ и Томсонъ доказали, что электричество *принадлежитъ къ высочайшей матеріи*, происходя отъ незначительныхъ матеріальныхъ массъ, очень мелкихъ, называемыхъ *іонами*, или *электронами*. Здѣсь дѣло идетъ не о воображаемыхъ сущностяхъ, созданныхъ всецѣло теоріей, каковыми были молекулы невѣсомаго ээира; спектроскопическое изученіе Вольтовой дуги вмѣстѣ съ наблюденіями надъ порчей электродовъ открываетъ дѣйствительное перенесеніе матеріи на счетъ этихъ послѣднихъ. Сверхъ того, Лоренцъ нашелъ, что движенія іоновъ должны быть причиной электрическихъ теченій. Руландъ (Rouland) подтвердилъ это заключеніе знаменитымъ

опытомъ, въ которомъ была сдѣлана провѣрка отъ противнаго, и который произвелъ сенсацию два или три года тому назадъ. Въ то же время остроумные физики показали, что эти частицы, которыя представляютъ тысячныя доли атомовъ и могутъ быть названы невѣсомыми единственно по незначительности ихъ вѣсовъ, не только позволяютъ измѣрить безъ труда ихъ электрическій зарядъ, но, по любопытной привилегіи, оказываются болѣе доступными наблюденію, почти прямому, чѣмъ атомы, отъ которыхъ онѣ происходятъ. Дѣйствительно, іоны, подобныя пылинкамъ, разсѣянными въ газахъ, непосредственно вызываютъ конденсацію струи пара; такимъ образомъ сгущенныя капельки послужатъ мѣрою множеству ультра-микроскопическихъ индивидуумовъ, опредѣляющихъ *зернистое* состояніе наэлектризованной газообразной среды.

Какъ не сблизить, кромѣ того, это истечение съ истеченіемъ *катодныхъ* лучей, открытыхъ Круксомъ, который видѣлъ въ нихъ какъ бы бомбардированіе, производимое частицами разрѣженнаго газа подъ вліяніемъ искры, и считалъ ихъ за родъ электричества, что вполне подтверждено опытомъ?

Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь воскресшее истеченіе—подъ другой, правда, формой и съ обязательствомъ, наложеннымъ съ этихъ поръ на теоретиковъ, согласить это понятіе съ понятіемъ періодическаго колебанія, ускользнуваемаго отъ Ньютона, но реальность котораго безспорна. Какъ же произойдетъ это соглашеніе? Это—тайна будущаго, которая явится новымъ измѣненіемъ того *образа*, въ какомъ намъ угодно представлять себѣ механизмъ свѣтовыхъ явленій.

Эта эволюція, являющаяся диссонансомъ въ томъ отношеніи, что она ясно развѣнчиваетъ теорію, пользовавшуюся до тѣхъ поръ всеобщимъ признаніемъ, создана ли, дѣйствительно, затѣмъ, чтобы удивить насъ въ этомъ пунктѣ? Мы осмѣливаемся сказать: нѣтъ. Даже, если не принимать въ расчетъ впечатлѣніе, законно произведенное геніальными концепціями Френеля, и замѣчательное согласіе опыта съ его догадками, то и тогда трудно объяснить, что концепція невѣсимаго ээира была такъ легко принята. Безспорно: ходячее понятіе этой жидкости заключало противорѣчіе.

Въ самомъ дѣлѣ, основаніе для теоріи ээира заклю-

чается въ слѣдующемъ: это—такая среда, въ которой соединеніе различныхъ частичекъ столь тѣсно, что нельзя перемѣстить одну, не возбуждая, вслѣдствіе сопротивленія другихъ, *эластичныя силы*, передающія движеніе по всѣмъ направленіямъ. Между тѣмъ эфиръ безусловно *флуидъ* (*un fluide*), настолько текучій, что никакое ощущеніе не можетъ открыть его существованіе. Въ этомъ отношеніи эфиръ превосходитъ совершеннѣйшій изъ всѣхъ газовъ, и извѣстно, что онъ невредимо пребываетъ въ совершеннѣйшей пустотѣ, какой только могли достигъ. Но газы именно характеризуются тѣмъ, что ихъ молекулы *не имѣютъ связи одна съ другою*. Какъ же среда, еще болѣе текучая, чѣмъ самый совершенный газъ, можетъ обладать свойствомъ эластичности въ степени, высшей, чѣмъ степень эластичности твердаго тѣла, наиболѣе одареннаго сдѣпленіемъ?

Съ другой стороны, если, согласно предположеніямъ, колебанія эфиръ перпендикулярны къ свѣтовымъ лучамъ, то почему не остаются они въ своей плоскости и какимъ образомъ распространяются направо и налево? Это возраженіе было предвидѣно Маркъсомъ, смотрѣвшимъ на эти колебанія, какъ на *спиральныя*, при чемъ размахъ спирали представлялся чрезвычайно малымъ. Но это значило бы произвести полное измѣненіе въ обычной теоріи, и пока позволительно сказать, что проявилась рѣдкая снисходительность относительно противорѣчій, отъ которыхъ она не умѣла избавиться.

Такимъ образомъ, нынѣ съ введеніемъ іоновъ, катодныхъ частичекъ и особенно съ открытіемъ радиоактивныхъ тѣлъ принципъ истеченія вновь торжествуетъ. Однако, замѣчательно, что это воскресеніе относится лишь къ принципу. Оно не мѣшаетъ примѣнять старыя формулы по прежнему. Френель обезпечилъ побѣду волнообразной доктринѣ тѣмъ, что ясно замѣтилъ колебательное необыкновенно быстрое явленіе, характеризующее свѣтъ; вотъ почему его формулы будутъ и впредь объяснять оптическіе факты. Эти формулы вообще не указываютъ на сущность колеблющейся среды. Онѣ приспособлены къ періодическому повторенію одного и того же рода движеній. Но во всѣхъ явленіяхъ, происходящихъ въ извѣстный періодъ времени, идетъ ли дѣло о колеблющихся тѣлахъ, о часовыхъ колебаніяхъ или

о звѣздныхъ возмущеніяхъ, есть нѣчто общее имъ всѣмъ. Если это нѣчто хорошо выражено, формула сохранить свое практическое значеніе. Только вмѣсто того, чтобы соответствовать колебательному состоянію эластичной невѣсомой среды, періодъ придется приписать спиральному движенію частицы... пусть только безъ возраженій согласятся ничего не объяснять и ограничиться утилизаціей того орудія, механизмъ котораго неизвѣстенъ. Такъ, знающій шофферъ сумѣетъ ловко управлять моторомъ, заключеннымъ въ коробку, хотя всѣ детали его ему неизвѣстны.

Что бы то ни было, послѣ недавняго примѣра эволюціи доктринъ о свѣтѣ, для безмѣрнаго хвастовства относительно права науки на безспорныя утвержденія или ея способности проникнуть въ сущность вещей, минута выбрана неудачно.

§ 3. Доктрины Химіи.

Противъ химической доктрины, долго царившей безспорно въ наукѣ и основанной на разсматриваніи атомовъ и молекулъ, наконецъ возстала цѣлая школа ярыхъ противниковъ. Безъ сомнѣнія, здѣсь нужно видѣть реакцію противъ крайнихъ претензій на точность, которую многіе пытались ввести въ представленіе строенія тѣлъ.

Въ началѣ химіи удовлетворялись *линейными* формулами, въ которыхъ символы составныхъ частей шли одни за другими, имѣя каждый при себѣ цифру, обозначающую пропорцію этой составной части въ смѣси. Такъ, формула SO_2 для сѣрнаго ангидрида указывала, что атомъ сѣры соединенъ въ немъ съ двумя атомами кислорода и т. д. Потомъ, когда реакціи органической химіи сдѣлали очевидной дѣйствительную симметрію, по которой извѣстные элементы могли быть замѣнены определеннымъ количествомъ другихъ, вошло въ обычай располагать символы элементарныхъ атомовъ въ многоугольныя фигуры въ родѣ знаменитаго *шестиугольника бензина*, вершины котораго, занятыя различными группами, обозначали родъ функцій этихъ элементарныхъ соединеній въ цѣломъ.

Наконецъ пришло время, когда стали представлять расположенія составныхъ частей многогранниками, напр., простѣйшимъ изъ всѣхъ геометрическихъ многогранни-

ковъ—пирамидой съ четырьмя треугольными сторонами, известной подъ именемъ *тетраэдра*; каждая вершина можетъ имѣть атомъ или группу атомовъ, способныхъ перемѣщаться отъ одной вершины къ другой. Это было точкой отправленія для такъ называемой *стереохиміи*, и, безъ сомнѣнія, этотъ способъ представлять вещи былъ чрезвычайно плодотворенъ, такъ какъ онъ произвелъ и производитъ еще и теперь открытія, на столько же многочисленныя, на сколько и важныя.

Но во всякомъ случаѣ этотъ прогрессъ должно разсматривать, какъ еще довольно грубую схему дѣйствительности. Крики торжества, нѣсколько шумные, поднявшіеся по этому случаю, дали поводъ нѣкоторымъ критикамъ высказать, не безъ коварства, что химики затратили слишкомъ много времени на уясненіе того, что частицы матеріи должны имѣть три измѣренія, въ чемъ никогда не сомнѣвались кристаллографы Французской школы.

Но для того, кто не думаетъ оспаривать реальность молекулъ, т. е. тождественныхъ частичекъ, составляющихъ однородное тѣло, теперь очевидно, что понятіе химической молекулы не сохраняетъ того характера простоты, который былъ ей приданъ сначала. Не отрицаютъ, что въ молекулѣ сѣрнаго ангидрита частицы сѣры и кислорода по ихъ атомному вѣсу находятся между собою въ отношеніи 1 къ 2, но что въ этой молекулѣ заключается одинъ атомъ сѣры и два атома кислорода—это другое дѣло.

Извѣстны простыя тѣла, вродѣ сѣры, которыя въ газообразномъ состояніи имѣютъ измѣняющуюся плотность, возрастающую при пониженіи температуры,—обстоятельство, допускающее лишь одно объясненіе, именно: чтобы перейти изъ состоянія очень горячаго пара въ состояніе, близкое къ жидкому, частица газа претерпѣваетъ послѣдовательныя сгущенія черезъ соединеніе возрастающаго числа атомовъ.

Все должно обстоять также и для другихъ тѣлъ; особенно, когда дѣло идетъ о твердыхъ тѣлахъ, должно думать, что истинная элементарная частица является уже довольно сложнымъ агрегатомъ, долженствующимъ обладать собственнымъ строеніемъ, которое, безъ сомнѣнія, первоначальныя концепціи опредѣляли слишкомъ сокращенно.

Такимъ же образомъ, когда продолжатели Гаюи открыли, что частицы кристаллизированной матеріи располагались косыми рядами, казалось вполне естественнымъ допустить, что эти частички были только химическими молекулами въ простомъ состояніи, какъ это указывали формулы атомовъ. Потребовалось время, чтобы дойти до мысли, что кристаллическія особи были много сложнѣе, и что самая эта сложность заключала, безъ сомнѣнія, тайну ихъ расположенія, такъ какъ неизмѣнный выборъ системы съ опредѣленной симметріей, дѣлаемый кристаллизирующимся тѣломъ, нельзя объяснить иначе, какъ требованіями частички; она же можетъ быть требовательной лишь при условіи обладанія специальнымъ строеніемъ, т. е. при условіи, что она сама представляетъ зданіе, составленное изъ довольно большого количества элементовъ.

Въ то время, какъ это измѣненіе мало по малу происходило въ образѣ пониманія соединеній атомовъ, неустойчивость символовъ и предлагавшихся образовъ возмутила тѣхъ, которые складомъ своего ума предпочитали абстракціи, лучше гарантированныя отъ подобныхъ перемѣнъ. Имъ описывали, можетъ быть, съ слишкомъ большой точностью, въ кинетической теоріи газовъ разстояніе, пройденное молекулами, бомбардирующими стѣнки ихъ пріемника со скоростью пушечнаго ядра и ударяющимися иногда, чтобы затѣмъ удалиться, измѣнивъ направленіе. Нѣкоторыя неясности въ явленіяхъ диссоціаціи, которыя тяготѣли надъ этой концепціей газообразнаго состоянія, послужили поводомъ для многихъ ученыхъ признать непознаваемымъ понятіе молекулъ и отказаться въ рѣшеніи химическихъ проблемъ отъ примѣненія другихъ правилъ, кромѣ правила термодинамики, въ частности принциповъ наименьшаго дѣйствія и сохраненія энергіи. Съ этихъ поръ между химиками начались споры, еще продолжающіеся и доведшіе до распри лагеръ атомистовъ и термохимиковъ, съ одной стороны, и лагеръ термодинамистовъ, съ другой.

Можетъ быть, верховное вмѣшательство закона сохраненія энергіи будетъ не болѣе оправдано, чѣмъ молекулярная гипотеза, если подумать, что нелегко установить съ точной опредѣленностью то, что нужно въ каждомъ случаѣ понимать подъ именемъ энергіи. Дѣйствительно, есть энер-

гія движенія, затѣмъ энергія термическая, химическая, электрическая, магнитная, энергія лученспусканія и т. д. Есть видимыя энергіи и только предполагаемая, такъ какъ онѣ не поддаются измѣренію, хотя интуиція и можетъ утверждать ихъ существованіе. Такимъ образомъ, какъ указалъ Пуанкаре ¹⁾, во многихъ случаяхъ великій и плодотворный принципъ сохраненія энергіи можетъ законно получить лишь слѣдующее выраженіе: „Во всякомъ явленіи есть нѣчто постоянное“, утвержденіе само по себѣ очевидное, если допустить, что міръ управляется законами.

Притти къ подобному заключенію есть ли ужъ дѣйстви-тельно такое важное пріобрѣтеніе, и не найдутъ ли законнымъ, что нѣкоторые, (къ которымъ мы причисляемъ себя) предпочитаютъ стремиться къ познанію болѣе выразительнаго образа, хотя бы онѣ и былъ еще такъ удаленъ отъ насъ, что они соглашаются заранѣе никогда его не достигнуть вполнѣ.

Критика, которую мы себѣ позволили относительно нѣкоторыхъ крайностей оппозиціи противниковъ молекулярныхъ теорій, не должна намъ препятствовать признать громадныя услуги, оказанныя недавнимъ введеніемъ Энергетики въ область Химіи. Нельзя отрицать, что это введеніе было однимъ изъ выдающихся фактовъ современной научной эволюціи. Оно не только позволило обнять въ прекрасномъ и широкомъ синтезѣ множество фактовъ, до сихъ поръ изолированныхъ; его заслуга еще въ томъ, что языкъ и точность математиковъ проникли въ области, которыя, казалось, не должны были имъ поддаваться. Съ этимъ преобразованіемъ, болѣе ясно показавшимъ тѣсную связь физики и химіи, связаны имена Джиббса, Гельмгольца, Вантъ-Гоффа, Ванъ-деръ-Вааля, Дюгема, Ле-Шателье и др.; было бы несправедливо не причислить сюда также имя Анри Сень-Клеръ-де-Вилля, работы котораго о разрушеніи и создали собственно физическую химію, вполнѣ освѣтивъ понятіе *химическаго равновѣсія*, понятіе, получившее новую ясность, когда научились различать *ложныя равновѣсія* Дюгема, т. е. равновѣсія, не соотвѣтствующія возвращающимся явленіямъ, и въ которыхъ появляется сопротивленіе, сходное съ треніемъ.

¹⁾ Op., cit., p. 153.

Этотъ новый способъ разсматривать химическія явленія имѣлъ прежде всего ту выгоду, что установилъ между извѣстными, доступными измѣренію, величинами, необходимыя отношенія, которыя эксперименту, представленному самому себѣ, безъ сомнѣнія пришлось бы очень долго устанавливать. Сверхъ того, этотъ способъ далъ раціональные пути для классификаціи наблюдаемыхъ фактовъ, и не одна только теорія извлекла изъ этого пользу. Почти непосредственно эти воззрѣнія внесли свѣтъ въ изысканія, имѣющія большую важность для промышленности, какъ, напр., для опредѣленія металлическихъ соединеній, для умѣнья обращаться съ рудами въ доменныхъ печахъ, для изученія известей и цементовъ и т. п.

Нужно только признать, что эти несомнѣнныя завоеванія отнюдь не проливаютъ свѣта на тайну строенія тѣлъ. Они, кажется, даже удаляютъ насъ отъ задуманнаго плана, какъ будто бы было напрасно выставлять эти проблемы, когда предложенныя гипотезы могутъ быть только образами, не имѣющими никакой связи съ дѣйствительностью, хотя и удобными, по скольку они позволяютъ употребленіе математическаго языка.

Такимъ образомъ, многія изъ современныхъ научныхъ теорій, наиболѣе важныя и удивительныя, кажется, потеряли всякое соприкосновеніе съ чувственнымъ міромъ. Онѣ не только соглашаются на это удаленіе, но громко требуютъ себѣ права проводить его на практикѣ.

Такъ, Дюгемъ ¹⁾ указываетъ ошибку, „заключающуюся въ требованіи, чтобы всѣ вычисленія, производимыя математиками посредствомъ дедукцій, связывающихъ постулаты съ заключеніями, имѣли *физическій* смыслъ; въ желаніи разсуждать только объ *осуществимыхъ дѣйствіяхъ* и въ введеніи величинъ, *доступныхъ опыту*“. По мнѣнію этого ученаго, требовать, чтобы всякая введенная въ счетъ величина соответствовала измѣримому свойству и чтобы всякое дѣйствіе, производимое надъ этимъ символомъ, могло быть переведено на конкретный языкъ, выражая реальный или возможный фактъ, требовать этого—значитъ допускать злоупотребленіе. Это требованіе, законное, когда дѣло идетъ о конеч-

¹⁾ Revue de Philosophie. 1905, p. 385.

ныхъ формулахъ, къ которымъ приводитъ теорія, не имѣеть никакого права на существованіе въ томъ, что касается промежуточныхъ формулъ и дѣйствій, образующихъ переходъ отъ постулатовъ къ заключеніямъ“. Наконецъ Дюгемъ подчеркиваетъ свою мысль слѣдующимъ заявленіемъ:

„Требуя того, чтобы математическія дѣйствія, посредствомъ которыхъ изъ постулатовъ вытекаютъ заключенія, имѣли всегда физическій смыслъ, ставятъ геометру невыносимыя пути, парализующія всѣ его выступленія; случается, что нѣкоторые сомнѣваются въ употребленіи дифференціального счисленія; дѣйствительно, если бы онъ претендовалъ удовлетворять безпрестанно и въ точности этому требованію, то онъ не могъ бы произвести почти никакого вычисленія, съ первыхъ шаговъ теоретическая дедукція остановилась бы“.

Сохрани Богъ, чтобы мы претендовали оспаривать у математиковъ въ области физики право на свободу, которою нѣкоторые изъ нихъ и именно только что цитированный нами ученый, столь плодотворно воспользовались, потому что своевременность экспериментальнаго контроля продолжаетъ существовать для конечныхъ формулъ! Мы желаемъ только установить, что, держась на такомъ разстояніи отъ дѣйствительности, подчеркиваютъ лишь безсиліе науки, сдѣлавшей даже не большіе успѣхи, разъяснить намъ сущность вещей.

Послѣ всего сказаннаго вполне законно стремленіе нашего разума къ болѣе и болѣе точному знанію того, что можетъ скрываться подъ первыми чувственными видимостями. Увѣренность въ томъ, что абсолютное недостижимо, не должна насъ обезкураживать въ желаніи наиболѣе близко познать дѣйствительность. Когда стремятся узнать, что такое тепло, свѣтъ, электричество, химическое соединеніе и т. д., то слѣдующій отвѣтъ, примѣняемый во всѣхъ случаяхъ, очень мало удовлетворяетъ: „Это—система шести дифференціальныхъ уравненій!“ Затѣмъ доска покрывается кабаллистическими знаками, конечный результатъ которыхъ лишь одинъ можетъ подтвердить, что онъ не противорѣчитъ опыту.

Этотъ методъ можетъ служить какъ бы исправленіемъ для тѣхъ которые слишкомъ дерзко жонглируютъ съ репрезентативными образами. Во всякомъ случаѣ, если онъ былъ обочованъ, то онъ равносильенъ самому ясному при-

знанію въ осторожности, налагаемой на ученыхъ даже въ той области, которой у насъ никто и не оспариваетъ, и невозможность, въ которой они очутятся теперь, дать какой-либо категорическій отвѣтъ тому, кто желалъ бы нѣсколько уяснить естественныя явленія, достаточно подчеркнетъ ошибку тѣхъ, которые претендуютъ получить отъ одной науки рѣшеніе болѣе широкихъ проблемъ.

§ 4. Естественныя науки.

Изслѣдованіе относительно дѣйствительнаго положенія естественныхъ наукъ приведетъ насъ къ подобнымъ же заключеніямъ. Ограничимся здѣсь краткими указаніями.

Въ области минералогіи справедливо указать только на глубокое разногласіе, существующее между различными школами относительно толкованія фактовъ кристаллографіи. Между тѣмъ какъ большинство французскихъ минералоговъ стремится установить связь причины съ слѣдствіемъ, которая должна, по ихъ мнѣнію, сблизить съ формой, свойственной частичкамъ, выборъ тѣломъ той или другой системы симметріи, большинство иностранныхъ школъ отказывается отъ этихъ изысканій.

Эти школы считаютъ симметрію геометрическимъ фактомъ, который интересно опредѣлить, но причину котораго бесполезно искать. Столь остроумныя изысканія, которыми старались объяснить группировки кристалловъ, кажутся имъ болѣе или менѣе мечтами воображенія; однимъ изъ важныхъ предметовъ размышленія для философа является разсматриваніе того, что, съ одной стороны, еще царитъ столько противорѣчій относительно строенія наиболѣе простыхъ формъ, встрѣчающихся въ конкретной матеріи, а съ другой, что столько умовъ добровольно отказываются отъ знанія непосредственныхъ причинъ, чтобы ограничиться простымъ регистрированіемъ фактовъ.

* * *

Что касается біологическихъ наукъ, то нужно замѣтить, что несмотря на блестящій прогрессъ въ подведеніи жизненныхъ явленій къ явленіямъ физики и химіи, въ же кажется умѣстнымъ отличать въ нихъ и фізіологическую энергію, не сливающуюся съ другими. Кромѣ того, безпри-

страстные ученые признаются, что многія представленныя объясненія являются чисто фразами, лишенными контроля. „Можетъ быть, писалъ Пикарь ¹⁾, механическое учение, что жизнь со своими столь сложными проявленіями не что иное, какъ физико-химическая проблема, такъ же мало обосновано, какъ и древній витализмъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ, что относится къ физикѣ и химіи, какъ мы ихъ теперь понимаемъ; таково мнѣніе современныхъ выдающихся физиологовъ. Много геометровъ и физиковъ, находящихъ такія трудности въ понятіяхъ механики, повидимому, наиболѣе простыхъ, безъ труда согласятся съ этимъ сомнѣніемъ. Какъ бы то ни было, не будемъ слишкомъ довѣряться упрощеннымъ схемамъ, въ которыхъ мы желали бы представить міръ; если временно онѣ оказываютъ большія услуги наукѣ, то затѣмъ онѣ могутъ затормозить ея прогрессъ.

Очень поразительна перемѣна, быстро наступившая въ современныхъ идеяхъ относительно происхожденія органическихъ видовъ. Немного лѣтъ тому назадъ пользовались полнымъ успѣхомъ дарвиновскія доктрины. Теперь оставляютъ ихъ, чтобы вернуться къ концепціямъ, которыя сродны съ концепціями Ламарка и отличаются лишь оттѣнками отъ древняго понятія послѣдовательныхъ твореній: многія перемѣны произошли съ неожиданностью, исключаящей понятіе общаго и необходимаго *процесса*, почему его и замѣняютъ вмѣшательствомъ дѣйствующихъ причинъ. Нѣкоторые ботаники, а именно Фризъ ²⁾, доказали, что у растений могутъ произойти рѣзкія измѣненія, вслѣдствіе чего сразу появляются новые типы. Культивируемые виды внезапно производятъ безъ промежуточныхъ и предварительныхъ формъ новыя формы, которыя и продолжаютъ существовать. Также, если прогрессъ изученія ископаемыхъ растений говоритъ вообще въ пользу эволюціи, то, по крайней мѣрѣ, изъ извѣстныхъ фактовъ слѣдуетъ, что измѣненія происходили весьма часто съ такой быстротою, что ихъ нельзя прослѣдить. Палеонтологія кишитъ примѣрами такъ называемыхъ *тайнородныхъ* видовъ (*des types cryptogènes*), появив-

1) Выставка 1900 г. Rapport sur les Sciences.

2) О теоріи Фриза см. С. Глаголева—Ботаника и дарвинизмъ (Вѣра и Разумъ. 1907. № 1).

шихся внезапно, такъ что при теперешнемъ состояніи нашихъ знаній невозможно отгадать ихъ происхожденіе.

Почти вся генеалогія деревьевъ, указанныхъ въ трактатахъ палеонтологіи, нуждается въ передѣлкѣ. Тамъ, гдѣ хотѣли прежде видѣть вѣтви, быстро расходящіяся отъ одного и того же родоначальника, теперь признаютъ почти параллельныя группы, общій предокъ которыхъ, если онъ существуетъ, долженъ принадлежать къ очень далекой древности. Никогда категорическое утвержденіе въ этомъ отношеніи не было менѣе позволительнымъ, чѣмъ теперь.

* * *

Такъ какъ геологія является родомъ синтеза изъ всѣхъ научныхъ знаній въ ихъ примѣненіи къ исторіи земного шара, то не удивительно, что она подвержена болѣе другихъ многочисленнымъ измѣненіямъ своей доктрины. На ней не только по необходимости отражаются измѣненія, происшедшія въ другихъ наукахъ, которыми она пользуется, но по самой природѣ она можетъ стремиться къ опредѣленнымъ заключеніямъ лишь тогда, когда вся поверхность земного шара дастъ матеріалъ для продолжающагося изслѣдованія. Но двадцать лѣтъ назадъ поверхность, изслѣдованная геологіей, представляла только весьма малую часть протяженія земли, и происшедшій съ тѣхъ поръ прогрессъ, какъ бы важенъ онъ ни былъ, далеко еще не восполнилъ всѣ пробѣлы.

Впрочемъ, эта наука вышла изъ колебаній, испытанныхъ ею въ своей колыбели. Относительно множества вопросовъ, предлагавшихся теоретиками при спорахъ въ началѣ и даже въ серединѣ XIX вѣка, установилось опредѣленное согласіе. Но серьезныя разногласія существовали еще относительно нѣкоторыхъ важныхъ проблемъ, и особенно поучителенъ былъ опытъ послѣднихъ лѣтъ, когда многіе изъ означенныхъ теоретиковъ высказали взгляды, совершенно измѣнявшіе прежнюю концепцію. Мы прослѣдимъ только нѣкоторые изъ нихъ.

Годъ или два назадъ вопросъ о составѣ каменноугольной флоры былъ, повидимому, однимъ изъ паиболѣе извѣстныхъ. Важность, которую представляло изученіе прогрессивныхъ измѣненій этой флоры, не зависѣла только отъ того, что она соотвѣтствовала первому появленію наземной

растительности. Скоро узнали, какіе драгоценные элементы могло дать детальное изученіе, позволяя эксплуататорамъ разрабатывать все одну и ту же жилу, несмотря на случайныя дислокаціи. Предпочтительно въ эту сторону направились также усилія специалистовъ. Благодаря имъ работа отождествленія жилъ располагалась все болѣе и болѣе по точнымъ законамъ, въ то время какъ ботаника ископаемыхъ проникала ежедневно все болѣе въ познаніе растений, частичное разложеніе которыхъ и дало начало каменному углю.

Всего болѣе характеризуетъ, кажется, каменноугольную флору неоспоримое множество тайнобрачныхъ. Дѣло идетъ, конечно, о совершенно иныхъ типахъ, чѣмъ нынѣшніе, такъ какъ семейство, представляемое теперь скромнымъ плауномъ, заключало тогда деревья въ 50 и 60 метровъ высоты, а травянистые папоротники развивали листья въ 8 и 10 метровъ длины. По крайней мѣрѣ, присвоеніе этихъ листьевъ настоящимъ папоротникамъ ни на минуту не казалось сомнительнымъ, и въ виду замѣчательнаго развитія этой группы растений, остатки которыхъ усыпаютъ мириадами сланцы, находящіеся подъ каменноугольными слоями, весь міръ согласился обозначать каменноугольную эпоху, какъ преимущественную эру *кристаллизованныхъ тайнобрачныхъ* (*des cryptogames acrogènes*). Подъ этимъ именемъ она являлась во всѣхъ классификаціонныхъ таблицахъ, и казалось вполне естественнымъ, что въ первой изъ наземныхъ растительностей преобладали типы, наименѣе высокіе по организаціи въ земномъ растительномъ царствѣ.

Но вотъ въ 1904 году неожиданныя открытія уничтожили это заключеніе. Часто каменноугольная растительность вмѣсто того, чтобы находиться въ сланцахъ, встрѣчается въ сросшихся узлахъ желѣзныхъ карбонатовъ, гдѣ детали растений сохранились особенно хорошо. Коллекціонируя эти рѣдкости, замѣтили, что листочки папоротниковъ прирастаютъ иногда къ частямъ центральныхъ осей злаковъ съ хорошо выраженными органами оплодотворенія. Каково же было удивленіе ботаниковъ, когда они установили, что эти органы не принадлежали тайнобрачнымъ, а во всемъ представляли характеристичныя черты плодовъ голосѣмянныхъ, родственныхъ цикадовымъ?

Послѣ этихъ наблюденій начали вновь пересматривать слѣпки коллекцій и признали всеобщность факта. Множество зеренъ, попавшихъ какъ предполагали, случайно въ среду остатковъ папоротниковъ, принадлежали въ дѣйствительности —этимъ послѣднимъ и могли служить для ихъ спеціального опредѣленія такъ же, какъ форма и жилки отдѣльныхъ перистыхъ листочковъ. *Нѣтъ почти ни одной*, причисляемой къ папоротникамъ формы изъ каменноугольныхъ почвъ, которая бы могла остаться въ классѣ тайнобрачныхъ, почему пришлось создать имя *цикадо-сосудистыхъ* (*de cycadofilicinées*) для этой совершенно новой группы растений, несомнѣнно папоротниковъ по формѣ и вѣтвямъ, неоспоримо голосѣмянныхъ по способу размноженія.

* * *

Точно также было признано и считалось чѣмъ то неприкосновеннымъ въ таблицахъ формацій, что развѣтвление позвоночныхъ проявилось наканунѣ каменноугольнаго періода, къ началу такъ называемой девонской эпохи, возникновеніемъ рыбъ спеціальной формы, называемыхъ *ганойд-ными*, или бронированными рыбами, потому что ихъ тѣло было покрыто какъ бы чешуйчатой броней. Но совсѣмъ недавно лучшее изученіе скелетовъ этихъ ископаемыхъ побудило спеціалистовъ удалить ихъ изъ семейства рыбъ и составить изъ нихъ новую группу остракодермныхъ, приближающихся какъ къ раковиднымъ, такъ и къ позвоночнымъ.

Что касается существъ, начавшихъ, какъ думали, свое существованіе первыми пресмыкающимися, дышащими воздухомъ, то послѣ недавняго открытія цѣлыхъ скелетовъ, найденныхъ одновременно въ Южной Африкѣ и на сѣверѣ Россіи, нужно было рѣшиться признать, что по частямъ этихъ скелетовъ, рассматриваемыхъ въ отдѣльности, можно одинаково признать ихъ и за первоначальное млекопитающее,—плацентное или нѣтъ, и за пресмыкающееся, такъ какъ спинные хребты указываютъ на типъ рыбъ, а другія кости заставляютъ признать ихъ амфибіями.

Мы не кончили бы, если бы стали обзрѣвать всѣ факты этого рода, которые въ теченіе только послѣднихъ пяти или шести лѣтъ заставили геологовъ, иногда очень глубоко, измѣнить концепціи, казалось, признанныя всѣми едино-

гласно или почти единогласно. Мы должны быть краткими; поэтому, не говоря ни объ открытіяхъ, совершенно измѣнившихъ древнюю исторію Африки, ни о томъ, совершенно новомъ освѣщеніи, въ которомъ представляется съ очень недавняго времени теорія землетрясеній, мы остановимъ наше вниманіе лишь на теоріи эволюцій, произведшей наиболѣе глубокую сенсацію: мы говоримъ о неожиданныхъ концепціяхъ, къ которымъ совсѣмъ недавно были приведены, чтобы объяснить нѣкоторыя особенности строенія Альпъ.

* * *

Вспомнимъ, прежде всего, что шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ были, повидимому, согласны приписать дизлокаціи земной коры *поднятію* холмовъ, выдвинутыхъ толчкомъ снизу вверхъ. Позже нужно было признать, что поднятіе было только мѣстнымъ разрѣшеніемъ бокового сжатія, достаточно сильнаго, чтобы произвести въ слояхъ, даже очень устойчивыхъ, весьма значительныя складки, и имѣвшаго общей причиной прогрессивное разламываніе коры, принужденной имѣть нѣкоторую точку опоры при сокращеніи вслѣдствіе охлажденія.

Двадцать лѣтъ тому назадъ была сдѣлана попытка свести складки, т. е. явленія сжатія къ подчиненной роли. По этой новой концепціи земная кора рассматривалась какъ совокупность слоевъ, наросшихъ другъ на друга, изъ которыхъ одни, лучше укрѣпленные, представляли собой какъ бы крѣпкіе молы или столбы, вокругъ которыхъ все рушилось вслѣдствіе отломовъ, вдоль которыхъ слои, сползая, могли оказаться сжатыми или даже согнутыми. Сверхъ того представляли, что подъ вліяніями, нѣсколько загадочными, вродѣ обваловъ, углубившихъ нѣкоторыя части океаническаго дна, уровень моря могъ претерпѣть колебанія, способныя вызвать или погруженіе или всплываніе значительныхъ пространствъ твердой земли.

Принятое сначала очень благосклонно, особенно въ Германіи, это возрѣніе вскорѣ стало терять свой кредитъ по мѣрѣ того, какъ изученіе распадочныхъ земель дѣлалось точнѣе; теперь недавняя побѣдительница въ этой живой атакѣ, доктрина боковыхъ сжатій получила полноту, которая

исягала бы конечно, двадцать лѣтъ назадъ ея наиболѣе смѣлыхъ защитниковъ. Вотъ какъ это произошло:

Строеніе горъ вообще и Альпъ въ частности представляетъ по мѣстамъ необыкновенную сложность, которая ставитъ стратиграфу почти неразрѣшимыя проблемы. По крайней мѣрѣ, если нужно согласиться на отсрочку относительно объясненія нѣкоторыхъ деталей, то позволительно ли думать, что явленіе поднятія извѣстно въ своихъ основныхъ чертахъ. Разнообразные осадки, расположенные первоначально въ морѣ горизонтальными слоями, оказались подверженными энергическимъ противнымъ теченіямъ, обратившимъ ихъ въ складки, попеременно то выходящія то входящія. Первые образовали съ самаго начала хребты нынѣшнихъ горъ, получившихъ съ тѣхъ поръ большую опредѣленность вслѣдствіе развѣданія, прорѣзавшаго въ нихъ ущелья. Иногда толчокъ могъ быть достаточно энергичнымъ для того, чтобы опрокинуть немного вершину пѣкоторыхъ складокъ и положить ее на сосѣдніе холмы; но сохранялась увѣренность, что на небольшомъ разстояніи свободно найдутъ корень этихъ заложенныхъ складокъ, т. е. ихъ связь съ нормальными волненіями системы.

Но, чѣмъ болѣе прогрессировало знаніе деталей, тѣмъ труднѣе стало установить эту связь. И вотъ нужно было рѣшиться признать, что на значительномъ протяженіи Оберланда системы образовавшихся и смѣщенныхъ складокъ находились на слояхъ, болѣе новыхъ, прежнее происхожденіе которыхъ не удалось опредѣлить. Тогда рѣшили ближе проанализировать элементы этихъ смѣщенныхъ слоевъ, и изслѣдуя скалы и рвы, замѣтили, что аналогичные имъ слои нужно было искать не въ формаціяхъ того же самаго возраста, нормально расположенныхъ въ Швейцаріи, но среди формацій піемонтскаго склона Альпъ. Смѣлой дедукціей пришли къ мысли, что они представляютъ остатки своего рода громадной волны, появившейся съ юга и поднявшейся черезъ хребетъ Оберланда.

Въ подобномъ движеніи верхъ нагроможденныхъ складокъ, сплюснутыхъ давленіемъ, не одинъ разъ былъ отрываемъ отъ корня; при продолжающемся толчкѣ этотъ верхъ, скрытый въ болѣе новыхъ и въ болѣе рыхлыхъ осадкахъ, могъ перемѣститься очень далеко отъ мѣста своего проис-

хожденія, самъ раздѣляясь на части во время пути. Позже, вслѣдствіе прогрессивнаго разрушенія рыхлыхъ слоевъ, въ нѣдрахъ которыхъ могло произойти это перемѣщеніе, эти наносные слои, болѣе твердые, явились свидѣтелями странныхъ и противорѣчивыхъ формъ, каковы напр, Митень въ Швицѣ, для которыхъ специально было создано имя *экзотическихкихъ* массивовъ, чтобы ярче отбѣнить, что они не имѣютъ ничего общаго съ окружающими ихъ слоями и появились издалека.

Пусть бы это явленіе происходило только одинъ разъ! Но геологи, они же и отважные альпинисты (это необходимо для занятія страфиграфіей въ горахъ) не боятся собирать наблюденія въ снѣгахъ и льдахъ вершинъ въ Узанѣ, въ Шабле, въ Оберландѣ. Такимъ образомъ они могли установить, что дѣло идетъ, по крайней мѣрѣ, о трехъ или четырехъ, иногда о семи послѣдовательныхъ нагроможденіяхъ, свидѣтельствующихъ о столькихъ же волнахъ. Послѣднія изъ нихъ превысили даже предшествовавшія и увлекли ихъ дальше къ сѣверу подобно тому, какъ гряда волнъ разбивается о берегъ: каждая волна, стремясь превзойти другую, перебрасываетъ пѣну черезъ гребень послѣдней. Все это и произошло со слоями сланцевъ, песчаниковъ, мрамора и даже гранита, повиновавшихся, какъ мягкій воскъ, ужасному внутреннему толчку.

Сначала гипотеза казалась безмѣрной смѣлостью, такъ какъ этимъ пространствамъ наносныхъ скалъ нужно было приписать перемѣщеніе, равное приблизительно пятидесяти километрамъ. Но Шотландія и Скандинавія представили въ то же время столь же поразительные примѣры, и все это было ничтожнымъ при сопоставленіи съ тѣмъ перенесеніемъ, которое необходимо предположить для восточныхъ Альпъ! Эти великія наводненія, которыя, повидимому, регулярно прекращались въ баварской равнинѣ, и въ которыхъ до сихъ поръ видѣли типъ нормальной складчатой цѣпи, являются также продуктомъ, перенесеннымъ издалека. Ни одна изъ этихъ известковыхъ массъ не на мѣстѣ. Въ нихъ легко насчитать отъ трехъ до четырехъ нагроможденій и, что особенно характеристично, источникъ этихъ волнъ нужно искать далеко на югѣ, на берегу Краины!

Эти невѣроятныя движенія могли произойти притомъ

только на значительной глубинѣ для того, чтобы перевернутые слои остались достаточно вязкими. Наблюдаемая дизлокаціи явились, такимъ образомъ, продуктомъ внутреннихъ, очень глубокихъ сжиманій, и только много позже они всѣ поднялись на нѣсколько тысячъ метровъ, давая тогда возможность текучимъ водамъ прорѣзать въ нихъ прекрасныя вершины и грандіозныя ущелья, являющіяся теперь красою альпійскихъ пейзажей.

Нѣкоторые найдутъ слишкомъ смѣлымъ сразу принять за окончательныя эти столь отважныя воззрѣнія, встрѣчающія еще и теперь страстныя противорѣчія. Но эти противорѣчія хорошо объясняются возмущеніемъ нѣкоторыхъ самолюбій; концепціи, возмущающія ихъ, разъясняютъ множество загадокъ до тѣхъ поръ неразрѣшимыхъ; онѣ освѣщаютъ столько темныхъ пунктовъ, примѣненіе ихъ къ другимъ мѣстностямъ, какъ Пиринеи, Карпаты, Гималаи, оказывается столь плодотворнымъ; наконецъ выдвинувшіе ихъ Марсель Бертранъ, Ньюжонъ, Шардтъ, Термье, Гогъ каждый день представляютъ въ ихъ пользу столько рѣшительныхъ аргументовъ, что новое построеніе орогенической науки должно, по нашему мнѣнію, считаться правильнымъ.

Но это—радикальное измѣненіе, произведенное въ старыхъ гипотезахъ. Всѣ геологическія карты странъ, подвергшихся дизлокаціи, нужно разсматривать съ этой точки зрѣнія, при помощи этого поваго ключа, такъ какъ онъ одинъ позволить дешифровать іероглифы стратиграфіи. Многіе изъ пріобрѣтенныхъ пунктовъ сразу ставятся на очередь и должны получить лучшее толкованіе. Фактъ, что двадцать пять лѣтъ совершенно не подозрѣвали этой эволюціи, и что простое изложеніе нынѣшнихъ гипотезъ подняло бы волосы на головахъ наиболѣе выдающихся геологовъ, составляетъ благотворное предостереженіе для тѣхъ, которые считаютъ, что высококомѣрные и рѣзкія утвержденія приняты теперь относительно исторіи земной коры.

* * *

Другой призывъ къ осторожности дошелъ до насъ недавно изъ сѣверныхъ странъ. Извѣстно, что большіе ледники, получившіе начало въ Финляндіи и Скандинавіи, по-

крыли нѣкогда Сѣверную Германію, гдѣ они усыпали почву эрратическими глыбами, происхожденіе которыхъ не оставляетъ никакого сомнѣнія. Это явленіе не было, безъ сомнѣнія, единственнымъ: ледяной покровъ подобнаго протяженія не только долженъ былъ претерпѣть колебанія относительно своей массы, но въ послѣднее время почти согласились признать, что было, по крайней мѣрѣ, два періода великаго нашествія льдовъ, въ промежутокъ между которыми льды должны были совершенно исчезнуть.

Эта гипотеза основана, кромѣ другихъ аргументовъ, на присутствіи въ эрратическихъ почвахъ окрестностей Берлина нѣкоторыхъ залежей песковъ и гравіевъ, несомнѣнно рѣчного происхожденія, къ которымъ, кажется, прибавились въ ледниковыхъ осадкахъ скопленія глины. Въ этихъ гравіяхъ встрѣчали костяки слоновъ и другихъ животныхъ, посороговъ, бизоновъ, сѣверныхъ оленей (rennes) и простыхъ оленей (cerfs), и хотя тамъ же нашли и такіе виды, которые обыкновенно появлялись на нѣсколькихъ различныхъ уровняхъ, какъ, напр., древняго слона и мамонта, тѣмъ не менѣе наблюдаемое прибавленіе было истолковано, какъ доказательство существованія *междуледниковой* фазы, во время которой климатъ сдѣлался достаточно мягкимъ для образованія большихъ рѣкъ, берега которыхъ часто посѣщались легіонами толстокожихъ и травоядныхъ животныхъ.

Но два года тому назадъ въ Скандіи было сдѣлано наблюденіе, породившее большія сомнѣнія относительно совершенной правильности этого заключенія. Уже давно эксплуатировали здѣсь массы бѣлаго мѣла, драгоценныя въ этой странѣ, гдѣ известъ является рѣдкостью, и разсматриваемыя прежде, какъ мѣстная залежь, указывающая, что море мѣла покрывало прежде Скандію и Данію. На самомъ дѣлѣ эти массы были довольно страннымъ образомъ смѣщены: въ однѣхъ—скала представлялась какъ бы сплющенной; различныя извѣстныя залежи плохо согласовались однѣ съ другими, и палеонтологамъ стоило большого труда опредѣлить ихъ точный возрастъ, хотя ископаемыхъ тамъ находилось множество.

Въ это время сверленіемъ изслѣдовали въ окрестностяхъ ледниковую формацію, снова покрывшую эти залежи, чтобы узнать, не найдутся ли другія. Во время этихъ ра-

ботъ были очень удивлены тѣмъ, что буравъ, пройдя черезъ нѣкоторую толщу мѣла снова нашелъ внизу ледниковыя глины. Скоро удостовѣрились, что дѣло обстояло также и для извѣстныхъ уже залежей, изъ которыхъ каждая представляла настоящій *пакетъ*, завернутый въ древнюю морену. Нѣкоторые пакеты были громадны и имѣли до 800 метровъ длины и 300 метровъ ширины, толщина ихъ доходила до 15—20 метровъ. Никогда бы не пришло въ голову видѣть здѣсь настоящія эрратическія глыбы безъ рѣшительнаго удостовѣренія въ ихъ верхнемъ положеніи въ ледниковой формациі. Это были, такимъ образомъ, части мѣлового поля, покрывавшаго съ запада дно Балтійскаго моря и унесеннаго смѣстившимъ его ледникомъ. И онъ не только унесъ эти части, но, какъ недавно удалось провѣрить, взгромоздилъ ихъ на мѣловую формацию, болѣе раннюю, вродѣ эксплуатируемой въ Факсѣ въ Даніи.

Это не все: давленіе, испытанное при этомъ передвиженіи было такъ сильно, что пески, кремни, рога оленей углубились мѣстами въ самую мѣловую массу на нѣсколько метровъ отъ ея поверхности, и нельзя было открыть никакой трещины, послужившей дорогой этимъ страннымъ гостямъ. Что же удивительнаго, что эти гравіи рѣчного происхожденія, приведенные въ движеніе льдами, могли быть механически вставлены въ глины морены, вмѣсто того, чтобы мирно покоиться на ея поверхности и быть покрытыми затѣмъ новыми льдами.

Безъ сомнѣнія, желаніе теперь уже обобщить значеніе этого наблюденія было бы рискованнымъ, но еще болѣе опасно не признавать его въ особенности тогда, когда вставки подобнаго рода, наблюдаемая вокругъ альпійскаго массива, указывались часто для того, чтобы установить связь ледяной эпохи съ фазами доисторической дѣятельности человѣка.

Во всякомъ случаѣ факты этого рода должны звучать въ ушахъ настоящихъ людей науки, какъ важныя предостереженія. Это, по крайней мѣрѣ, формальныя возванія къ воздержанію отъ чрезмѣрнаго догматизма. Тѣмъ болѣе, въ виду подобныхъ измѣненій, столь часто повторяющихся въ эволюціи геологіи, будетъ достойно порицанія, если, не отвлекая изъ этой науки великихъ уроковъ порядка, гармоніи и цѣли, предлагаемыхъ ею, будутъ претендовать только на

то, чтобы пользоваться ею, какъ орудіемъ борьбы противъ вѣрованій, внушенныхъ тѣми же концепціями.

§ 5. Стремленіе къ единству въ современной наукѣ.

Картина, въ которой мы попытались представить въ общихъ чертахъ эволюцію научныхъ доктринъ, могла бы быть истолкована въ нѣсколько пессимистическомъ смыслѣ, если бы мы заранѣе не постарались начертить контръ-партію этого баланса. Мы говоримъ объ изложеніи великихъ и прекрасныхъ концепцій, группирующихся вокругъ идеи порядка, на которую проливаетъ свѣтъ безпристрастное изслѣдованіе результатовъ, полученныхъ каждой отраслью нашихъ знаній.

Мы вовсе не имѣемъ намѣренія формулировать обвинительный актъ противъ науки, если указываемъ неточности и противорѣчія, которымъ до сихъ поръ подвержены теоріи. Этотъ этюдъ, въ которомъ мы только воспроизводимъ заключенія наиболѣе авторитетныхъ, какъ и наиболѣе безпристрастныхъ людей, имѣетъ только одну цѣль. Дѣло идетъ о томъ, чтобы показать, на сколько добросовѣстная наука въ ея теперешнемъ состояніи еще далека отъ возможности давать категорическія утвержденія относительно сущности вещей и какія все возрастающія трудности встрѣчаетъ она, по видимому, въ своемъ стремленіи проникнуть за непосредственную видимость.

Несомнѣнно производящая чудеса, когда ограничивается ролью нашего проводника въ упорядоченіи, для нашей пользы, силъ природы, она, тѣмъ не менѣе, допускаетъ существованіе въ нашемъ разумѣ всевозможныхъ тайнъ. Было бы ошибкой ожидать отъ нея рѣшенія великихъ проблемъ души, проблемъ, не укладывающихся въ уравненія, потому что ни число, ни протяженіе не имѣютъ здѣсь мѣста, и употребленная энергія не принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя дѣлятся на части.

Во всякомъ случаѣ, хотя бы подъ видомъ смягченія огорокъ, которыя мы должны были дѣлать, важно освѣтить въ активѣ современной науки одинъ результатъ, вполне согласный въ концѣ концовъ съ воззрѣніями, развитыми въ началѣ этого труда. Дѣло идетъ о стремленіи къ *единству*, которое очень ясно подчеркиваетъ постоянный прогрессъ нашихъ теоретическихъ знаній.

Изъ всѣхъ признаковъ, по которымъ въ совокупности вещей могутъ быть познаваемы порядокъ и гармонія, наиболѣе характеристичнымъ является *единство*. Что это понятіе внушается намъ видомъ самой природы, и что его проявленіе становится все болѣе и болѣе яснымъ, по мѣрѣ прогресса науки, невозможно оспаривать. Пуанкаре ¹⁾ не задумался заявить это: „Наука, сказалъ онъ, идетъ къ единству и простотѣ“. И этотъ результатъ тѣмъ болѣе замѣчательнъ, что наблюденія, изъ которыхъ онъ вытекаетъ, открываютъ ежедневно все новыя явленія, такъ что лишь поверхностный умъ могъ бы попытаться видѣть здѣсь только возрастающую сложность фактовъ, установленныхъ наукой.

Приблизительно полвѣка тому назадъ различныя области естественной философіи казались ясно опредѣленными и почти несоприкасающимися однѣ съ другими. Математикъ, физикъ, химикъ, натуралистъ представляли столько же отдѣльныхъ спеціальностей, изъ которыхъ каждая, казалось, требовала способностей, трудно согласимыхъ со способностями, долженствовавшими обезпечить успѣхъ въ сосѣдней спеціальности. Никто не думалъ отождествлять явленія физики съ явленіями химіи. Еще менѣе предполагали, что нѣтъ непреодолимой преграды между этими двумя лабораторными науками и науками, занимающимися органическимъ міромъ.

Даже въ каждой изъ этихъ спеціальныхъ областей были многочисленныя независимыя отдѣлы. Едва лишь научились распознавать рядомъ съ свѣтовымъ пучкомъ, пропущеннымъ черезъ призму и разложеннымъ ею, сосуществованіе невидимыхъ для нашего глаза лучей, изъ которыхъ одни, предшествующіе краснымъ лучамъ, особенно дѣйствовали на термометръ, тогда какъ другіе, слѣдующіе за фіолетовыми, проявили себя интенсивностью своего химическаго дѣйствія. Близкое родство теплоты, свѣта и химическаго сродства начинало выясняться въ этомъ постоянномъ преемствѣ, гдѣ одна длина волны была достаточна для опредѣленія спеціальнаго свойства лучей.

Скоро спектроскопъ сдѣлался чудеснымъ средствомъ анализа на всякомъ разстояніи, и первымъ результатомъ его примѣненія было указаніе, что одни и тѣ же химическіе элементы общи всѣмъ небеснымъ тѣламъ, такъ какъ суб-

¹⁾ Op., cit, p. 202.

станціи, считавшіяся одно время чуждыми нашей землѣ, какъ, на примѣръ, гелій, были найдены въ концѣ концовъ въ земныхъ минералахъ.

Такимъ образомъ, единство состава вселенной сдѣлалось установленнымъ фактомъ; позднѣе совершенно неожиданно тотъ же самый спектроскопъ, примѣненный къ изученію сложныхъ звѣздъ, далъ возможность установить, что тотъ же самый законъ тяготѣнія управляетъ всѣми мірами. А замѣчательныя числовыя отношенія молекулярныхъ вѣсовъ между простыми элементами одного химическаго семейства внушили подозрѣніе, что всѣ тѣла могли быть образованы группировкой однородныхъ атомовъ при неравномъ количествѣ ихъ.

Амперъ доказалъ тождественность магнетизма и электричества. Но въ его эпоху еще были далеки отъ мысли, что въ одинъ прекрасный день генію Максвелля удастся установить очень близкую связь между свѣтомъ и электромагнетизмомъ, а Роуланду произвести электрическій токъ единственно посредствомъ перемѣщенія наэлектризованнаго кондуктора. Тѣмъ менѣе предвидѣли, что Анри Сень-Клеръ-Девилль изученіемъ явленій распадаенія уничтожить границу между физикой и химіей. Позже, открытія Рауля позволили сблизить раствореніе съ испареніемъ, съ одной стороны, и съ разложеніемъ въ гальваническомъ токѣ, съ другой. Когда, такимъ образомъ, сдѣланы были очевидными независимыя свойства природы тѣлъ, то пришли къ слѣдующему невѣроятному результату—къ возможности опредѣлить молекулярный вѣсъ элемента, измѣряя только замедленіе, производимое при замерзаніи воды присутствіемъ этого тѣла въ слабомъ растворѣ.

Кто могъ угадать, когда Дютроше открылъ осмосъ, что осмотическое давленіе проявится совершенно такимъ же образомъ въ напряженіи паровъ? Кто предполагалъ, что это понятіе, распространяясь на область естественной исторіи, откроетъ тайну чрезвычайнаго сопротивленія, производимаго маленькими существами, способными развить въ оныхъ клѣткахъ давленіе въ 160 атмосферъ, въ то же самое время, какъ и предвидѣть, что въ этой клѣточной энергіи есть большая аналогія съ грознымъ зарядомъ *іоновъ*, или *электроновъ*.

Какая революція произошла въ смыслѣ единства въ тотъ день, когда Майеръ и Джоуль открыли механическій эквивалентъ теплоты, съ которымъ вскорѣ должны были ассимилироваться всѣ другія формы энергій! Съ этого момента стала возможной честолюбивая мысль свести всѣ явленія природы къ двумъ законамъ: наименьшаго дѣйствія и сохраненія энергій, и извѣстно, какъ плодотворно было это понятіе, давъ начало химической механикѣ.

Можно было бы, правда, сказать, что этотъ родъ единства реализуется только къ выгодѣ воззрѣній на міръ въ его совокупности, и заставляетъ насъ разсматривать явленія все болѣе и болѣе съ высокой точки, т. е. избѣгая ихъ объективнаго опредѣленія. Но параллельно этой тенденціи, безъ всякаго противорѣчія ей, обрисовывается другая тенденція, подающая большія надежды.

Съ тѣхъ поръ, какъ признано близкое родство различныхъ формъ энергій, достаточно опредѣлить детали одной изъ нихъ, чтобы полученныя заключенія можно было распространить на другія формы. Но, съ одной стороны, совершенно неоспоримо, что электрическія явленія обязаны реальному перемѣщенію электроновъ, а съ другой стороны, открытіе лучей Беккереля и радіоактивныхъ субстанцій показало, что тотъ же переносъ можетъ быть выгоднымъ для свѣта. Кромѣ того извѣстно, что нѣкоторымъ даровитымъ физикамъ удалось составить представленіе объ электрическомъ зарядѣ электроновъ, а также и объ ихъ массѣ, равной тысячной долѣ массы атома водорода; наконецъ, они установили тотъ, въ высшей степени важный, фактъ, что между свойствами этихъ частичекъ нѣтъ никакой разницы, какимъ бы тѣломъ онѣ ни были произведены.

Вслѣдствіе этихъ важныхъ открытій, плода послѣднихъ лѣтъ, выдающіеся умы пришли относительно состава матеріи къ гипотезамъ чрезвычайной оригинальности. Для нихъ каждый атомъ является солнечнымъ міромъ въ миниатюрѣ, въ которомъ тысячи частичекъ, заряженныхъ отрицательнымъ электричествомъ, вращаются, какъ спутники, дѣлая по 600 или 1000 *триллионовъ* оборотовъ въ секунду вокругъ одного или нѣсколькихъ положительныхъ центровъ, представляющихъ какъ бы нейтральную систему. Время отъ времени могучая сила можетъ вывести изъ рабства одинъ изъ

этихъ спутниковъ, который тогда становится проводникомъ энергіи, невѣсомымъ на практикѣ по причинѣ своей ничтожности и производящимъ въ атомѣ, оставленномъ имъ, только незначительное уменьшеніе, которому притомъ не суждено возобновиться, такъ какъ вслѣдствіе удаленія бѣглеца является излишекъ электричества, достаточный для того, чтобы защитить въ дальнѣйшемъ систему противъ всякаго новаго нападенія.

Эти малые міры атомовъ могутъ отличаться одни отъ другихъ количествомъ и траекторіями своихъ частичекъ. Естественно, что тѣ міры, которымъ химія принуждена приписать значительный атомный вѣсъ, будутъ имѣть большее количество спутниковъ; слѣдовательно, между ними найдутся необходимо такіе, которые описываютъ вокругъ общаго центра болѣе удаленныя орбиты, чѣмъ другіе. Подобно Нептуну нашей системы, они менѣе подчинены власти этого центра. Тогда понятно, что подъ извѣстнымъ вліяніемъ они получаютъ возможность избавиться отъ тяготѣнія къ своему центру. Такъ обстоитъ съ радиоактивными тѣлами, ибо установлено, что они именно и отличаются болѣе значительнымъ атомнымъ вѣсомъ, въ двѣсти разъ превосходящимъ вѣсъ водорода.

Такимъ образомъ, существуетъ только одна матерія—частичка, и одна сила—электричество. *Скрытыя свойства* Аристотеля, которыя недавно пытались снова вызвать къ жизни, могутъ быть объяснены безъ таинственности количествомъ частичекъ, размѣрами ихъ орбитъ, скоростью, развиваемой ими, и т. д.

Но самая природа частичекъ продолжаетъ все же быть достояніемъ всевозможныхъ гипотезъ. Одни разсматривали ихъ, какъ сгущенный эфиръ. Другіе съ лордомъ Кельвиномъ видѣли въ нихъ мѣсто точекъ, въ которыхъ эфиръ возбуждается къ круговому движенію, или съ Риманомъ—мѣсто точекъ, въ которыхъ эфиръ постоянно разрушается, или съ Вихертомъ и Ларморомъ—мѣсто точекъ, гдѣ эфиръ претерпѣваетъ особаго рода скручиваніе ¹⁾.

Иллюзіи, мечты воображенія, опасныя химеры! воскликнуть неумолимые логики, враги всякой теоріи, отрицающіе

¹⁾ Пуанкаре, *op. cit.*, p. 198.

по самой своей природѣ слишкомъ ясные образы, потому что они слишкомъ усердно заносили въ каталогъ гипотезы, постепенно вытѣсняемая послѣ мгновенной волны. Это возможно; однако вельзя не признать высококаго значенія этого движенія новыхъ открытій, располагающихся добровольно въ одномъ направленіи и оканчивающихся при весьма различныхъ путяхъ на одномъ и томъ же понятіи единства. Въ то же время видно, что однѣ и тѣ же математическія формулы приложимы съ одинаковою легкостью къ категоріямъ явленій, которыя прежде считались лишенными взаимной связи, и законы энергически въ своей совокупности получаютъ съ каждымъ днемъ болѣе широкое распространеніе.

Наконецъ, разсматриваніе единства становится лучшимъ *критеріемъ* для оцѣнки значенія гипотезъ. Если помимо всякаго другого доказательства концепція вращательнаго движенія нашей земли заслуживаетъ предпочтенія, то не по тому лишь, что она даетъ наиболѣе простое объясненіе наблюдаемыхъ фактовъ, но также, какъ замѣчаетъ Пуанкаре ¹⁾, по тому, что она группируетъ въ гармоничную систему понятія суточного движенія небесныхъ тѣлъ, сплюсчиваніе земли, колебанія маятника, круговращеніе циклоновъ, образованіе пассатныхъ вѣтровъ и т. д.—явленія, которыя внѣ этой концепціи не имѣли бы никакой связи между собою.

Если истинная сущность вещей продолжаетъ быть для насъ недостаточной, то можно утѣшаться мыслию, что покровъ, наброшенный на нее, позволяетъ догадываться о прекрасной гармоніи, которой она должна подчиняться. Единство, простота—вотъ, по истинѣ, высокія и благородныя концепціи! Признать, что прогрессъ науки приводитъ насъ къ нимъ, не значитъ ли указать вмѣстѣ съ тѣмъ признаки, которыми отличается высшая Мудрость, все упорядочившая?

Н. П. Ц.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ La valeur de la Science, p. 273.

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ по Харьковской епархіи.

15 Іюня

№ 11

1910 года.

Содержаніе. I. Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.—Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.—Отъ Императорской Академіи Наукъ.—Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота.—Епархіальныя извѣщенія.—Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1909—1910 учебный годъ.—Воззваніе о помощи.—Объявленіе.

I.

Письмо на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго.

*Ваше Высокопреосвященство
Милостивый Архипастырь!*

Препровождая при семь экземпляръ составленной мною книги „Родина“, удостоенной, съ соизволенія Государя Императора, посвященія Его Императорекому Высочеству Наслѣднику Цесаревичу, и списокъ другихъ моихъ учебныхъ изданій, одобренныхъ Учебнымъ Комитетомъ и Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ, —покорнѣйше прошу Вашего содѣйствія къ распространенію означенныхъ изданій въ школахъ Вашей епархіи чрезъ Епархіальныя Вѣдомости.

Вашего Высокопреосвященства покорнѣйшій слуга Членъ Совѣта Министерства Народнаго Просвѣщенія, *А. Радонежскій.*

На семь письмѣвъ резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала таковая: 1910. Мая 28. Напечатать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“ для ознакомленія духовенства и завѣдующихъ церковными школами. *А. Арсеній.*

Отъ Харьковской Духовной Консисторіи.

Харьковская Духовная Консисторія слушала переданное Его Высокопреосвященствомъ на разсмотрѣніе Консисторіи отношеніе председателя особаго комитета по сооруженію въ Н.-Новгородѣ памятника Гражданину Минину и Князю Пожарскому, въ коемъ, объяснивъ, что въ 1911 году наступитъ 300-лѣтіе знаменательныхъ событій въ жизни Россіи, когда Русская народность сѣверныхъ обла-

стей двинулась изъ Н.-Новгорода на спасеніе національной независимости Россіи и что во главѣ этого движенія въ 1611 году сталъ нижегородецъ Козьма Захарьевичъ Мивинъ-Сухорукій въ сотрудничествѣ съ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ, сообщилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, вслѣдствіе его о томъ ходатайства, во 2-й день Іюля минувшаго года, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе все-россійскаго сбора пожертвованій на предметъ сооруженія въ Н.-Новгородѣ памятника Минину и Князю Пожарскому и образованіе какъ для завѣдыванія настоящимъ сборомъ, такъ и сооруженіемъ памятника Особаго Комитета подъ его предсѣдательствомъ. Въ виду чего просить Его Высокопреосвященство не отказать въ оказаніи содѣйствія къ осуществленію означеннаго высоконаціональнаго дѣла какъ личнымъ своимъ участіемъ, такъ и участіемъ епархіи, и собранныя пожертвованія присылать ему.

Приказали: Отношеніе-письмо, на имя Его Высокопреосвященства, отъ предсѣдателя Комитета по сооруженію въ г. Н.-Новгородѣ памятника Минину и Пожарскому напечатать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, въ отдѣлѣ Епархіальныхъ извѣстій, къ свѣдѣнію духовенства, съ присовокупленіемъ, что пожертвованія на означенный предметъ могутъ быть отправляемы самими жертвователями означенному комитету, на имя предсѣдателя онаго, г. нижегородскаго Губернатора.

Отъ Императорской Академіи Наукъ.

Императорская Академія Наукъ, имѣя въ виду исполняющееся 8-го ноября 1911 года двухсотлѣтіе со дня рожденія Ломоносова, постановила ознаменовать этотъ юбилей, между прочимъ, изданіемъ особаго Ломоносовскаго Сборника, въ которомъ будутъ напечатаны статьи, касающіяся жизни и научной и литературной дѣятельности Ломоносова, составленіемъ особаго Ломоносовскаго Отдѣла при Библиотекѣ, а также устройствомъ Выставки „Ломоносовъ и Елизаветинское время“. На Выставкѣ этой будутъ собраны портреты великаго Русскаго ученаго, его семьи и современниковъ, его покровительницы—Императрицы Елисаветы Петровны и ея сотрудниковъ, а также представлено все Елисаветинское время въ наиболѣе крупныхъ его культурныхъ событіяхъ, такъ или иначе связанныхъ съ именемъ Ломоносова, какъ, на примѣръ: основаніе Московскаго Университета, Академіи Художествъ и гимназій въ Москвѣ и Казани, начало Русской

журналистики, русскаго драматическаго и опернаго театра, основаніе Морскаго Корпуса, начало мозаичнаго дѣла, изданіе первой Библии, упорядоченіе домашняго воспитанія и т. д.

Подготовительныя работы къ составленію Ломоносовскаго Отдѣла, изданію Ломоносовскаго Сборника и по устройству Выставки уже начаты Академіею въ лицѣ особой Коммиссіи.—Коммиссія, сознавая всю сложность намѣченныхъ предположеній, постановила, въ послѣднемъ засѣданіи своемъ, обратиться, при посредствѣ повременной печати, ко всѣмъ лицамъ, которыя, обладая рукописями Ломоносова или документами, его касающимися, или же предметами, подходящими къ задачамъ Выставки (какъ-то: книгами, портретами, художественными вещами, рукописями и т. п.), могли бы сообщить Академіи или самыя предметы, или свѣдѣнія о нихъ.

Академія глубоко убѣждена, что Русскому обществу дорога память о Ломоносовѣ, и что Академія встрѣтитъ общее сочувствіе и содѣйствіе осуществленію достойнаго чествованія памяти великаго Русскаго ученаго.

Сообщенія слѣдуетъ обращать по адресу: С.-Петербургъ, въ Императорскую Академію Наукъ, Непремѣнному Секретарю.

Примѣчаніе. На основаніи Высочайше утвержденнаго 22 Апрѣля 1906 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта: „1. Императорской Академіи Наукъ предоставляется, сверхъ установленныхъ дѣйствующими постановленіями льготъ въ отношеніи почтовыхъ отправленій, право пересылки, безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ, посылокъ въ закрытой—мягкой или твердой—упаковкѣ, со всякаго рода вложеніемъ, вѣсомъ до одного пуда. 2. Такія же (см. 1) посылки, а также закрытыя письма вѣсомъ до одного фунта, адресованныя на имя Академіи Наукъ, принимаются на почту безъ оплаты вѣсовымъ сборомъ“.

Отъ Отдѣла Воздушнаго Флота ВЫСОЧАЙШЕ учрежденнаго Особаго Комитета по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія.

Съ соизволенія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, Комитетъ по усиленію военнаго флота на добровольныя пожертвованія вновь приступилъ къ сбору пожертвованій—въ настоящее время, согласно волѣ жертвователей, на воздушный флотъ.

Комитетъ надѣется, что всѣ, кому дорога военная мощь Россіи, понесутъ свои копейки и рубли на дѣло созданія воздушнаго флота, которому въ будущей войнѣ суждено рѣшить исходъ борьбы.

Воздушный флотъ, создаваемый Комитетомъ, въ мирное время будетъ оставаться собственностью жертвователей; Комитетъ подго-

товляетъ личный составъ, и только во время войны этотъ воздушный флотъ будетъ переходить въ распоряженіе военнаго или морскаго вѣдомства.

На созданіе воздушнаго флота Комитетомъ, согласно волѣ жертвователей, обращенъ весь остатокъ отъ прежнихъ пожертвованій въ суммѣ около 900.000 р. Вновь пожертвованій поступило—33.000 р.

Комитетъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы каждая копейка была бы использована наилучшимъ образомъ.

Комитетъ всѣми силами будетъ стараться, обзаведясь теперь же наилучшими образцами заграницей, дальнѣйшую постройку флота производить въ Россіи.

Въ настоящее время Комитетомъ уже заказаны 9 аэроплановъ слѣдующихъ системъ: Антуанеттъ (1), Блеріо (2), Зоммеръ (2), Теллье (1) и Фарманъ (3); личный составъ (6 офицеровъ и 6 нижнихъ чиновъ) обучается на заводахъ, гдѣ заказаны аппараты.

Добровольныя пожертвованія принимаются въ С.-Петербургѣ, въ Управленіи Дѣлами Почетнаго Предсѣдателя Комитета Великаго Князя Михаила Александровича, (Галерная, 38), въ Конторѣ Двора Предсѣдателя Комитета Великаго Князя Александра Михайловича (Офицерская, 35), въ Конторахъ и Отдѣленіяхъ Государственнаго Банка, Казначействахъ, во всѣхъ Государственныхъ Сберегательныхъ Кассахъ, въ Волжско-Камскомъ Коммерческомъ Банкѣ и его Отдѣленіяхъ, въ Московскомъ Купеческомъ Банкѣ и его Конторахъ, въ Конторахъ газетъ „Новое Время“ (СПБ., Невскій, 40), и „Русское Слово“ (Москва, Тверская, 48).

Въ цѣляхъ упрощенія взноса пожертвованій и пересылки ихъ въ Кассу Комитета въ С.-Петербургъ, Комитетъ имѣетъ въ С.-Петербургской Конторѣ Государственнаго Банка условный текущій счетъ № 34359 и кромѣ того, основываясь на практикѣ истекшей шестилѣтней дѣятельности своей, разсылаетъ квитанціонныя книжки во всѣ учрежденія правительственныя, воинскія, сословныя и общественныя, которыя пожелаютъ оказать содѣйствіе на мѣстахъ этому народному дѣлу.

Защищать родину отъ нападенія враговъ жизнью, дѣломъ или средствами есть священное право cadaго вѣрнаго ея сына, богатаго и бѣднаго, сильнаго и слабаго. Комитетъ, обращаясь ко всѣмъ жителямъ необъятной Россіи, безъ различія вѣры, званія и пола, проситъ принести посильную жертву на воздушный флотъ Россіи, на защиту славы и могущества Отечества.

Епархіальныя извѣщенія.**1) Обь опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.**

а) Діаконъ Успенской церкви, слоб. Сватовой Лучки, Купянского уѣзда, Іаковъ *Макухинъ* опредѣленъ 5 Іюня на священническое мѣсто при Рождество-Богородичной церкви, слоб. Ковяговъ, Валковскаго уѣзда.

б) Сверхштатный и. д. псаломщика Троицкой церкви, слободы Поповки, Богодуховскаго уѣзда, Павелъ *Стесенко* опредѣленъ 19 Мая на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, села Верхопожви, Ахтырскаго уѣзда.

в) Пѣвчій Харьковскаго Архіерейскаго хора Димитрій *Дюковъ* опредѣленъ 31 Мая и. д. псаломщика при Петро-Павловской церкви Андреевскаго исправительнаго арестантск. отдѣл., Зміевскаго уѣзда.

2) О перемѣщеніи священно-церковно-служителей.

а) Священникъ Николаевской церкви, слоб. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда, Іоаннъ *Поповъ* перемѣщенъ 29 Мая на священническое мѣсто при Спасской церкви Харьковскаго училища слѣпыхъ.

б) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Ковягъ, Валковскаго уѣзда, Андрей *Лукинъ* перемѣщенъ 4 Іюня на 2-е священническое мѣсто при церкви слободы Каплуновки, Богодуховскаго уѣзда.

в) Священникъ Николаевской церкви, слободы Коломака, Валковскаго уѣзда, Василій *Евецкій* перемѣщенъ 5 Іюня на священническое мѣсто при Николаевской церкви слоб. Новой Водолаги, Валковскаго уѣзда.

г) И. д. псаломщика Николаевской церкви, села Крысина Яра, Богодуховскаго уѣзда, Θεодоръ *Заводовскій* перемѣщенъ на псаломщицкое мѣсто при Преображенской церкви, сл. Межирича, Лебединскаго уѣзда, 26 Мая.

д) Псаломщикъ Архангело-Михайловской церкви, сл. Казачьей Лопани, Харьковскаго уѣзда, Василій *Поповъ* перемѣщенъ Іюня н. г. на псаломщицкое мѣсто при Іоанно-Богословской церкви, села Ивановки, Харьковскаго уѣзда.¹⁾

3) Обь увольненіи за штатъ.

а) Псаломщикъ Петро-Павловской церкви, при Андреевскомъ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи, Зміевскаго уѣзда, Иванъ *Троицкій* уволенъ, согласно прошенію, за штатъ 23 Мая.

б) Псаломщикъ Преображенской церкви, слободы Межирича, Лебединскаго уѣзда, Димитрій *Заводовскій*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 26 Мая.

в) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Волоховки, Волчанскаго уѣзда, Николай *Сидоровъ*, согласно его прошенію, уволенъ за штатъ 28 Мая.

4) Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Рождество-Богородичной церкви, сл. Шуликиной, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 19 Мая старостою крестьянинъ Иванъ *Лысакъ*.

б) Къ Николаевской церкви, слоб. Николаевки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 21 Мая старостою крестьянинъ Петръ *Плясуля*.

в) Къ Екатерининской церкви, слободы Авниной, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 25 Мая старостою крестьянинъ Прокопій *Гордіенко*.

г) Къ Троицкой церкви, слоб. Стеблявокъ, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 27 Мая старостою крестьянинъ Петръ *Фурдыла*.

д) Къ Николаевской церкви, сл. Калмыковки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 27 Мая старостою крестьянинъ Іассонъ *Евфименко*.

е) Къ Успенской церкви, слободы Балаклеи, Зміевскаго уѣзда, утвержденъ 28 Мая старостою крестьянинъ Владиміръ *Дужинъ*.

ж) Къ Покровской церкви, сл. Гнилицы, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 27 Мая старостою крестьянинъ Ілія *Бабай*.

з) Къ Благовѣщенской церкви, слободы Благодатной, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 27 Мая старостою крестьянинъ Иванъ *Курьильченко*.

і) Къ Покровской церкви, слоб. Городища, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 29 Мая старостою крестьянинъ Димитрій *Филиппенко*.

к) Къ Петро-Павловской церкви, слоб. Вертѣвки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 4 Іюня старостою крестьянинъ Трофимъ *Дьяченко*.

л) Къ Успенской церкви, города Ахтырки, утвержденъ 3 Іюня старостою купецъ 2-й гильдіи Петръ *Бойко*.

м) Къ Вознесенской церкви, слоб. Цпотино^ю, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 3 Іюня старостою крестьянинъ Александръ *Шпота*.

5) Объ утвержденіи въ должности законоучителей.

Священникъ Рождество-Богородичной церкви, города Чугуева Зміевскаго уѣзда, Димитрій *Яновскій* назначенъ 24 Мая законоучителемъ новооткрытой Чугуевской женской Гимназіи.

6) О необходимости для лицъ, желающихъ держать испытанія на полученіе сана діакона, имѣть званіе учителя церковно-приходскихъ школъ.

Въ предложеніи Его Высокопреосвященства, данномъ Консistorіи 31 Мая 1910 года, изложено слѣдующее: „Консistorія объявитъ по епархіи, что лица, подающія прошенія о держаніи экзамена на санъ діакона, должны представлять при прошеніяхъ удостовѣренія, что они выдержали экзаменъ на псаломщика и имѣютъ званіе учителя церковно-приходской школы. Безъ сего они не будутъ допускаемы до экзамена на діакона и тѣмъ болѣе на священника“.

7) О порядкѣ представленія къ Высочайшимъ наградамъ, жалуемымъ по статуту.

Въ отношеніи Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 14 Апрѣля 1910 г. за № 3643 на имя Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, изложено слѣдующее: 1) „Бывшій Оберъ-Прокуроръ Св. Синода, Статсъ-Секретарь К. П. Побѣдоносцевъ циркулярнымъ отношеніемъ на имя Епархіальныхъ Преосвященныхъ, отъ 27 Мая 1905 года за № 4226, сообщилъ, что 1) на основаніи Высочайшаго повелѣнія отъ 9-го Апрѣля 1905 года Епархіальнымъ Преосвященнымъ надлежитъ впредь вносить представленія о награжденіи всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ чиновъ, занимающихъ классныя должности, до 5 класса включительно, орденами св. Владимира и св. Анны, жалуемыми по статуту сихъ орденовъ не за особія отличія, а за выслугу узаконенныхъ сроковъ, а равно и знакомъ отличія безпорочной службы—непосредственно въ Капитуль орденовъ и 2) что порядокъ награжденія помянутыми орденами лицъ духовнаго званія, пріобрѣвшихъ право на полученіе таковыхъ, на основаніи п.п. 15, 16 и 17 ст. 459 Учр. Орд. и др. знакам. отл. Св. Зак. Т. 1 ч. II изд. 1892 г., остается прежній—именно по удостоенію Св. Синода.

Между тѣмъ вопреки требованію приведеннаго Высочайшаго повелѣнія (вошло въ ст. 41 Учр. Орд. и др. знак. отл., Т. I, ч. II. Св. Зак. по продолж. 1906 г.), отъ многихъ епархіальныхъ начальствъ представленія о награжденіи по статуту за выслугу узаконенныхъ сроковъ продолжаютъ поступать не непосредственно въ Капитуль Орденовъ, а къ Оберъ-Прокурору Св. Синода; кромѣ того, представленія эти не сообразуются и съ установленными помянутымъ повелѣніемъ сроками для внесенія оныхъ въ Капитуль. По силѣ

сего повелѣнія Капитулъ Орденонъ разсматриваетъ въ каждомъ году только тѣ представленія о награжденіи орденами св. Владиміра и св. Анны по статуту сихъ орденонъ и знакомъ отличія безпорочной службы, которыя поступили: а) о награжденіи первымъ изъ нихъ — до 15 Юля, б) о награжденіи вторымъ — до 1 Ноября и в) о награжденіи третьимъ — до 1 Юня даннаго года; представленія, доставленныя по истеченіи сихъ сроковъ, Капитулъ оставляетъ для разсмотрѣнія на слѣдующій годъ (Св. Зак. Т. I, ч. II. Учр. Орд. и друг. знак. отл. по прод. 1906 г. ст. 41).

Принимая во вниманіе, что несоблюденіе изъясненныя условій представленія къ награжденію орденами св. Владиміра и св. Анны по статуту за выслугу лѣтъ и знаками отличія безпорочной службы вызываетъ напрасную переписку, а иногда и необходимость оставленія наградныхъ представленій для разсмотрѣнія на слѣдующій годъ, имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Высокопреосвященство сдѣлать подвѣдомымъ Вамъ учрежденіямъ надлежащее по настоящему предмету разъясненіе“.

8) Объ утвержденіи и. д. псаломщиконъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Покровской церкви, слободы Терновъ, Лебединскаго уѣзда, Тимоеѣй *Михайловскій* утвержденъ въ должности псаломщика 28 Мая.

и б) И. д. псаломщика Соборной церкви, города Валокъ, Андрей *Чернуха* утвержденъ 28 Мая въ должности псаломщика.

9) Вакантныя мѣста:

а) Священническія:

При Кресто-Воздвиженской церкви, гор. Харькова.

— Алексѣевской церкви, села Курульки, Изюмскаго уѣзда.

— Николаевской церкви, сл. Коломака, Валковскаго уѣзда.

б) Діаконскія:

При Харьковской Николаевской церкви.

— Архангело-Михайловской ц., сл. Шебелинки, Зміев. уѣзда.

— Успенской церкви, сл. Сватовой Лучки, Купянск. уѣзда.

и в) Псаломщицкія:

При Успенской церкви, сл. Хотѣни, Сумскаго уѣзда.

— Архангело-Михайловской ц., г. Краснокутска, Богодухов. у.

— Іоанно-Предтеченской церкви, с. Знаменскаго, Изюмскаго у.

- При Петро-Павловской церкви, сл. Петропавловки, Купянского у.
 — Соборной Успенской цер., гор. Богодухова.
 — Рождество-Богород. цер., сл. Мартовой, Волчан. уѣз.
 — Петро-Павловской цер., сл. Петропавловки, Волчанскаго у.
 — Троицкой церкви, города Харькова.
 — Казанской церкви, с. Ильмовъ, Сумскаго уѣзда.
 — Рождество-Богородичной церкви, сл. Алексѣевки, Сумскаго у.
 — Всѣхсвятской церкви, гор. Славянска, Изюмскаго уѣзда.
 — Николаевской церкви, села Крысина Яра, Богодух. уѣзда.
 — Рождество-Богородичной церкви, сл. Волоховки, Волчан. у.
 — Архангело-Михайл. цер., сл. Казачьей Лопани, Харьковскаго у.

Списокъ лицъ, служащихъ въ Сумскомъ духовномъ училищѣ за 1909-1910 учебный годъ.

Смотритель училища, Протоіерей Аркадій Ѳедоровичъ *Грузовъ*, кандидатъ богословія; имѣеть ордена: св. Анны 2-й ст., св. Анны 3-й ст. и св. Станислава 3-й ст., наперсный крестъ, камилавку, серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III и знакъ Краснаго Креста. По окончаніи курса наукъ въ Московской дух. академіи въ 1876 г. со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь устному испытанію, состоялъ преподавателемъ: исторіи въ Московскомъ Комисаровскомъ техническомъ училищѣ (1876—1886 г.), исторіи, географіи и педагогики въ Александро-Маріинскомъ и Маріинскомъ женскихъ училищахъ въ Москвѣ, вѣдомства Императрицы Маріи (1875—1890). Въ 1890 г. рукоположенъ во священника-настоятеля Вознесенской церкви сл. Песокъ, при г. Изюмѣ; съ 24 іюня 1892 г. назначенъ смотрителемъ училища.

Помощникъ Смотрителя, священникъ Василій Николаевичъ *Яновскій*, кандидатъ богословія, имѣеть камилавку. По окончаніи курса наукъ въ Московской дух. Академіи со степенью кандидата богословія и съ правомъ на полученіе степени магистра, по представленіи диссертациі, былъ надзирателемъ въ Лубенскомъ дух. училищѣ (1896 г. май—ноябрь), преподавателемъ ариѳметики и географіи въ Сумскомъ духовномъ училищѣ (1896—1902 г.). Рукоположенъ во священника къ Харьковскому Каѳедральному Успенскому Собору въ 1902 г. Состоялъ преподавателемъ географіи въ Харьк. Епарх. женскомъ училищѣ (1902—1910 г.). Съ 15 февраля 1910 г. назначенъ на должность помощника смотрителя Сумскаго духовнаго училища.

Преподаватели:

1. Русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ старшихъ классахъ, надв. совѣтн., кандидатъ богословія, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ *Горайнъ*; по окончаніи курса въ С. Петербургской духовной академіи со степенью кандидата богословія и правомъ искать степени магистра, не подвергаясь новому устному испытанію, назначенъ 3 октября 1902 г. учителемъ Сумскаго духовнаго училища.

2. Старшій учитель—учитель русскаго языка съ церковно-славянскимъ въ 1 классѣ, надворн. совѣтн., Владиміръ Васильевичъ *Сукачевъ*, имѣеть ордена: Св. Анны 3 ст. и Св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III. Въ 1880 году окончилъ курсъ ученія въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента; съ 9 ноября 1880 г.—учитель латинскаго языка въ Ахтырскомъ, нынѣ Сумскомъ духовномъ училищѣ; 19 августа 1885 года—преподаватель русскаго и церковно-славянскаго языковъ.

3. Греческаго и латинскаго языковъ, коллежск. совѣтн., кандидатъ богословія Алексѣй Михайловичъ *Литкевичъ*; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Окончилъ курсъ ученія въ Московской духовной академіи въ 1897 году, съ 15 августа 1898 года состоялъ въ должности надзирателя—репетитора Харьковской духовной семинаріи; 12 сентября 1899 года назначенъ учителемъ греческаго языка Сумскаго дух. училища; съ 30 января 1909 года учитель греческаго и латинскаго языковъ. Съ 1 марта 1906 года состоитъ членомъ—дѣлопроизводителемъ училищнаго Правленія.

4. Ариеметики, географіи и природовѣдѣнія—статскій совѣтникъ, канд. богословія, Александръ Митрофановичъ *Серебренницкій*, имѣеть орденъ св. Анны 3-й ст. По окончаніи курса наукъ въ Московской дух. Академіи со степенью кандидата богословія былъ учителемъ приг. класса Полоцкаго дух. училища (съ 1892 г.), учителемъ русскаго и церковно-славянскаго языковъ въ Витебскомъ дух. училищѣ (1893—1909). Преподавалъ церковное пѣніе въ Витебскомъ дух. училищѣ (съ 1893 по 1907 г.). 28 мая 1909 г. назначенъ учителемъ ариеметики, географіи и природовѣдѣнія въ Сумское духовное училище.

5. Церковнаго пѣнія (онъ же надзиратель—репетиторъ 3-го класса и письмоводитель Правленія училища) окончившій курсъ семинаріи, кол. ассес., Павелъ Кирилловичъ *Карповъ*. По окончаніи въ 1902 году курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи, съ 1 сентября того же года опредѣленъ на настоящія должности.

6. Приготовительнаго класса (онъ же учитель музыки), надворн. совѣтн., Василій Васильевичъ *Покровскій*, имѣеть ордена: Св. Анны 3 ст., Св. Станислава 3 ст. и серебряную медаль въ память царствованія Императора Александра III; въ 1886 г. окончилъ курсъ наукъ въ Харьковской духовной семинаріи и удостоенъ званія студента, съ 10 февраля 1887 года надзиратель—репетиторъ Ахтырскаго, нынѣ Сумскаго духовнаго училища, 5-го августа того же года опредѣленъ учителемъ приготовительнаго класса.

Надзиратели-репетиторы училища.

4-го класса—студентъ семинаріи, надв. сов., Сергій Яковлевичъ *Сушковъ*; имѣеть орденъ Св. Станислава 3 ст. Окончилъ курсъ въ Харьковской духовной семинаріи въ 1893 году, въ настоящей должности съ 10 марта 1894 года.

2-го класса—студентъ семинаріи, кол. ассес., Леонидъ Дмитріевичъ *Лазаревъ*. По окончаніи въ 1903 году курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи, 1-го сентября того же года опредѣленъ на настоящую должность. Съ 1904 года состоитъ законоучителемъ Сумской женской школы грамотности Сумскаго Комитета, и съ 1908 года—законоучителемъ Сумскаго городского приходскаго училища.

1-го класса—коллежскій секрет., Иванъ Николаевичъ *Булгаковъ*. По окончаніи въ 1903 году курса наукъ въ Курской духовной семинаріи, съ 1-го сентября того же года утвержденъ въ настоящей должности. Съ 1903 года состоитъ законоучителемъ Сумской Троицкой церковно-приходской школы.

Приготовительнаго класса—и учитель чистописанія, коллежскій секретарь, Дмитрій Александровичъ *Грызодубовъ*. По окончаніи въ 1903 году курса наукъ въ Харьковской духовной семинаріи, съ 1-го сентября того же года по 28 октября 1905 года состоялъ учителемъ Ахтырской Соборно-Покровской церковно-приходской школы. Въ настоящей должности утвержденъ 28 октября 1905 года. Съ 12 февраля 1906 года по 1 сентября 1907 года состоялъ законоучителемъ Сумской Пророко-Ильинской церковно-приходской школы.

Воззваніе о помощи.

31 прошлаго марта, въ 7^{1/2} часовъ веч., въ с. Выспихъ Верещакахъ, Чигиринскаго у., Кіевской губ., въ своей квартирѣ, въ присутствіи всей семьи и прислуги, убитъ мѣстный священникъ о. Мих. Вироцкій тремя работниками-крестьянами, вооруженными револьверами и кинжалами. Выстрѣловъ было одиннадцать, а смертельныхъ ранъ четыре. Причиною нападенія послужили слухи, что покойный,

возвратившись въ тотъ день изъ Кіева, привезъ съ собою 15 тысячъ рублей на окончаніе постройки новой церкви, о которыхъ онъ еще только хлопоталъ, сдѣлавшись такимъ образомъ жертвой ошибки. Разбойники ушли, ничѣмъ не воспользовавшись. Покойникъ оставилъ жену съ шестью малолѣтними сиротами, въ возрастѣ отъ 4-хъ мѣсяцевъ до 13 лѣтъ, изъ числа коихъ одинъ 8 лѣтъ глухо-нѣмой-идіотъ, а двое учатся въ духовныхъ училищахъ. Имущество все опѣнено благочиннымъ въ 300 руб., а долговъ оказалось 836 р., которые затрачены на лѣченіе несчастнаго идіота и воспитаніе дѣтей въ текущемъ году.

Итакъ новая жертва долга, а вмѣстѣ съ нею новое горе, новые вопли вдовы и сиротъ!.. И это горе, эти слезы такъ велики, что и выразить трудно, ибо что можетъ быть безотраднѣе положенія вдовы священника съ шестью малолѣтними сиротами не только безъ всякихъ средствъ къ жизни, но еще обремененной долгами!.. Но неужели слезы, горе и нужда безысходная не тронутъ сердце дорогихъ собратій нашихъ во Христѣ? Неужели мы, пастыри и проповѣдники милосердія и любви христіанской, не придемъ на помощь несчастной вдовѣ своего же брата священника и ея сиротамъ? Да не будетъ! Ихъ слезы вопіютъ на небо и низведутъ на жертвователей и благотворителей благословеніе небесное, ибо горячая молитва и искренняя благодарность пострадавшихъ будутъ всегдашними спутниками всѣхъ добрыхъ и отзывчивыхъ людей. Поспѣшимъ же, отцы и братіе, съ посильною помощію, отремъ слезы горемычной вдовы и сиротъ.

Протянемъ руку помощи удрученнымъ горемъ и нуждой и не дадимъ имъ погибнуть голодною смертію.

Желательно, чтобы и другія періодическія изданія перепечатали это воззваніе.

Пожертвованія, для передачи по назначенію, просимъ направлять въ редакцію журнала „Дух. Бесѣды“,—по адресу: Павлочь, Кіевской губ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Е .

По распоряженію Его Высокопреосвященства отъ 17 Мая 1910 г. за № 2927, Харьковская Духовная Консисторія рекомендуетъ для приходскаго Епархіальнаго духовенства составленную Рязанскимъ Епархіальнымъ Епископомъ Никодимомъ брошюру „Исторія Спасенія во Иисусѣ Христѣ“, стоимостью 5 коп.; выписывать отъ автора—изъ канцеляріи Епископа Рязанскаго и Зарайскаго Никодима.

II.

Содержаніе. Четыре рѣчи, произнесенныя при обсужденіи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ. Члена Государственнаго Совѣта Протоіерея Т. И. Буткевича.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Посѣщеніе Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи.—Иноепархіальный отдѣлъ. Пастырское посланіе Преосвященнаго Серафима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Способъ распознаванія мнимо-умершихъ.—Самоубійство княжны Хилковой.—Объявленія.

Четыре рѣчи члена Государственнаго Совѣта Протоіерея Т. И. Буткевича, произнесенныя при обсужденіи законопроекта о старообрядческихъ общинахъ.

I.

Ваше Высокопревосходительство, гг. члены Государственнаго Совѣта! Я не намѣренъ говорить ни о значеніи Православной Церкви, какъ Церкви господствующей или первенствующей въ нашей Имперіи, ни о ея правахъ и привилегіяхъ; не буду вдаваться и въ тонкости разсужденія о томъ, гдѣ предѣлы и есть ли предѣлы свободы совѣсти. Объ этомъ достаточно высказались предшествующіе ораторы. Не буду на сей разъ останавливаться и на тѣхъ многозначительныхъ фактахъ, о которыхъ хотѣлъ бы отъ меня выслушать лѣтописное сказаніе высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ Николай Варшавскій. Объ этомъ я скажу еще въ свое время. Въ настоящій разъ я желаю высказать предъ вами лишь свой взглядъ на общій характеръ разсматриваемаго нами законопроекта о старообрядческихъ общинахъ и оцѣнить, главнымъ образомъ, его практическое значеніе и его цѣлесообразность.

Чтобы судить о томъ, насколько этотъ законъ цѣлесообразенъ и какихъ практическихъ результатовъ отъ него можно ожидать, для этого, очевидно, прежде всего нужно было бы знать нужды самаго старообрядчества, которыми онъ вызванъ. Законопроектъ этотъ имѣетъ свою исторію и потому исторія была бы въ этомъ отношеніи лучшимъ нашимъ учителемъ и руководителемъ. Но и въ область исторіи я вдаваться не буду, ибо это потребовало бы отъ меня далеко не тѣ 30 минутъ, на которыя я имѣю право расчи-

тывать на этой трибунѣ по нашему Наказу; да при томъ же, вѣдь очень можетъ быть, что въ настоящее время старообрядцы предъявляютъ уже совершенно иныя требованія, чѣмъ тѣ о которыхъ они мечтали въ 19-мъ, 18-мъ, а тѣмъ болѣе—въ 17-мъ столѣтіяхъ. Не могу я не указать здѣсь только на одинъ урокъ, преподаваемый исторіею. Со временъ Петра Великаго каждый изъ нашихъ Монарховъ, вступая на всероссійскій престолъ, торжественно объявлялъ о дарованіи старообрядцамъ самыхъ широкихъ правъ религіозной свободы и различныхъ льготъ; но спустя нѣкоторое время каждый Императоръ видѣлъ себя вынужденнымъ издавать иныя распоряженія, уже, дѣйствительно, въ значительной мѣрѣ, стѣснявшія свободу религіозной совѣсти старообрядцевъ. Явленіе это чрезвычайно интересное и въ высшей степени поучительное. Его признаютъ и сами старообрядцы. Извѣстный апологетъ старообрядчества, Мельниковъ, на Нижегородскомъ, VI-мъ всероссійскомъ старообрядческомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Августѣ мѣсяцѣ 1906 года, въ очень обстоятельномъ докладѣ изложилъ его исторію и призналъ фактъ, на который я указываю; но объясненія его мнѣ кажутся странными и совершенно невѣрными. Неодинаковыя отношенія русскаго правительства къ старообрядцамъ Мельниковъ объясняетъ самою сущностью нашего государственнаго строя—Самодержавіемъ, по которому законы будто бы зависятъ просто отъ произвола или каприза правительственной власти. „Пока у насъ останется нашъ государственный, самодержавный строй,—сказалъ онъ въ заключеніе,—никто не помѣшаетъ льготы, данныя намъ Николаемъ II-мъ, отнять у насъ ему же или Алексѣю II-му“. Поэтому Мельниковъ убѣждалъ своихъ единовѣрцевъ стоять за упраздненіе Самодержавія. Я говорю это на основаніи подлинныхъ протоколовъ VI всероссійскаго старообрядческаго нижегородскаго съѣзда, которые напечатаны въ старообрядческомъ органѣ „Старообрядецъ“, издававшемся самимъ епископомъ старообрядческимъ Иннокентіемъ Усовымъ въ 1906 году. Сказанное мною вы можете прочесть на страницѣ 698. Но я долженъ засвидѣтельствовать, что безпристрастные и серьезные историки, не только русскіе, но и иностранные, напр., Прицмайеръ, Герингъ и др. и даже наши заграничные эмигранты, какъ Кельсіевъ, совершенно

иного мнѣнія о поведеніи нашего правительства въ отноше-
ніи къ расколу и объясняютъ его не самопротиворѣчіемъ
или произволомъ правительственныхъ лицъ, а самою сущ-
ностью и характеромъ старообрядчества. Считаая старообряд-
ческія общины только религіозными корпораціями, прави-
тельство относилось къ нимъ со всею снисходительностію;
но встрѣчая въ нихъ оппозицію своимъ начинаніямъ на со-
ціально-политической почвѣ, оно предпринимало противъ
нихъ стѣснительныя мѣры.

Впрочемъ, я долженъ сказать и о современномъ намъ
правительствѣ: оно съ особенною гуманностію и рѣдкою пре-
дупредительностію всегда относилось и нынѣ относится къ
старообрядчеству; оно относится къ нему такъ внимтаельно,
какъ не относится ни къ какому другому корпоративному ин-
ституту среди населенія Россійской Имперіи. Только что
поступившій въ Государственную Думу проэктъ университет-
скаго устава составленъ правительствомъ безъ участія профес-
соровъ и университетскихъ администраторовъ. Я не осуждаю
правительства, но констатирую лишь фактъ. Когда мы обсу-
ждали законопроектъ объ улучшеніи крестьянскаго земле-
владѣнія и землепользованія, мы крестьянъ не спрашивали
ни о чемъ, хотя ихъ на Руси—милліоны. Съ рабочими и
прикащиками; судьбу которыхъ мы теперь рѣшаемъ, мы
также не вели никакихъ предварительныхъ переговоровъ.
Но въ отношеніи старообрядцевъ законодательство держитъ
себя иначе. Предъ каждымъ своимъ распоряженіемъ отно-
сительно ихъ наше правительство всегда обращалось къ
нимъ и предупредительно спрашивало: „что вамъ нужно?
чего вы желаете?“

Въ Бозѣ почивающій Государь Императоръ Александръ III
даровалъ старообрядцамъ такія широкія права религіозной
свободы, какихъ они до него еще никогда не имѣли: общи-
ны ихъ были признаны дозволенными; имъ предоставлено
было право невозбранно совершать общественныя богомоле-
нія, отправлять духовныя требы и совершать богослуженіе
по ихъ обрядамъ; вмѣстѣ съ тѣмъ были отмѣнены и всѣ
гражданскія ограниченія. Старообрядцы въ своей массѣ по-
лучили полное удовлетвореніе и никакихъ дальнѣйшихъ же-
ланій въ этомъ отношеніи болѣе не заявляли. Но къ концу
прошедшаго царствованія среди нихъ появился особый видъ

интеллигенціи, начавшій быстро увеличиваться въ своемъ количествѣ и пожелавшій играть въ политику. Этимъ лицамъ оказалось дарованныхъ правъ мало. Выдавая себя за представителей всего старообрядчества, они, въ видѣ различнаго рода депутацій, стали осаждать правительственныхъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ своими многочисленными петиціями о расширеніи правъ для старообрядцевъ.

Въ 1900 г., во время пребыванія Государя Императора въ Ливадіи, Его Величеству было подано прошеніе, подписанное 49,500 старообрядцевъ. Конечно, здѣсь были подписи не только живыхъ или умершихъ, но и никогда не существовавшихъ лицъ. Провѣркою ихъ никто не занимался. Но особенно сильное движеніе среди старообрядцевъ стало замѣтнымъ послѣ изданія манифеста 26 февраля 1903 г. „объ укрѣпленіи завѣтовъ вѣротерпимости, начертанныхъ въ основныхъ законахъ Имперіи“. Старообрядцы представили министру внутреннихъ дѣлъ цѣлый рядъ ходатайствъ. Впрочемъ, первоначально они просили только о распечатаніи алтарей въ часовняхъ Рогожскаго кладбища въ Москвѣ и только въ одномъ прошеніи указывали на общую неудовлетворительность дѣйствующаго законодательства о раскольникахъ, причемъ обѣщали послѣднее ходатайство подкрѣпить 50,000 подписей. Для собранія этихъ подписей агитаторами старообрядчества были командированы особые уполномоченные во всѣ раскольничьи центры; но хлопоты ихъ не увѣнчались успѣхомъ: на происходившемъ въ августѣ мѣсяцѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ съѣздѣ раскольническихъ „попечителей“ возникли рѣзкія несогласія относительно предѣловъ предположенныхъ ходатайствъ и ихъ текста.

Между тѣмъ правительство, желая ознакомиться съ дѣйствительными религіозными нуждами старообрядцевъ, командировало гофмейстера Б. В. Штюрмера въ самые центры старообрядчества—въ Москву, Нижній-Новгородъ, Казань, Керженскіе скиты и т. п. Гофмейстеръ Штюрмеръ, основательно изучившій на мѣстахъ старообрядчество во всѣхъ его видахъ и лично ознакомившійся съ его религіозными нуждами, представилъ правительству свое заключеніе,—что всѣ упомянутыя мною ходатайства, возбужденныя предъ правительствомъ отъ имени старообрядцевъ, въ большей или меньшей степени, фивиктивны, не могутъ быть признаны вы-

раженіемъ пожеланій всей массы раскольниковъ, что основная масса раскольниковъ не имѣетъ никакихъ стремленій къ обособленію, не заявляетъ сама по себѣ никакихъ ходатайствъ и едва ли мечтаетъ о какихъ либо новыхъ для себя льготахъ, вполнѣ удовлетворяясь тѣми, которыя даны ей Императоромъ Александромъ III въ законѣ 3 мая 1883 года, — что всякое движеніе по пути расширенія этихъ льготъ является лишь слѣдствіемъ агитаціи со стороны уже несомнѣнно успѣвшей народиться раскольнической интеллигенціи, политикановъ или тѣхъ безпокойныхъ элементовъ по преимуществу австрійскаго толка, которые уже многими поступками проявили свои дерзкія мечтанія объ образованіи государства въ государствѣ, подобно образованной уже ими церкви въ церкви, — дѣломъ агитаціи враговъ не только православія, но и государственнаго единства, грозящихъ достаточно опредѣленной опасностью политическаго характера.

Въ это время Россія подверглась тяжелому испытанію. Началась роковая разруха: тяжелыя неудачи несчастной войны, ужасы такъ называемаго „освободительнаго движенія“, растерянность правительства. Старообрядческіе агитаторы и политиканы съ необычайною ловкостію воспользовались несчастною годиною отечества. Правительство было прямо атаковано ихъ безчисленными ходатайствами, петиціями и резолюціями старообрядческихъ съѣздовъ и „соборовъ“. По заключенію VI-го всероссійскаго старообрядческаго съѣзда, русское правительство, „въ надеждѣ заглушить недовольство и ропоть въ народѣ (?), предотвратить взрывъ народнаго гнѣва (?) и отсрочить свое паденіе (!)“, увидѣло себя вынужденнымъ во всемъ идти на встрѣчу митинговымъ ходатайствамъ старообрядческихъ политикановъ, принявъ ихъ за дѣйствительныхъ представителей старообрядческой массы. 16 апрѣля 1905 г. прибывшіе въ Москву царскіе послы—свѣтлѣйшій князь Голицынъ и графъ Шереметьевъ—торжественно распечатали алтари Рогожскаго кладбища, объявивъ, что эта милость есть выраженіе довѣрія и сердечнаго благоволенія Государя-Императора къ старообрядцамъ, искони извѣстнымъ своею непоколебимою преданностью Престолу, въ надеждѣ, что Господь умудритъ ихъ съ полною искренностію пойти на встрѣчу желаніямъ и стремленіямъ русской Православной Церкви воссоединить ихъ съ нею и прекратить

тяжелую историческую церковную рознь. На другой день, 17 апрѣля, послѣдовалъ Высочайшій указъ „объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости“,—указъ, который положенъ въ основаніе разсматриваемаго нами законопроекта.

Что же?—Удовлетворилъ ли онъ старообрядческихъ агитаторовъ?—На этотъ вопросъ нужно отвѣтить безусловно отрицательно. Старообрядческими политиками было устроено нѣсколько съѣздовъ, на которыхъ этотъ указъ былъ обсуждаемъ постатейно и единогласно отвергнутъ, какъ совершенно неудовлетворительный. Графъ С. Ю. Витте только что прочиталъ намъ нѣсколько старообрядческихъ благодарственныхъ адресовъ на его имя за этотъ указъ. Блаженъ, кто вѣритъ... Но взгляните внимательнѣе на это дѣло. Я прохожу молчаніемъ пять старообрядческихъ московскихъ съѣздовъ, съѣздъ въ Вольскѣ и съѣздъ въ Вильнѣ. Но не могу не остановить вашего вниманія на такъ называемомъ VI все-россійскомъ старообрядческомъ съѣздѣ, бывшемъ въ Нижнемъ-Новгородѣ 2—10 августа 1905 г. Губернатору пришла въ голову неосторожная мысль—черезъ одинъ изъ старообрядческихъ главарей предложить съѣзду составить отъ имени всѣхъ старообрядцевъ благодарственный адресъ правительству за права и льготы, дарованныя указомъ 17 апрѣля. Совѣтомъ съѣзда мысль эта была единогласно отвергнута. На самомъ съѣздѣ были произнесены чрезвычайно возмутительныя рѣчи—особенно интеллигентными ратоборцами современнаго старообрядчества: Мельниковымъ, Перетрухинымъ, Калитинымъ, Лукинымъ, Макаровымъ и др., а резюме этихъ старообрядческихъ разсужденій было выражено предсѣдателемъ съѣзда въ такихъ словахъ: „Относительно благодарности за указъ 17 апрѣля я скажу, что не благодарить, а порицать нужно правительство; оно не соответствуетъ своему назначенію, потому что, во всякомъ случаѣ, не народъ для правительства, а правительство для народа, который въ 1612 г., по свободному избранію, довѣрилъ ему свою судьбу... Самодержавно-бюрократическое правленіе не оправдало этого довѣрія, а потому пора старообрядцамъ, оставивъ политику терпѣливаго ожиданія „милостей“ и старые пріемы лицемѣрнаго угодничества и притворной лести, требовать немедленнаго созыва учредительнаго собранія на началахъ всеобщаго, равнаго, прямого и закрытаго голосованія“. Вотъ какую бла-

годарностію въ дѣйствительности отвѣтили старообрядческіе политиканы графу Витте за его „милости“... Эти протоколы съѣзда отпечатаны въ „Старообрядецъ“ за 1906 годъ, изданы во множествѣ отдѣльныхъ оттисковъ, раскиданы по всѣмъ провинціямъ Россіи, даже въ Австріи и Пруссіи, переведены на французскій языкъ, и потому вы имѣете всегда возможность провѣрить мои слова, если кто либо изъ васъ питаетъ къ нимъ недовѣріе.

Въ томъ же году правительство образовало особую комиссію подъ предсѣдательствомъ покойнаго, звѣрски убитаго графа Игнатьева для разсмотрѣнія новыхъ требованій старообрядческихъ политикановъ. Въ комиссію эту были приглашены выдающіеся главари старообрядчества, по указанію самихъ старообрядческихъ съѣздовъ—нижегородскій старообрядческій лже-епископъ Иннокентій Усовъ, редакторъ журнала „Старообрядецъ“, старообрядческій попъ Михаилъ Колязинъ и извѣстный апологетъ старообрядчества, нынѣшній редакторъ старообрядческаго журнала „Церковь“—Брилліантовъ. Всѣ ихъ требованія были внимательно выслушаны и удовлетворены. Но старообрядческіе съѣзды запротестовали снова. Опять началась атака правительства петиціями, ходатайствами, особыми заявленіями и даже самосоставленными законопроектми.

Въ сентябрѣ 1906 года явилась новая правительственная комиссія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ С. Е. Крыжановскаго. Ею были приглашены на свои засѣданія 33 представителя отъ старообрядцевъ. Имена ихъ вы найдете въ списокѣ, который намъ любезно представленъ Государственною Канцеляріею. Это—все „архіепископы“, „епископы“, „протоіереи“, „іереи“ и выдающіеся старообрядческіе политиканы. Всѣ ихъ требованія были приняты во вниманіе и обязательно исполнены. Вчера я слышалъ, какъ представитель правительства утверждалъ, что расколъ выдѣленъ отъ сектантства только по особому патріотическому мотиву. Я не знаю, какъ происходило дѣло; но въ той „справкѣ“, которая намъ разослана, ясно сказано, что и это выдѣленіе было сдѣлано по настойчивому требованію бывшихъ въ засѣданіяхъ комиссіи старообрядцевъ. Только одного требованія ихъ не выполнила комиссія: она не согласилась называть старообрядческихъ наставниковъ

„священнослужителями“,—и русскій православный народъ не можетъ не благодарить ее за это.

17-го октября 1906 года актъ этой комиссіи былъ опубликованъ въ видѣ временнаго правительственнаго закона по 87 статьѣ Основныхъ Законовъ. По поводу его изданія старообрядцами было устроено цѣлыхъ семь съѣздовъ и все-россійскихъ и помѣстныхъ—съ рѣзкими протестами и заявленіями о томъ, что „старообрядцы всѣхъ согласій“ крайне недовольны такимъ закономъ и не принимаютъ отъ него ни „милостей“, ни льготъ. Въ это время русское правительство въ ихъ глазахъ отошло уже на второй планъ. Всѣ свои надежды и чаянія старообрядцы теперь возложили на Государственную Думу, куда они успѣли провести въ качествѣ членовъ многихъ своихъ друзей и единовѣрцевъ. Религіозная почва была оставлена; ея мѣсто заняла церковно-гражданская политика. По-видимому, Дума дала все, чего только могли желать старообрядцы: она предоставила имъ право пропаганды, ихъ наставниковъ назвала „священнослужителями“ со всѣми іерархическими наименованіями, дозволила имъ ходить въ церковныхъ облаченіяхъ и духовныхъ одѣяніяхъ по городскимъ площадямъ и улицамъ, дала имъ даже право заводить свои старообрядческія ссудо-сберегательныя кассы или банки, торгово-промышленныя товарищества, трактиры и т. п., чтобы они, подобно евреямъ, уже совсѣмъ могли обособиться отъ русскаго народа и въ русскомъ государствѣ создать свое собственное государство... И что же? Старообрядцы остались недовольны и думскими „милостями“. Дума признала старообрядческую іерархію; а старообрядцы говорятъ вотъ что: „признаніе іерархіи доказывается св. писаніемъ, твореніями св. отцевъ, примѣрами церковной исторіи; а признаніе отъ постороннихъ, да еще иновѣрныхъ—какой оно имѣетъ смыслъ? на что оно намъ?“. „Священный“ старообрядческій „соборъ“ высказался противъ ношенія рясы и длинныхъ волосъ. У меня, подъ руками, много документовъ, въ родѣ епископскихъ манифестовъ, посланій, постановленій, на основаніи которыхъ можно судить, съ какимъ чувствомъ неудовлетворенности относятся старообрядцы не только къ правительственному, но и къ думскому законопроектъ. Предсѣдатель особой старообрядческой комиссіи, образованной такъ называемымъ „освященнымъ со-

боромъ“ для обсужденія думскаго и правительственнаго законопроектовъ, рязанскій и егорьевскій лже-епископъ Александръ, прислалъ въ нашу комиссію свои заключенія, которыя нынѣ находятся у васъ подъ руками. Но что мы видимъ въ этихъ „заключеніяхъ“ старообрядческой комиссіи? Полное недовольство старообрядцевъ и думскимъ, и правительственнымъ законопроектами, начиная съ ихъ заглавія и кончая правилами метрикаціи. Оказывается, что изъ-за этого законопроекта въ расколѣ образовался только новый расколъ: явились общенники и противообщенники, т. е. принимающіе правительственный законопроектъ и отвергающіе его. На Кавказѣ анаеюматствуетъ общенниковъ старообрядческой лже-епископъ Даніилъ съ своими многочисленными единомышленниками. На Дону тоже дѣлаетъ попъ Куркинъ, около Калача; въ Екатеринославской губерніи старообрядцы проклинали лже-епископа Θεодосія, какъ еретика, прішявшаго правительственный законъ объ общинахъ. Въ Паимѣ также раздоръ. Губернаторы усердно содѣйствуютъ правительству въ осуществленіи его закона; но ихъ усердіе оканчивается пустяками. Милліоны старообрядцевъ не хотятъ и слышать о новомъ законѣ. Да оно и понятно: кромѣ стѣсненія совѣсти, новый законъ и въ думской и въ правительственной редакціи ничего не далъ старообрядцамъ, которые, по словамъ лже-епископа Александра Рязанскаго, и до закона пользовались полною свободою религіозной совѣсти. „Наша внутренняя религіозная жизнь, говоритъ онъ, и до указа не была связана. Наши христіане свободно, съ благословенія своего епископа, объединялись въ религіозныя общества (приходы), сообща избирали достойныхъ кандидатовъ на священныя степени, которые пользовались принадлежащею имъ сану честью и правомъ совершенія богослуженія и требъ... Вотъ та свобода вѣрованія и совершенія религіозныхъ требъ „по велѣнію нашей совѣсти“, какая вырабатывалась самою нашею церковною жизнью“ и т. д.

Ясно, что законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ, выработанный правительствомъ и одобренный Государственною Думою, въ глазахъ старообрядцевъ провалился. Съ какой бы точки зрѣнія они не судили о немъ, они нашли его неудовлетворительнымъ и даже вреднымъ для себя. Но я оставляю точку зрѣнія старообрядцевъ. Я хочу вы-

сказать свой взглядъ на рассматриваемый законопроектъ безъ всякихъ симпатій и антипатій. Я хочу видѣть его такимъ, какимъ онъ мнѣ представляется. Я хочу судить о немъ только со стороны его принциповъ и внутренняго содержания. Только тогда я увижу и его цѣлесообразность.

Вчера и сегодня слушая живыя рѣчи, а раньше—изучая богатый матеріалъ, представленный мнѣ Государственною Канцеляріею, я замѣтилъ довольно интересное явленіе: многія свѣтскія лица, государственные сановники и законовѣды, вдругъ оказались въ роли богослововъ и—скажу откровенно—прекрасныхъ богослововъ. Я долженъ сознаться, что мнѣ отчасти уже пріѣлось слушать профессиональныхъ богослововъ и разбираться въ ихъ разсужденіяхъ. Вотъ почему я съ удовольствіемъ слушалъ то, что говорили здѣсь люди свѣтскіе. Тонъ заданъ правительствомъ. И въ первый разъ въ жизни мнѣ пришлось познакомиться съ богословскими свѣдѣніями нашего правительства. Законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ оно, по-видимому, хотѣло поставить на самыхъ точныхъ принципахъ. Поэтому оно начало издалека. Оно вышло изъ понятія о религіи и ея сущности. Что такое религія? Вотъ вопросъ, который прежде всего предносился нашему правительству. На этотъ вопросъ оно даетъ такой отвѣтъ: „религія есть совокупность представлений о Богѣ“. Признаюсь, вопросъ о религіи и ея сущности меня очень интересуешь. Я надъ нимъ много работалъ и на эту тему написалъ сочиненіе въ двухъ томахъ, за которое академіею удостоенъ докторской степени. Но, къ стыду своему, скажу, что такого опредѣленія религіи, какое дано нашимъ правительствомъ я еще не слышалъ. По этому опредѣленію, религіею будетъ всякій катихизисъ, всякая догматика, всякая философская система. Неужели правительство наше забыло слова Апостола о томъ, что и бѣсы вѣрують? Вѣдь въ своемъ опредѣленіи оно забыло о волѣ и поведеніи человѣка, забыло о его сѣрдцѣ и чувствахъ, забыло объ общеніи и союзѣ человѣка съ Богомъ и ближними,—что непременно мыслится какъ въ понятіи религіи, такъ и въ понятіи Церкви. Знать только одни догматы и имѣть то или другое представленіе о Богѣ еще не значитъ быть религіознымъ и принадлежать къ Христовой Церкви. Для этого требуется что-то большее, нежели одно знаніе въ

формъ представленій. Къ знанію хотѣлъ свести нѣкогда религіею забытый уже философъ Гегель. Но я не думаю, чтобы исторія философіи причислила когда-либо составителей правительственнаго законопроекта о старообрядческихъ общинахъ къ послѣдователямъ гегельянской философіи. Впрочемъ, пусть нашему правительству ученые богословы доказываютъ, ошибается оно или нѣтъ въ своемъ опредѣленіи религіи. Въ ученый споръ я съ нимъ вступать не буду. Я хочу быть здѣсь только членомъ законодательнаго учрежденія и для меня важно, что уже раньше составленія законопроекта о старообрядческихъ общинахъ у нашего правительства были опредѣленные принципы: оно знало то, что нужно разумѣть подъ религіею.

Исходя изъ этого принципа, правительство уже легко могло сдѣлать и опредѣленіе того, что такое старообрядчество. Разрѣшеніе этого вопроса было чрезвычайно важно для членовъ особой комиссіи Государственнаго Совѣта, къ числу которыхъ имѣлъ честь принадлежать и я: нужно же было знать, для кого предназначается разсматриваемый законъ. И вотъ правительство сообщаетъ намъ, что *„старообрядцы, пріемля всѣ основные догматы вѣры православной и не признавая лишь нѣкоторыхъ, принятыхъ ею (т. е. церковію) въ XVII вѣкѣ, обрядовъ, исповѣдуютъ въ сущности то же православіе только въ его древней формѣ, бережно охраняемой ими въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ“*. Насколько я знаю, этотъ правительственный взглядъ на старообрядчество изъ членовъ Государственнаго Совѣта пока только поддерживаетъ И. О. Корвинъ-Мелевскій, принадлежащій къ католической Церкви, который еще въ рѣчи своей 23 октября увѣрялъ насъ здѣсь, что старообрядцы хранятъ обряды несомнѣнно болѣе древніе, чѣмъ Православная Церковь. Если бы опредѣленіе старообрядчества, предложенное правительствомъ, было дано самими старообрядцами, оно было бы для меня понятнымъ: имъ естественно называть себя древне-православными, „бережно охраняющими“ апостольское православіе. Но языка правительства я, милостивые государи, не понимаю. „Старообрядцы исповѣдуютъ православіе—только въ его древней формѣ, бережно охраняемой ими въ теченіи вѣковъ“. Что же послѣ этого Православная Церковь? Въ 17-мъ вѣкѣ она приняла новый курсъ, усвоила нѣчто новое,

выдуманное, измышленное, человѣческое и чрезъ это сдвинута съ твердаго апостольскаго основанія, такъ что она уже не имѣетъ права даже называться апостольскою. Милостивые государи! правительственнымъ опредѣленіемъ: старообрядчества у Православной Церкви вырывается самое сердце, похищается самое драгоцѣнное ея сокровище—вѣрность апостольской древности—и передается раскольникамъ. И замѣйте, что въ правительственномъ опредѣленіи старообрядчества рѣчь идетъ не о *русской* Православной Церкви, а о православной вѣрѣ вообще. Правительство обвиняетъ въ искаженіи православія не русскую только Православную Церковь, а и всю вселенскую церковь. Не пощадило оно великой константинопольской церкви, александрійской, антиохійской, іерусалимской; чуть не еретиками признаетъ оно нашихъ также по крови и вѣрѣ братьевъ—сербовъ, черногорцевъ и болгаръ. Вся православная церковь оставила древнее православіе; всѣ помѣстныя церкви сдвинуты съ своего твердаго апостольскаго основанія: не хранятъ бережно древняго ученія. Одни только старообрядцы—хороши!.. Я не могу говорить объ этомъ спокойно; но не буду пускаться и въ научно-историческія пренія съ нашимъ правительствомъ. Здѣсь не мѣсто такимъ преніямъ. Пускай и въ этомъ случаѣ ученые доказываютъ ему, кто отступилъ отъ православія—православные или старообрядцы. Этотъ споръ сложенъ и требуетъ времени. Для меня опять-таки важно, что у нашего правительства есть принципы, которые могли быть положены въ основу законопроекта о старообрядческихъ общинахъ: во-первыхъ, оно знаетъ, хотя и по своему, что такое вообще религія, а во-вторыхъ ему извѣстно и то, что такое старообрядчество: его положительные признаки—православіе, бережно охраняемое въ его древней формѣ и древніе, неизвращенные обряды. Приступая къ самому законопроекту, оно ясно даетъ себѣ отчетъ, для кого предназначается этотъ законопроектъ. Составивъ своеобразное понятіе о старообрядствѣ, оно легко могло опредѣлить и то, что слѣдуетъ разумѣть подъ старообрядческою общиною. „Старообрядческія общины, — говоритъ правительство, — почитаются обществомъ послѣдователей одного и того же вѣроученія, имѣющаго („вѣроученія“—это?) цѣлью удовлетвореніе религіозныхъ, нравственныхъ, просвѣтительныхъ и благотворитель-

ныхъ потребностей его членовъ“. Здѣсь уже что-то нѣтъ рѣчи ни о древне-православныхъ догматахъ, ни о древнихъ обрядахъ старообрядчества, бережно охраняемыхъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Богословская ученость правительства куда-то исчезла. Что же касается самаго опредѣленія старообрядческой общины, которое намъ предлагается въ рассматриваемомъ законопроектѣ, то предъ нимъ я могу только руки развести. Такого универсальнаго опредѣленія я никогда и представить себѣ не могъ. Когда я прочиталъ это опредѣленіе, мнѣ пришла въ голову мысль—знаете о чемъ?—О сапогахъ. Да о какихъ сапогахъ? О сапогахъ Плюшкина, что стояли у него въ сѣняхъ.—Хорошіе были эти сапоги, на всякую ногу годились: выходитъ мальчикъ изъ комнаты,—шлепнулся въ эти сапоги и пошелъ себѣ, куда нужно; баба идетъ за провизіей,—и ей сапоги въ пору; самому Плюшкину нужно выйти,—и онъ влѣзаетъ въ эти сапоги. Правительственное опредѣленіе старообрядческой общины есть что-то въ этомъ родѣ. Подъ него можно подвести все, что угодно: какую угодно религію, какую угодно секту, какой угодно толкъ. Стоитъ только вмѣсто слова „старообрядцы“ поставить желаемое наименованіе. Для примѣра я поставляю на мѣсто старообрядчества штунду и у меня получится опредѣленіе штундистской общины: „штундисткія общины почитаются обществомъ послѣдователей одного и того же вѣроученія, имѣющаго цѣлію удовлетвореніе религіозныхъ, нравственныхъ, просвѣтительныхъ и благотворительныхъ потребностей его членовъ“. Вамъ нужно опредѣлить молоканскія общины?—Извольте: „Молоканскія общины почитаются обществомъ послѣдователей одного и того же вѣроученія, имѣющаго цѣлію“ и т. д. Вы хотите знать, что такое магометанскія общины?—Сейчасъ будетъ готово опредѣленіе и магометанскихъ общинъ: „Магометанскія общины почитаются обществомъ послѣдователей одного и того же вѣроученія и т. д. по указанной правительствомъ трафареткѣ. Вамъ нужно опредѣлить еврейство,—и еврейство сюда подойдетъ. Сапоги шиты на всякую ногу. Чѣмъ же объяснить, что вмѣсто опредѣленныхъ существенныхъ признаковъ старообрядчества—древне-христіанскихъ догматовъ и обрядовъ, правительство въ своемъ опредѣленіи оставилось на такой абсолютной пустотѣ и всеобъемлемости? Я не

могу съ увѣренностію отвѣтить на этотъ вопросъ; но если бы я былъ сейчасъ въ положеніи литературнаго критика, я бы возбудилъ вопросъ о плагиатѣ. Кто-то у кого-то что-то стащилъ. Дѣло въ слѣдующемъ. Въ моемъ распоряженіи, кромѣ правительственнаго и думскаго законопроектвъ о старообрядческихъ общинахъ, имѣется еще четыре законопроекта, составленные самими старообрядцами на ихъ съѣздахъ: одинъ—въ 1905 году, другой—въ 1906 году и остальные—въ 1907 году; изъ нихъ одинъ былъ выработанъ въ Нижнемъ Новгородѣ, два другіе—въ Москвѣ, а четвертый, съ нѣкоторыми, незначительными, впрочемъ, варіаціями,—здѣсь въ Петербургѣ. И удивительно, что всѣ эти законопроекты до буквальнойности сходны во всемъ и—въ частности—въ опредѣленіи старообрядческой общины—съ правительственнымъ законопроектомъ. А такъ какъ я знаю, что въ 1905 году въ Нижнемъ Новгородѣ былъ составленъ первый законопроектъ, то тамъ, по-видимому, нужно искать и автора опредѣленія старообрядческой общины. Законопроекты эти своевременно были представлены, безъ сомнѣнія, и нѣкоторымъ членамъ Думы, которые съумѣли ими надлежащимъ образомъ воспользоваться. Кто пожелалъ бы сличить всѣ шесть законопроектвъ, тотъ увидитъ, что всѣ такъ называемыя „поправки“ въ правительственномъ законопроектѣ въ Думѣ сдѣланы не Карауловымъ и не Гулькинымъ какимъ нибудь, а буквально взяты изъ старообрядческихъ законопроектвъ. Впрочемъ, повторяю, я не могу утверждать, кто, собственно, дѣйствительный авторъ разсматриваемаго опредѣленія старообрядческой общины; я замѣчаю только фактъ полного единенія и согласія всѣхъ старообрядческихъ законопроектвъ съ правительственнымъ. Очень можетъ быть, что никто ни у кого не списывалъ. Вѣдь былъ же случай, что 70 толковниковъ переводили Библию съ еврейскаго языка на греческій одновременно, находясь однако же въ разныхъ мѣстахъ. И что же? Ихъ переводъ вышелъ совершенно одинаковъ, слово въ слово, буква въ букву. Можетъ быть, и здѣсь случилось нѣчто подобное. Но въ какое комичное положеніе попали старообрядцы! Они настойчиво требовали отъ правительства выдѣлить ихъ отъ сектантовъ; а сами составили или отъ другихъ приняли такое опредѣленіе своей общины, по которому они слились не только съ сектантами, но даже

съ евреями и магометанами, и слились до такой степени, что, какъ мы видѣли, различить ихъ невозможно...

Дерзаю, милостивые государи, сказать, что я угадываю ваши мысли по моему адресу. Мнѣ кажется, вы думаете сейчасъ вотъ что: „если ты находишь невѣрнымъ правительственное опредѣленіе старообрядческой общины, предложи свое, болѣе правильное, или внеси поправку, когда законопроектъ будетъ обсуждаться постатейно“. Простите, но на это я могу отвѣтить съ откровенностію только одно: „этого я сдѣлать не въ состояніи“. Старообрядчество распалось на такое множество толковъ и сектъ; до такой степени одна секта въ немъ отличается отъ другой своими конкретными, характеристическими чертами, что обобщить ихъ въ одномъ какомъ либо опредѣленіи не возможно. Это выше силъ человеческого разсудка, а потому и я сдѣлать такого опредѣленія не могу. Потребуйте отъ меня опредѣленія, что такое австрійское старообрядчество, я охотно исполню ваше требованіе и представлю вамъ такое опредѣленіе, по которому австрійскаго старообрядчества нельзя смѣшать ни съ поморцами, ни съ безпоповцами, ни съ евреями, ни съ магометанами. Предложите мнѣ опредѣлить, что такое поморцы, я исполню и это требованіе; не трудно указать отличительные признаки акулиновщины, бѣгуновъ, дырниковъ, федосѣевцевъ, даниловцевъ и т. п. Но опредѣлить старообрядчество вообще нельзя, или, какъ показываетъ правительственный законопроектъ, намъ придется имѣть дѣло съ тѣмъ, что принято обозначать словами: „взглядъ и нѣчто“. Въ такомъ положеніи находился не я одинъ, а всѣ члены или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство членовъ особой комиссіи Государственнаго Совѣта, разсматривавшіе этотъ законопроектъ. Всѣ мы, по совѣсти, должны сказать: мы не знали, о комъ говорили; мы не знали, для кого былъ составляемъ законъ.

Мы видѣли, впрочемъ, несостоятельность не однихъ только принциповъ правительственнаго законопроекта. Мы ясно усматривали всѣ недостатки и самаго законопроекта. Но что намъ оставалось дѣлать? Бросить его какъ никуда негодный? Нѣтъ, милостивые государи, хотя и скрѣпя сердце, мы поступили иначе. Вмѣстѣ съ другими членами комис-

сін и я былъ вынужденъ подать свой голосъ за законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ въ той редакціи, въ какой онъ нынѣ представленъ на ваше уваженіе. Мы пожертвовали логикою, мы пожертвовали принципами, мы пожертвовали систематичностію, мы пожертвовали даже юридическимъ смысломъ самаго законопроекта, ибо я увѣренъ, что строгіе юристы насъ справедливо осудятъ, такъ какъ это будетъ чуть ли не первый русскій законъ, написанный въ такомъ духѣ, что не имѣетъ объекта, неизвѣстно, къ кому относится или относится только къ какому-то иксу. Мы хорошо знаемъ это. Но мы руководствовались соображеніями практическими. Мы пошли на компромиссъ и не боимся того, что впослѣдствіи намъ придется выслушать не очень лестное сужденіе о нашей работѣ, какъ актъ юридическомъ. Мы приняли во вниманіе то, что старообрядческія общины существуютъ, въ какой бы формѣ не выражалось ихъ существованіе, и что правительственный законъ, даже въ своей несовершенной формѣ, уже дѣйствуетъ три года и до известной степени удовлетворяетъ потребности этихъ людей, гарантируя имъ свободу ихъ религіозной совѣсти. Вотъ почему изданіемъ разсматриваемаго законопроекта мы и хотѣли сказать старообрядцамъ то, что подсказалъ вчера одинъ ораторъ: „Старообрядцы! вы наши братья по плоти и крови, хотя и разнитесь отъ насъ нѣсколько своею вѣрою. Мы не стѣсняемъ васъ и даемъ вамъ полную свободу совѣсти. Молитесь Богу, какъ вамъ угодно. Ищите Бога тѣми путями, какіе вы находите истинными и наилучшими. Стройте свои храмы; звоните въ свои громогласные колокола. Вамъ дано это право нашимъ Самодержавнымъ Монархомъ. Но считайте же вы и насъ своими братьями. Не оскорбляйте и нашей совѣсти; не дотрагивайтесь до этого тайника души человѣческой. Не посягайте на права и преимущества Православной Церкви съ ея стомилліонными исповѣдниками, а что касается гражданскихъ правъ, торгово-промышленныхъ, банковскихъ и т. п., то станьте рядомъ съ нами и ведите это дѣло на тѣхъ основаніяхъ и пользуясь лишь тѣми правами, которыя Государь Императоръ даровалъ не вамъ только однимъ, а всѣмъ Своимъ вѣрноподаннымъ вообще“...

ЕПАРХІАЛЬНАЯ ХРОНИКА.

Архіерейскія богоеуженія.

Май. 2-го, въ недѣлю св. женъ мѣроносиць, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеvій совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монашествующаго духовенства. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ проповѣдь, посвященную памяти лицъ, послужившихъ Господу Іисусу Христу послѣ Его смерти на крестѣ и прославляемыхъ Церковію въ эту недѣлю. Въ своей проповѣди Владыка съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія изложилъ свѣдѣнія объ Іосифѣ Аримаѣейскомъ, о Никодимѣ и о св. женахъ мѣроносицахъ, изобразилъ ихъ расположеніе и любовь къ Іисусу Христу и богоугодный ихъ подвигъ—снятіе тѣла Спасителя со креста, погребеніе и помазаніе благовоннымъ мѣромъ.

— 6-го, въ день рожденія Государя Императора Николая Александровича литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Преосвященный Василій, Епископъ Сумскій, въ сослуженіи: архимандритовъ —Іосифа и Аванасія, кафедральнаго протоіерея о. С. Любickaго, ректора семинаріи протоіерея о. А. Юшкова, ключаря собора протоіерея о. І. Гончаревскаго и священника о. І. Твердохлѣбова.—Послѣ литургіи былъ отслуженъ, при участіи градскихъ протоіереевъ и священниковъ, благодарственный молебень съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему дому.—Въ соборѣ на богослуженіи присутствовали: г. губернаторъ и представители военнаго и разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ, а также много молящихся.

— 8-го, въ день препод. Арсенія великаго, по случаю тезоименитства Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Харьковскаго Арсеvія, въ кафедральномъ соборѣ совершилъ литургію Преосвященный Епископъ Василій въ сослуженіи: кафедральнаго протоіерея о. С. Любickaго, протоіерея Благовѣщенской церкви о. В. Попова, протоіерея о. Г. Виноградова и благочиннаго о. П. Вишнякова.—За литургіей проповѣдь была сказана протоіереемъ Дмитріевской церкви о. Іоанномъ Ѳедоровскимъ. Послѣ литургіи былъ отслуженъ, при участіи градскаго духовенства, молебень преподобному Арсенію съ провозглашеніемъ многолѣтія Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому.

— 11-го, въ день св. равноапостольныхъ Кирилла и Меѳодія, Преосвященный Епископъ Василій совершилъ литургію въ кладбищенской Кирилло-Меѳодіевской церкви по случаю храмоваго праздника. Въ сослуженіи участвовали: ректоръ семинаріи протоіерей о. Алексѣй Юшковъ, ключарь собора протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, благочинный священникъ о. Данилъ Поповъ и настоятель церкви священникъ о. Сергій Посельскій.—Храмъ былъ переполненъ молящимися.

— 12-го, въ преполовленіе Пятидесятницы, въ кафедральномъ соборѣ литургію совершалъ Преосвященный Епископъ Василій въ сослуженіи: кафедральнаго протоіерея о. Стефана Любичкаго, священника о. Леоняда Твердохлѣбова, священника о. Георгія Рудинскаго и священника о. Сергія Уманцева.—За литургіей была сказана проповѣдь священникомъ о. Михаиломъ Энеидовымъ. Послѣ литургіи былъ совершенъ крестный ходъ, при участіи градскаго духовенства, на р. Лопань и совершенно освященіе воды.

— 14-го, въ день св. коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, литургію въ кафедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Григоріемъ, Епископомъ Бакинскимъ, и Преосвященнымъ Василіемъ, Епископомъ Сумскимъ. Въ сослуженіи участвовали: архимандриты—Іосифъ и Аванасій, кафедральный протоіерей о. С. Любичкій, ректоръ семинаріи протоіерей о. А. Юшковъ, протоіерей Николаевской церкви о. Панкратій Ивановъ и священникъ А.-Михайловской церкви о. Петръ Скубачевскій. Во время малаго входа Владыка возложилъ палицу на протоіерея о. П. Иванова, а священника о. П. Скубачевскаго посвятилъ въ санъ протоіерея.—Послѣ причастнаго стиха была сказана проповѣдь протоіереемъ Іоанномъ Гончаревскимъ.—Послѣ литургіи Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ въ сослуженіи съ Преосвященными—Григоріемъ и Василіемъ и градскими протоіереями и священниками былъ отслуженъ установленный молебенъ съ провозлашеніемъ многолѣтія Государю Императору.—На богослуженіи присутствовали: г. губернаторъ, командующій корпусомъ, генералитетъ, представители разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій и много молящихся.

— 23-го, въ недѣлю о слѣпомъ, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Покровской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монастырскаго духовенства. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ проповѣдь, посвященную торжествамъ перенесенія мощей преподобной Евфросиніи изъ Кіева въ

Полоцкъ. Указавъ на то, что въ настоящій день празднуется память препод. Евѳросиніи Полоцкой и въ этотъ же день заканчиваются торжества перенесенія ея св. мощей изъ Кіева въ Полоцкъ, Владыка изложилъ житіе преподобной Евѳросиніи, изобразилъ далѣе, съ какимъ великимъ торжествомъ произошло изнесеніе ея мощей изъ Кіевскихъ пещеръ сначала въ великую Лаврскую церковь, а затѣмъ чрезъ городъ на пристань Днѣпра, какъ св. мощи слѣдовали сначала по рѣкѣ, а затѣмъ сухимъ путемъ до мѣста своего назначенія, съ какимъ благочестіемъ и вѣрою притекалъ православный народъ по пути слѣдованія св. мощей, какія массы благочестиваго русскаго народа собирались въ Кіевѣ и другихъ пунктахъ остановокъ крестнаго хода съ мощами. Съ великою любовію и пастырскою радостію Владыка говорилъ о проявленіи религіозной вѣры православнаго русскаго народа, обнаружившейся въ отношеніи его къ перенесенію мощей препод. Евѳросиніи. Въ этомъ проявленіи вѣры народа Владыка указывалъ доказательство ея силы и жизненности, невѣріе же пазывалъ плодомъ легкомыслія.

— 25-го, въ день рожденія Государыни Императрицы Александры Θεодоровны, литургію въ каедральномъ соборѣ совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи: архимандритовъ—Іосифа и Аѳанасія, каедральнаго протоіерея о. С. Любичкаго, ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, протоіерея о. Петра Ѳомина и протоіерея о. Г. Виноградова. Послѣ причастнаго стиха была сказана проповѣдь законоучителемъ реального училища священникомъ о. Іоанномъ Дмитревскимъ.—Послѣ литургіи былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ провозгашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему дому.—На богослуженія присутствовали: г.г. губернаторъ, вице-губернаторъ, командующій корпусомъ, генералитетъ, представители разныхъ учреждений и молящіеся.

— 27-го, Вознесеніе Господне. Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній для совершенія богослуженій въ этотъ праздникъ выѣзжалъ въ Хорошевскій Вознесенскій женскій монастырь. Владыка прибылъ въ монастырь 25-го мая, въ 8 час. веч., и былъ встрѣченъ у св. вратъ монастыря монастырскимъ духовенствомъ, во главѣ съ благочиннымъ монастырей архимандритомъ Аѳанасіемъ, и монашествующими, во главѣ съ настоятельницей монастыря игуменіей Максимиллою и старшими сестрами. Облачившись въ мантию и приложившись ко кресту, Владыка прослѣдовалъ со славою въ предшествіи встрѣчавшихъ и съ пѣніемъ монашескихъ пѣвчихъ въ главный

Вознесенскій храмъ. Послѣ совершенія литіи и произнесенія обычныхъ многолѣтій Владыка провозгласилъ многолѣтіе игуменіи Максимилѣ съ сестрами монастыря и преподалъ благословеніе сестрамъ обители и всѣмъ присутствовавшимъ въ храмѣ, послѣ чего прослѣдовалъ въ игуменскіе покои съ тою же торжественностію, гдѣ былъ встрѣченъ игуменіей съ хлѣбомъ-солью.—26-го мая, въ 6 час. веч., Высокопреосвященный Арсеній совершилъ всенощную въ Вознесенскомъ храмѣ въ сослуженіи: о.о. архимандритовъ Харьковскаго Покровскаго монастыря—Іосифа и Аеанасія, ключаря кафедральнаго собора протоіерея І. Гончаревскаго, благочиннаго 1-го окр. Харьковскаго уѣзда священника о. Василя Любчинскаго, священника с. Бабаевъ о. Лобковскаго и монастырскаго священника о. Д. Вербицкаго. Въ то же время совершалась всенощная и въ тепломъ Архангело-Михайловскомъ храмѣ монастырскимъ протоіереемъ о. Поликарпомъ Пономаревымъ соборнѣ съ двумя іереями. Храмы были переполнены молящимися, въ большомъ количествѣ собравшимися въ монастырь на храмовыя торжества.—27-го мая, послѣ ранней литургіи архимандритомъ Аеанасіемъ соборнѣ было совершено водосвятіе и затѣмъ крестный вокругъ монастыря ходъ при участіи громаднаго числа собравшихся богомольцевъ.—Въ 8^{1/2} час. утра послѣдовалъ выходъ со славою Владыки изъ покоевъ къ служенію литургіи, которую Владыка совершилъ въ Вознесенскомъ храмѣ въ сослуженіи: двухъ архимандритовъ, двухъ протоіереевъ и двухъ священниковъ, при пѣніи пѣвчихъ монахинь и при громадномъ стеченіи молящихся, переполнившихъ храмъ.—Въ 4^{1/2} часа пополудни Владыка простился съ сестрами монастыря, надѣливъ пѣвчихъ монахинь крестиками, и отбылъ изъ монастыря въ Харьковъ, восторженно провожаемый сестрами монастыря и богомольцами.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Посѣщенія Его Высокопреосвященствомъ, Высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, Архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, Духовной Семинаріи.

І.

1-го сего іюня Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній, изволилъ вторично посѣтить экзамены въ Харьковской Духовной Семинаріи. Владыка прибылъ въ Семинарію въ 8^{1/2} часовъ утра и былъ встрѣченъ Ректоромъ Семинаріи, прот. А. Юшковымъ, членомъ правленія отъ духовенства, прот. П. Скубачевскимъ, и преподавателями—членами экзаменаціонныхъ комиссій того дня. Преподавъ всѣмъ благословеніе, Его Высоко-

преосвященство прослѣдовалъ въ актовъ залъ Семинаріи, гдѣ долженъ былъ производиться экзаменъ воспитанникамъ 6-го класса по обличенію русскаго сектантства. При входѣ Владыки въ залъ собравшіе тамъ воспитанники 6-го класса пропѣли тропарь Вознесенію Господню и „исъ полла эти, деспота“, а затѣмъ начался экзаменъ. Владыка прежде всего пожелалъ послушать отъ кого-либо изъ воспитанниковъ подробное изложеніе исторіи секты Подгорновцевъ и ея ученія, что и сдѣлано было двумя вызванными воспитанниками: изложивъ исторію секты и свѣдѣнія объ ея основателѣ, Подгорномъ, (нынѣ іеромонахѣ Стефаніи), воспитанники затѣмъ съ ясностію доказали, что ученіе Подгорнаго и его послѣдователей, по крайней мѣрѣ въ своей нравственно-практической части, несомнѣнно анти-православное, весьма сродное съ ученіемъ хлыстовъ. Съ своей стороны, Его Высокопреосвященство, на основаніи имѣющихся у него данныхъ дѣлалъ много замѣчаній и разъясненій, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ о неправославныхъ принципахъ въ нравственной жизни Подгорновцевъ. Затѣмъ спрошены были еще 8 человекъ, которымъ пришлось отвѣчать о другихъ сектахъ, при чемъ Владыка живо интересовался отвѣтами учениковъ, ихъ всестороннимъ знаніемъ особенно—мѣстныхъ сектантскихъ ученій, а равно и тѣмъ, насколько они сильны въ дѣлѣ разоблаченія несостоятельности послѣднихъ. При этомъ Владыка указывалъ на то, что изученіе сектъ и приѣмовъ борьбы съ ними должно быть преимущественно практическимъ: „весьма полезно, говорилъ онъ, вести примѣрные диспуты во время уроковъ, а равно и во внѣклассное время, такъ чтобы одна часть учениковъ изображала собою сектантовъ, а другая православныхъ, равно необходимо присутствовать воспитанникамъ и на собесѣдованіяхъ съ сектантами, которыя ведутся въ Харьковѣ миссіонерами. Затѣмъ Его Высокопреосвященство пожелалъ посѣтить экзамены въ другихъ классахъ. По желанію Владыки воспитанники 6-го класса пропѣли ирмосъ „Тя паче ума и словесе“. Послѣ чего онъ изволилъ обратиться къ нимъ съ словомъ наставленія. „Вотъ вы прекрасно знаете ученіе сектантовъ и умѣло опровергаете его, но что-же? выходитъ, что всѣ ваши труды въ этомъ отношеніи напрасны? Зачѣмъ все это вамъ, если вы по окончаніи курса уходите на свѣтскую службу? Конечно, какъ сказалъ одинъ изъ васъ, и на свѣтской службѣ можно быть православнымъ миссіонеромъ, и въ настоящее время существуютъ уже въ разныхъ мѣстахъ кружки ревнителей православія изъ свѣтскихъ лицъ, которые ведутъ борьбу съ сектами. Но у такихъ лицъ миссіонерство является дѣломъ второстепеннымъ,

между прочимъ, а у пастыря церкви миссіонерство есть дѣло первой важности, прямой его долгъ. И вотъ вы-то, владѣя богатымъ запасомъ знаній, въ роли пастырей церкви и можете принести плодъ много. А между тѣмъ, что мы видимъ? Веема и веема немногіе изъ оканчивающихъ курсъ семинаріи принимаютъ санъ священства. Приходится посвящать во священники лицъ, неполучившихъ полного богословскаго образованія—діаконовъ, хотя отъ нихъ и требуется предварительный экзаменъ по богословскимъ предметамъ. Вынуждены дѣлать это, потому что жатва много, а дѣлателей мало: нельзя оставлять приходы безъ пастырей особенно теперь, при такой широкой пропагандѣ сектантства. Говорятъ, что служеніе пастыря въ настоящее время особенно трудно и не такъ обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, что будто бы и служить причиною бѣгства семинаристовъ отъ духовной службы. Но мнѣ страннымъ кажется, почему это теперь именно такъ етрашить пастырское служеніе, всегда бывшее труднымъ и мало обезпеченнымъ; почему въ мое время на духовную службу шли охотно и не только худшіе или средніе воспитанники семинаріи, но и лучшіе? И сколько вышло изъ духовной школы великихъ людей, полезныхъ дѣятелей на нивѣ Христовой! Очевидно, въ доброе старое время питомцы духовной школы воспитывали въ себѣ духъ церковности и проникались еще съ дѣтства горячимъ желаніемъ служить своей матери церкви, не опасаясь тѣхъ трудностей, какія могутъ встрѣтиться имъ на пути ихъ пастырской дѣятельности. Уходили и въ наше время нѣкоторые въ высшія свѣтскія учебныя заведенія, но таковыхъ было немного; теперь же замѣчается чуть-ли не поголовное бѣгство и въ свѣтскія учебныя заведенія и на гражданскую службу. Думаю и вѣрю, что явленіе это носитъ временный характеръ. Упадокъ духа церковности въ обществѣ вообще отразился въ частности и въ духовной школѣ. Но нынѣ, благодареніе Господу, всюду мы замѣчаемъ отрезвленіе, и въ связи съ нимъ усиленіе упавшей религіозности, тяготѣніе къ церкви и ея завѣтамъ. Все это должно коснуться и нашей духовной школы и ея питомцевъ. Во всякомъ случаѣ помните, что служеніе пастыря всегда было и будетъ самымъ высокимъ и важнымъ служеніемъ“. Благословивъ затѣмъ воспитанниковъ, Владыка, при пѣніи „исъ полла эти, деспота“, вышелъ изъ зала.

Въ этотъ-же день въ 5-мъ паралл. классѣ происходилъ экзаменъ по догматическому богословію. Владыка прослѣдовалъ туда. Встрѣченный и здѣсь пѣніемъ „исъ полла эти, деспота“, Его Высокопреосвященство велѣлъ продолжать экзаменъ. Въ присутствіи его

были спрошены шесть воспитанниковъ, которымъ также Владыка самъ предлагалъ вопросы, иногда прямо не входящіе въ программу предмета, но близко съ ней связанные и дающіе возможность вывести заключеніе, насколько ученики сознательно усвоили предметъ. Затѣмъ, благословивъ учениковъ, Его Высокопреосвященство вышелъ изъ класса и прослѣдовалъ въ квартиру ректора. Откушавъ тамъ чаю, Владыка около 12 часовъ, при колокольномъ звонѣ, отбылъ изъ Семинаріи на свою Архіерейскую дачу.

II.

5-го іюня с. г. Его Высокопреосвященство, согласно своему обѣщанію, снова посѣтилъ Семинарію. Прибылъ въ Семинарію Владыка около девяти часовъ утра и, встрѣченный ректоромъ Семинаріи, прот. А. Юшковымъ, инспекторомъ Семинаріи, Н. Н. Страховымъ, и преподавателями-членами экзаменаціонныхъ комиссій того дня, преподавъ всѣмъ благословеніе, прослѣдовалъ въ актовъ залъ на экзамень по нравственному богословію. При входѣ Владыки въ залъ воспитанники VI класса пропѣли тропарь св. Апостолу и Евангелисту Іоанну Богослову и „исъ полла эти, деспота“. Благословивъ воспитанниковъ, Его Высокопреосвященство началъ экзамень, при чемъ очень интересовался введеннымъ съ нынѣшняго года въ курсъ нравственнаго богословія разборомъ и обличеніемъ социализма. Отвѣтами воспитанниковъ Владыка остался вполне доволенъ. Спросивъ 8 воспитанниковъ, Его Высокопреосвященство, предложивъ пропѣть молитву, прослѣдовалъ изъ зала въ другіе классы. Сначала онъ посѣтилъ 5-й нормальный классъ, гдѣ происходилъ экзамень по дидактикѣ, а затѣмъ въ 5-й параллельный классъ, гдѣ экзаменовали по св. писанію Новаго Завѣта (толкованіе Евангелій). И въ томъ и другомъ классѣ спрошено было въ присутствіи Владыки по 6 учениковъ, отвѣтами которыхъ онъ остался также доволенъ. Затѣмъ, посѣтивъ квартиру ректора, Владыка въ 11 часовъ, при колокольномъ звонѣ, отбылъ на свою Архіерейскую дачу.

Всѣ три посѣщенія Владыкою экзаменовъ въ Семинаріи оставили самое пріятное впечатлѣніе въ сердцахъ и учащихъ и учащихся, что между прочимъ и было чистосердечно высказано воспитанниками VI класса при прощаніи ихъ съ Его Высокопреосвященствомъ. Нельзя не цѣнить того, что Владыка, не смотря на множество дѣлъ по епархіальному управленію, не смотря на то, что ему пришлось посѣтить много другихъ учебныхъ заведеній—духовныхъ и свѣтскихъ, однако нашелъ для себя возможнымъ нѣсколько разъ.

побывать въ Семинаріи, не мало времени посвятивъ выслушиванію ученическихъ отвѣтовъ, въ чемъ высказалась его особая забота о постановкѣ учебнаго дѣла въ Семинаріи.

Иноепархіальный отдѣлъ.

Пастырское посланіе Преосвященнаго Серафима, Епископа Полоцкаго и Витебскаго.

„Явилъ Господь спасеніе Свое, открывъ предъ очами народовъ правду Свою. Всѣ концы земли увидѣли спасеніе Бога нашего“. Псл. 97, 2—3.

„Мощи святыхъ даруются намъ отъ Владыки Христа, какъ спасительные источники, которые источаютъ многообразныя блага дѣянія“. (Св. Ин. Дамаск. точное изл. вѣры, кн. IV).

Смиренный Серафимъ,

Божією милостію Епископъ Полоцкій и Витебскій, возлюбленнымъ въ Богѣ пастырямъ и всѣмъ православнымъ области Витебской желаетъ радоваться въ Господѣ.

Благодареніе и честь, и хвала Вседержителю Богу за праведное житіе благородной Евфросиніи, Княжны Полоцкой. Возвеличите Господа со мною и вознесемъ въ хвалахъ имя Его вкупѣ за дарованіе русскому народу этой свѣтлой поборницы добра и правды, содѣлавшейся на многія столѣтія путеводной звѣздой для алчущихъ и жаждущихъ божественной жизни. Пойте Господу новую пѣснь, ибо Онъ далъ намъ видѣть рѣдкое въ человѣческой исторіи, величественное священное зрѣлище торжественнаго шествія свят. мощей Преподобной изъ славнаго Кіева въ смиренный Полоцкъ. Семьсотъ лѣтъ хранила святая Кіевская Лавра эту драгоцѣнную святыню, чтобы въ нынѣшніе смутные годы передать и поставить ее въ предѣлѣ бывшей столицы Полоцкаго Княжества. Итакъ славьте Господа, призывайте имя Его, возвѣщайте въ народахъ дѣла Его! Пойте Господу, ибо Онъ содѣлалъ великое—да знаютъ это по всей землѣ. Веселись и радуйся, народъ Полоцкій, ибо велика посреди тебя Божія угодница! Изъ глубины сѣдой древности свѣтитъ въ долготу вѣковъ согрѣвающимъ духовнымъ свѣтомъ эта дивная княжна, и ея

добродѣтели съ благоговѣніемъ видятъ смѣняющіяся поколѣвія бѣлоруссовъ и прославляютъ за нея Отца Небеснаго. Ибо въ этой освященной отъ утробы матерней праведницѣ Творецъ неба и земли открылъ Свою святую спасительную силу, явилъ въ ея призваніи Свою чудную благодать и праведность, какъ знаменія вѣрности своимъ обѣтованіямъ о спасеніи всѣхъ вѣрующихъ въ Единороднаго Сына Его Иисуса Христа.

Въ самомъ дѣлѣ, состояніе нравовъ общественной среды въ XII вѣкѣ, когда жила святая Евфросинія, было не только не лучше, но, можетъ быть, даже хуже нынѣшняго. Большинство русскихъ были христіанами только по имени, а по наклонностямъ, обычаямъ и міропониманію они были ближе къ некрещенымъ. Люди княжные, начитанные составляли меньшинство. Большинство духовенства по недостатку школъ только умѣло съ трудомъ читать богослужебныя книги и къ учительству было неспособно. По бѣдности страны и неизвѣстности искусства книгопечатанія богослужебныхъ и учительныхъ книгъ было весьма мало. Вслѣдствіе этого познаніе истинъ христіанской вѣры, т. е. догматовъ и заповѣдей, было слабо по качеству и ограничено въ отношеніи количества знающихъ истины вѣры. Верхнее меньшинство, т. е. богатые и знатные, православную вѣру приняло сознательно. Этому способствовала книжность вслѣдствіе матеріальнаго достатка и досуга. Нижнее же большинство, т. е. народная масса, было неграмотно, малосвѣдующе въ познаніи истинъ вѣры и по недостатку школъ научалось божественнымъ заповѣдямъ и догматамъ только вслѣдствіе непрестаннаго общенія съ просвѣщеннымъ меньшинствомъ въ дѣлахъ житейскихъ. Такое познаніе, конечно, было недостаточнымъ и большинство современниковъ Евфросиніи безъ особыхъ терзаній совѣсти соединяло въ своихъ сердцахъ вѣрованія языческія и христіанскія. Имъ вѣрованія языческія казались также полезными и основательными, какъ христіанскія. Вслѣдствіе этого большинство вѣровало вопреки св. писанію въ ложное вѣдовство и вредное колдовство. Рядомъ съ вѣрою въ Трїедиаго Бога существовало признаніе многихъ меньшихъ боговъ, якобы управляющихъ міромъ. Поэтому и въ XII вѣкѣ, когда спасалась Преподобная Евфросинія, сохранились идолопоклонническія празднества и различные поганые обычая. Язычество, представляющее собою служеніе плоти и страстямъ, продолжало составлять темный фонъ жизни крещенныхъ бѣлоруссовъ. Большинство молились и праздновали и христіанскому Богу съ Его святыми и богамъ языческимъ; въ одни дни совершали домашнія требы чрезъ христіанскихъ священниковъ, а въ

другіе дни языческіе обряды чрезъ суевѣрныхъ стариковъ и волхвовъ; творилась домашняя молитва и христіанскому Богу и богамъ языческимъ. Это было повтореніе двоевѣрія древнихъ евреевъ въ видѣ служенія Іеговъ и языческимъ Вааламъ и Астартамъ. Общественная нравственность, т. е. христіанская нравственность людей среднихъ (а не избраннаго меньшинства), была также весьма слаба вслѣдствіе малаго поверхностнаго знанія вѣры христіанской. Вслѣдствіе этого такіе, напримѣръ, пороки, какъ воровство, грабежи, насиліе, обманъ, эксплуатація и вообще отсутствіе честности въ дѣловыхъ и служебныхъ отношеніяхъ были явленіями весьма распространенными. Но было организованной благотворительности ни въ видѣ школъ, ни въ видѣ богадѣленъ и приютовъ. Нанесеніе ближнему духовнаго, тѣлеснаго и хозяйственнаго вреда не считалось дѣломъ мерзкимъ, постыднымъ и преступнымъ. Семейные нравы были весьма несовершенны; ссоры и драки между кровными родственниками были весьма распространены. Порокъ пьянства продолжительнаго, буйнаго и грязнаго былъ извѣстенъ далеко за предѣлами Руси и составлялъ предметъ насмѣшекъ надъ нею иноплеменниковъ. Грѣхи противъ тѣлесной чистоты или цѣломудрія были также весьма распространены. Не меньше были распространены и тѣ пороки, которые извѣстны подъ именемъ срамословія, обжорства, щегольства, роскоши и безстыдныхъ пировъ и увеселеній. Театральныя представленія скомороховъ въ видѣ особыхъ дѣйствій, пѣсенъ и плясокъ не только не отличались скромностью и сдержанной пристойностью, а, напротивъ, языческая вольность нравовъ цѣликомъ воспроизводилась въ нихъ со всѣмъ своимъ безстыднымъ обнаженіемъ...

Таково было состояніе общественныхъ нравовъ въ XII вѣкѣ, когда изъ среды знатнаго книжнаго меньшинства Вседержитель воздвигъ предъувѣденную Имъ прежде сложенія міра добродѣтельную княжну Предиславу, нареченную въ иночествѣ именемъ Евфросинія. Въ лицѣ этой дѣвственной отрасли Равноапостольнаго князя Владиміра Богъ явилъ блистательнымъ образомъ великую пользу послушанія Его святымъ заповѣдямъ и содѣлалъ въ лицѣ этой праведницы спасеніе отъ грѣха и духовной смерти настолько достопамятнымъ и громкимъ, что молва о немъ пронеслась во всѣ концы земли и участниками сего спасенія въ XII и послѣдующихъ вѣкахъ стали сотни и тысячи стремящихся къ правдѣ мысли и воли.

(Продолженіе будетъ).

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Способъ распознаванія мнимо-умершихъ.

Иногда бываетъ очень трудно, почти невозможно, распознать мнимо-умершаго, и вслѣдствіе того случается, что хоронятъ живыхъ людей, принимая ихъ за покойниковъ. Было сообщено много способовъ, будто бы безошибочныхъ, для отличія настоящей смерти отъ кажущейся, но всѣ они или неудобноисполнимы, или мало убѣдительно. Наконецъ, въ бельгійскомъ журналѣ „Medicin“ находимъ указаніе, которое, кажется, удовлетворяетъ обоимъ требованіямъ. Достаточно вызвать пузырь или волдырь на одномъ изъ пальцевъ руки или ноги покойника, что легко достигается, приблизивъ къ оконечности зажженную свѣчу, которую надо продержать нѣсколько секундъ, пока на пальцѣ не образуется волдырь—неизмѣнное послѣдствіе ожога. Если въ пузырькѣ будетъ содержаться жидкость, очевидно, что жизнь еще не угасла, и это обыкновенный ожогъ. Если въ пузырькѣ только паръ, то можно смѣло утверждать, что имѣемъ дѣло съ трупомъ, и хоронить безъ опасенія. Вотъ разъясненіе причины: трупъ, безжизненная масса, повинуется физическимъ законамъ, вслѣдствіе которыхъ всякая жидкость, нагрѣтая до извѣстной степени, переходитъ въ состояніе пара. Эпидерма, верхняя кожица, приподнимается, образуется волдырь, который лопается съ болѣе или менѣе громкимъ шумомъ и немедленно опадаетъ, выпустивъ накопившіеся въ немъ пары. Если же, несмотря на кажущуюся смерть, въ тѣлѣ еще сохраняется жизнь, то ткани организма подчиняются не физическимъ, а физиологическимъ законамъ, и пузырь будетъ наполненъ водянистою жидкостью, какъ это всегда бываетъ при ожогахъ. Итакъ: сухой пузырь указываетъ на смерть; пузырь съ жидкостью—на жизнь. Различіе ясно и ошибка невозможна. (Журналъ „Природа“).

Самоубійство княжны Хилковой.

Въ великосвѣтскихъ кругахъ Петербурга много говорятъ о загадочномъ самоубійствѣ молодой княжны Хилковой. Красивая молодая дѣвушка кн. Хилкова пользовалась всѣмъ, что можетъ дать молодость, красота и обеспеченное положеніе. Она была собственницей огромнаго состоянія въ нѣсколько милліоновъ. Въ послѣднее время она очень интересовалась философско-нравственными вопросами, но ничто не обнаруживало ея рѣшимости покончить съ собой. Кн. Хилкова—дочь извѣстнаго толстовца Хилкова.

МИССИОНЕРСКІЯ ПОСОБІЯ,

составленныя діакон. І. Смолинымъ.

(Адресъ для выписки: С.-Петербургъ, Пантелеймоновская, 15).

Симфонія на Новый и Ветхій Заветъ, съ общими и миссіонерскимп параллелями. Безъ переплета 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р. безъ пересылки.

Миссіонерскій щитъ вѣры въ огражденіе отъ сектантскихъ заблужденій. Изданіе 4-е, съ добавленіемъ: Голосъ истинной науки въ обличеніе „философскаго“ безбожія. Ц. 1 р. 50 к. безъ пересылки.

Краткій толкователь мѣстъ Священнаго Писанія, извращаемыхъ иномыслящими съ православною Церковію. Изд. 2-е, 1910 г. Цѣна 1 р., въ переплетѣ 1 р. 20 к. съ пересылкою. При высылкѣ 10 экз. и болѣе 25% скидки.

Библия компакт. на русскомъ языкѣ (мелк. шрифтѣ), въ 16 долю, изд. Спб. Сун. типогр. 1908 г., переплетная вмѣстѣ съ Крат. Толков. и составляющая Миссіонерскую Библию, высылается за 3 р. съ пересылкою.

Путеводитель по Св. Библии (миссіонерскій). Изд. 2-е. Ц. 50 к. въ папкѣ и 60 к. въ коленкоровомъ переплетѣ безъ перес.

Сущность сектантскихъ заблужденій. 1-я и 2-я брошюр., по 5 к. каждая.

Объ организациі кружковъ ревнителѣй православія. (Воззваніе, проектъ устава и списокъ книгъ для миссіонер. библіотеки). Ц. 1 к. безъ пересылки.

Мечъ духовный для отраженія сектантскихъ лжеученій (выходитъ изъ печати книга около 700 стр. убористаго шрифта въ 16 долю). Цѣна 1 р. 50 к. Отдѣльные брошюрки подъ тѣмъ же заголовкомъ по разнымъ предметамъ, пререкаемымъ сектантами, цѣна отъ 1 до 3 к., сотнями значительная скидка.

ПРИЕМЪ СРОЧНЫХЪ ЗАКАЗОВЪ.

ИКОНОСТАСНАЯ ФАБРИКА

Братъевъ М. и В. Гетманъ

въ сл. ТАМАРОВКѢ, Курской губ.

Существуетъ болѣе ста лѣтъ.

Фирма удостоена медалями: серебряною въ 1887 г. и золотою въ 1904 г.

Почетные отзывы многихъ учрежденій и высокопоставленныхъ лицъ.

За послѣднія 20 лѣтъ существованія фирмы исполнено 136 иконостасовъ въ разныхъ городахъ и селеніяхъ Россіи. Подробный списокъ работъ желающимъ высылаемъ бесплатно.

Адресъ для грузовъ: „Томаровка“ В.-С. ж. д.

„ „ телеграммъ: „Томаровка—Братьямъ Гетманъ“.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналь помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того, пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова,—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“?—В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богословіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Статьи объ антихриствѣ“. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руевъ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Экзарха Грузіи).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи. Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналь помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ; за перемѣну адреса уплачивается 30 коп.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить г.г. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 коп.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексѣй Юшковъ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ Истоминоу.